

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПОЭЗИЯ

<i>Владислав АРТЁМОВ</i>	
Я устоял в неравном поединке... ..4	
<i>Юрий БОГДАНОВ</i>	
Верую (венок сонетов).....22	
<i>Анатолий НЕСТЕРОВ</i>	
Жизнь, надежда и любовь... ..36	
<i>Пётр ГУЛДЕДАВА</i>	
Над раздольем земли, где любовь окрыляла мне душу... ..53	
<i>Алексей ЕВДОНОВ</i>	
Душа – Феникс!.....61	
<i>Юрий ЯХОНТОВ</i>	
Россия, Русь – как пульс живое слово... ..69	
<i>Сергей ЛЕБЕДЕВ</i>	
Дорогу верную Россия обретёт... ..76	
<i>Анатолий УВАРОВ</i>	
Судьба ко мне благоволила... ..99	
<i>Александр ГАНИН</i>	
Мы света ждём... ..120	
<i>Таисия ГУСЬКОВА</i>	
Обними меня, ночь, да покрепче... ..129	
<i>Наталья ПОНОМАРЧУК</i>	
Мы любим ветер, солнце, воду, скалы... ..139	
<i>Алим АЛАФАЕВ</i>	
Посвящение на камне150	
<i>Магомед АХМЕДОВ</i>	
Простые слова. Поэма из краткостищий ...169	

ПЕСНИ СЛАВАНСТВА

<i>Панко АНЧЕВ (Болгария)</i>	
Тайна человека как тайна истории.....19	
<i>Трайче КАЦАРОВ (Македония)</i>	
Дирижёр55	
Шнурки.....58	
<i>Генка БОГДАНОВА (Болгария)</i>	
Царица-ведьмица84	
<i>Йорданка ГОСПОДИНОВА (Болгария)</i>	
Южанка.....107	
<i>Александар ПРОКОПИЕВ (Македония)</i>	
Гомункул.....180	
Палчо187	

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№3(5) 2012
Выходит четыре раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЬ»

Подписано в печать 01.07.12.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 2234.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Андрей **ГЕРАЩЕНКО**
Легендарная Брестская крепость
над Бугом.....29
- Николай **ЛИСОВОЙ**
Русская Палестина
как национальный проект.
К концепции ИППО вчера и сегодня.....45
- Владимир **СМЫК**
Духовная школа отца Александра63
- о. Николай **СОКОЛОВ**
Музей-храм79
- Кира **ГАВРИЛОВА**
Он там, где свет.....125

ИНТЕРВЬЮ

- Валентин **СОРОКИН**
«Надо возродить разговор писателей
с народом...».....41

ВСПЛЕСК

- Александр **ЛАПКО**
«Всеу своё время, и время всякой вещи
под небом» (Еккл. 3:1).....73

ПРОЗА

- Светлана **НАУМОВА-ЧЕРНЫШОВА**
Ванька с Манькой.....87
- Лампа.....88
- Анжела **МКРТЫЧЯН**
Бродячее горе. Рассказ103
- Нечто удивительное. Новелла105
- Алла **СИНЬКОВСКАЯ**
Прозрение110
- Татьяна **ЛЕТНЕВА**
Признание без капли лжи.....132

ПАМЯТЬ

- Лариса **НАЗАРЕНКО**
Вечная память90

ПУБЛИЦИСТИКА

- Александра **КОРОЛЁВА**
Охраняя святыню, сохраняем себя.....143

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алла **НОВИКОВА-СТРОГАНОВА**
Христианский дух земли русской
в «Записках охотника» И.С. Тургенева154

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Литература современной России сегодня переживает не лучшие времена. С одной стороны, существует плеяда замечательных, национально ориентированных и плодотворно работающих русских писателей; активно протекает литературный процесс в братских национальных республиках; появляется многочисленная творческая молодёжь, готовая унаследовать традиции своих великих предшественников и выразить чаяния сегодняшнего дня на своём родном языке. С другой стороны, практически всем национально мыслящим и чувствующим труженикам литературы путь к широкому читателю сегодня надёжно перекрыт. Под видом «свободы рынка» режим максимального благоприятствования создан только для представителей «либерального», космополитически-антирусского, псевдоевропейского и при этом отчётливо антирусского, антигосударственного направления. В контексте вялотекущего экономического кризиса непрекращающаяся агрессия против русской традиционной духовности, российской многонациональной культуры приобретает ещё более зловещий оттенок. Гораздо проще сломить народ, утративший представление об Отечестве, о Долге, Правде и Справедливости, чем народ, имеющий ясное и бескомпромиссное представление об этих незыблемых понятиях. Именно поэтому на книжные прилавки сегодня с огромным трудом пробиваются ростки подлинно национального российского самосознания, основанного не на рабской приверженности культу «золотого тельца», не на дегенеративной склонности к тёмным свойствам человеческого существа, но на принципах верности национальному началу, светлой духовности и братству народов, связанных общей великой судьбой под сенью Российской государственности...

Журнал «Великоросс» продолжает знакомить своих читателей с текущим литературным процессом, в соответствии со своими представлениями об интересах литературы многонациональной России – литературы как духовной составляющей всей единой мощи российской государственности. Всех нас объединяет бескорыстная любовь к русскому слову, верность традиции и сознание высокого и неоплатного долга перед нашим Отечеством.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великоросс», 2012
© Авторы, 2012

ПОЭЗИЯ

Владислав АРТЁМОВ

Владислав Владимирович Артёмов – поэт, прозаик, публицист. Родился 17 мая 1954 г. в с. Лысухе Березинского района Минской области. В 1982 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор ряда глубоких по содержанию и увлекательных книг стихотворений и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В. Суворова. Главный редактор журнала «Москва». Живёт в Москве.

Я устоял в неравном поединке...

Баллада про слова...

Сдаётся мне, что музой не забыты
Мои места, где я брожу один.
Мои сады закрыты для элиты,
Здесь только я – и бог, и господин...

Но жизнь сплела забавную интригу,
И предложила выгодный обмен –
Сказали мне, что хочет «сделать книгу»
Скучающий, богатый бизнесмен.

Всё по уму, всё складно, всё толково,
Укромно, с глазу на глаз, тет-а-тет,
Он предложил мне сделку: «Доллар – слово!»
И я ему не смог ответить – нет!

И мой Пегас, унять не в силах дрожи,
Косил глаза на непомерный воз,
Он жилы рвал, он вылезал из кожи,
Но страшный груз тянул, как водовоз.

Пусть белый свет мне узок стал и тесен,
А как иначе, если дух в плену? –
Душа хотела – музыки и песен!..
Но деньги любят – счёт и тишину.

Тоска-печаль, да ну её в болото,
Я живо эту музыку унял,
И мой талант линял, как позолота,
А я слова на доллары менял.

Спокойно, совесть! Мир устроен жёстко,
Слова – пустяк, а денежка всерьёз,
И в этом мире индекс Доу-Джонса
Важней метафор и метаморфоз...

Я устоял в неравном поединке!..
Но дрогнул доллар, в назиданье мне, –
Валились биржи, индексы и рынки,
Мои слова – обрушились в цене...

Свои сады я обходил в печали,
Сгорала тусклым золотом листва.
А под ногами доллары шуршали,
Вернее, эти... Как их там?.. Слова.

Незванные гости

Жил я жизнью скромной и простой,
В тишине, как в горнице пустой.

Жил, как все, особо не тужил,
И легко с соседями дружил.

Знал, что голова моя пуста,
Да зато была в ней – чистота.

Но однажды, – хмурые, в пыли,
Мысли в мою голову пришли.

Нанесли со всех земных дорог
Голосов, сомнений и тревог...

Тучею нависли над столом:
«Эй, очкарик! Сбегай за вином!..»

Так с нахрапу перешли на «ты»,
И окурки тыкали в цветы.

Гольтьёбу созвали со двора,
И пошла гулянка до утра...

«Хто козёл?.. А ну-ка докажи...» –
И, хрипя, хватались за ножи...

На ковре побитое стекло,
На душе темно и тяжело...

Я их выпроваживал, как мог:
«Вот вам бог, а вот вам и порог...»

Я толкал их в спину, но, увы,
Мысли не идут из головы.

Я сломался, я рукой махнул,
И ногой к столу подвинул стул...

Кто не судит – будет не судим...
За столом, обнявшись, мы сидим.

Эти мысли душу мою рвут,
Всё-то песни горькие режут.

Эх, развеи печаль мою, тугу,
Подвываю, вою, как могу...

Колобок

Не возносись над бедным человеком,
А всем, что есть, – делись с ним пополам,
А ну, гребни ладонью по сусекам,
А ну, скреби метлой по закромам...

Живущие на свете, «дайте краба!» –
Не из фольклора сказочка моя,
На самом деле – жили дед да баба,
Дед настоял – и появился я.

Меня слепили из крутого теста,
И не остывши, на свою беду,
Сорвался я с насиженного места,
С тех пор себе я места не найду.

Кто в ад пойдёт, а кто в раю спасётся,
Моя ж судьба крива и непроста,
Пока я жив, мне места нет под солнцем,
Куда ни сунься – заняты места.

Какое б я местечко ни нашарил,
Мне скользко, как на склоне, на крутом,
Не может удержаться шар на шаре,
Земля ведь шар... И вертится притом.

В колдобинах весь мир, будь он неладен,
С любого склона катишься на дно,
Мне ничего не светит, кроме впадин,
А впадина и яма – суть одно...

Кочую я, ночую по соседям,
Куда ни сунься, надпись – «Нету мест!»...
Зато меня не схватят волк с медведем,
Бог не продаст, свинья меня не съест...

Я поражён, как долго длится сказка,
Насквозь прошёл я тёмные леса,
Что ж до лисы, то вышла неувязка –
Я зачерствел, не жрёт меня лиса...

Судьба моя, ты много обещала,
Но жизнь сложилась просто, как лубок,
Конец затёрся... Есть зато начало –
Начнём сначала: «Жил-был колобок...»

Исповедь олигарха

Не сказать, что я уж так уж счастлив,
Но доволен, и, как всякий гад,
Я жирую, свой кусок намаслив,
Кругломорд, упитан и богат.

Нужно быть увёртливым и лживым,
Нищета и голь со всех сторон
Так и лезет в душу, одолжи, мол...
Сколько одолжить, мол?.. Миллион!

Улица гудит в кабацком гаме,
Пей, народ... Хоть всё с себя пропей!..
Власть у нас валялась под ногами,
За штаны цеплялась, как репей...

Мы играли в кости с этой властью,
Обнажая когти и клыки,
И пирог хватали волчьей пастью,
И державу рвали на куски.

Изначально мир устроен грубо,
Другу верь не больше, чем врагу...
И терял покой, клыки и зубы,
Тот, кто слишком рвался к пирогу.

Ох, и шла охота, брат на брата,
Выжил я... Мне дела нет до вас,
Это очень трудно – жить богато,
Тяжко жить, куском своим давясь...

Вон ещё... Застрелен у порога,
Перед смертью крикнул только: «Вав!..»
С укоризной смотрит он на Бога,
Так и сдох, пирог не дожевав...

С верой в то, что всё продашь и купишь,
Мы учили все мелочи, кажись,
Но судьба в кармане прячет кукиш,
Цифра врёт, и нелогична жизнь.

Мир ещё трясёт и потрясает,
Но уже, как было много раз,
Из руин держава воскресает,
И как струпья стряхивает нас.

Две бабы

Как ни считай, а жизнь всего одна,
Что у бродяги, что у полководца...
Я молча наблюдаю из окна,
Как ссорятся две бабы у колодца.

А я опять с похмелья на мели,
Небритые почёсываю щёки,
Не обо мне ль, голубушки мои,
Заспорили, уткнувши руки в боки...

Мне любопытно слушать и смотреть,
Не знаю, кто упрямей, кто капризней,
Но я уверен в том, что баба-смерть
Вовек не переспорит бабы-жизни.

С обеими связался, сам не рад,
Давно бы я прогнал и ту, и эту,
Но, к сожаленью, выбор небогат,
Сказать по правде, выбора и нету...

Я с бабой-жизнью жил бы лет до ста,
Ведь так удобно мять её и тискать,
Она – ряба, смешлива и толста...
А баба-смерть – красива, как артистка!..

Зато и неприступна, как звезда,
Ни бигудей, ни старого халата,
Она стройна, бесплодна и худа...
А баба-жизнь почти всегда – брюхата.

Необъяснимы тайны бытия,
Все как один, – не верите, проверьте,
Примерные и верные мужья
В конце концов, уходят к бабе-смерти.

И пусть достоинств больше у жены,
Пусть баба-смерть – совсем не королева,
Но что поделать – призрак новизны,
Как водится, влечёт нас всех налево.

Соблазн силён, и как тут ни держись,
Слепая страсть подхватит и завертит...
И схватится за сердце баба-жизнь,
Застукав нас в объятьях бабы-смерти.

Судьбы не перешьёшь, как ни крои,
И для приличья постояв при гробе,
Уйдут к другим две бабы, две змеи,
Уж извини, они изменят – обе!..

Русские поэты

1

Когда с поэтом Муза говорит –
Стихает гром, и мир царит в природе,
И радостно свободный дух творит...
Что помним мы об истинной свободе?

Мир делится на этот свет и тот,
Что без причины в души наши лётся.
Вся эта жизнь и этот век пройдёт,
Всё минется, лишь правда остаётся.

2

Чист небосвод и светится звезда,
Но злые шутки шутит век над нами –
Настырная, крикливая орда
Слепит глаза и лезет с фонарями:
«Святая правда есть, но – высоко,
А наша правда вот она – под боком!..»
И мир опять обманется легко,
И празднословия назовут пророком.

Но, впрочем, речь, конечно, не о том,
Ошибок нет и отработан метод –
Где смерть, как Вий, пронзительным перстом
Круг разомкнёт, и все увидят: «Этот!»

3

У времени сто слуг и сто личин,
Но иногда оно впадает в ярость,
И убивает страшно, без причин,
И не даёт уйти, укрыться в старость.

Тринадцать раз гремят в ночи часы,
Во тьме лисица брешет под горою,
Сыч голосит, и в землю воют псы,
Копытами коровы землю роют.

И не карга горбатая с косой
Приходит и глядит в глаза пристрастно,
А – юная, с пшеничною косой,
Печальная...
Она почти прекрасна.

Так что же сердце сжалось от тоски,
И хочется рыдать, что люди – братья!..
Она идёт, шаги её легки,
Но неразъёмны тяжкие объятья.

Душа чутка – в поэте жив пророк,
Судьба ему не поднесёт сюрпризов,
Он чувствует, когда приходит срок,
Идёт навстречу и – бросает вызов.

4

И что кому до горьких чувств моих,
Но у поэтов мне всего дороже –
Что по земле прошли герои их,
Цветка не смяв, росы не потревожив.

5

В разгар чумы и торжества врагов
Вам пригодятся пушкинские песни,
Вы разделите их, как пять хлебов –
И в душах ваших горний дух воскреснет!

6

Всё дорого, что в муках рождено,
Нет памяти без крови и без боли,
За тем леском лежит Бородино,
За той рекою – Куликово поле.

Единой кровью связаны сердца,
Нет, не умрёт душа в заветной лире,
Она вздохнёт над «Песней про купца...»,
И вздох вовеки не остынет в мире.

Живым огнём стихи его горят,
Но пепла нет.
К ним смерть приходит греться.
Они стоят, как небо, как закат,
Чтобы с рассветом снова возгореться.

Костлявою нашли кого пугать! –
Тем более, бояться не пристало,
Что к смерти ему стать не привыкать –
Он умирал в долине Дагестана...

Не знаю я, откуда эта грусть?
Откуда свет? Багряный свет по клёнам...
Я всей России в пояс поклонюсь –
Лежит он в ней под дубом, под зелёным.

Любовь я вспомню первую свою,
В последний раз поплачу я над нею,
И тихо-тихо для него спою
О той любви...
Так тихо, как умею...

7

Поймало время в крестовину цель
И глаз ни на секунду не спустило.
Он понял всё.
Он вышел на дуэль,
Чтоб совершить формальности пустые.

8

Творило время тёмные дела,
Ну а судьба свои ковала ковы,
По пересылкам Ключева вела,
И подводила к стенке Гумилёва...

9

Так убери же волосы со лба,
Ночь за окном, и тесен мир, как клетка.
Уж если время выбрало тебя,
Спасенья нет – оно стреляет метко.

Оно условно свистнет, и на свист
Приходят в чёрном призраки ночные.
Но перед Богом ты остался чист,
Хор-рошье... Родные... Дорогие...

А чёрные, что усмехались зло? –
Плевать на них, горят их души в пекле,
Нет, это время сзади подошло
И туго-туго затянуло петлю.

Трещит стена под тяжестью улик,
И потолок навис, белее смерти,
И рушится, перекрывая крик:
– Он не хотел, стихам его не верьте!

Велик потенциал СССР,
А вот дыры никто не залатает.
Под страшной ношей рухнул «Англетер», –
Уж не следы ли время замечает...

10

Прости, Есенин, нынче мне видна
В моих стихах досадная накладка,
Была догадка, но ещё смутна,
И, видит Бог – страшна была догадка.

Учителя, они умели лгать,
И представляли факты в разных видах,
Но истины в груди не удержать,
Она на волю рвётся, словно выдох.

Вот обвалились стены, и в пролом
Мы ворвались, и в ужасе застыли –
В крови всходили звезды над Кремлём
В тот страшный год, когда тебя убили...

Их кровь темна и совесть их глуха,
Не первый ты оплёван и повешен,
Самоубийство – нет страшней греха...
Но, слава Богу, в этом ты не грешен!

11

Я не хочу поверить, хоть убей,
Что любит смерть магические числа,
Но кто же, кто наушничает ей:
«Ещё один пришёл и – отличился!..»

Я даже фактам верить не готов,
Но пол в крови, дымящийся и скользкий,
Не поскользлись.
И не рассыпь здесь слов...
Погиб поэт Владимир Маяковский.

Он обернулся, зная – по нему!
Огонь видал, но не увидел дыма,
И к потолку всходила в том дыму
Душа его, цела и невредима.

На гроб глядела Муза с высоты,
И праздная толпа шумела розно.
Из рук прохожих бросились цветы
Прикрыть его от выстрела!..
Но поздно.

12

Не примет объяснений никаких,
Слёз не потерпит и не даст отсрочки
То время, что рождает в муках их,
Что славит их.
И бьёт поодиночке.

Шутя, провёл он за нос сто смертей,
Одна ж пристала так, скажи на милость! –
Поэт, должно быть, приглянулся ей,
Она в него, как девочка, влюбилась.

И ангелы крылами развели,
Смерть валит с ног, и ноша непосильна –
Вдали от всех, на краешке земли
Трагически погиб поэт Васильев...

13

«Дак пожили, чего же их жалеть,
Не нам чета!
Красивых баб любили!
Мешали всем плодиться и жиреть,
И правильно, что всех их перебили!..»

14

Тут с временем я прерываю спор,
Нет голоса и что-то галстук тесен.
Его конёк – казённый разговор,
И – приговор.
Не любит долгих песен.

Срок жизни время делит на двоих,
Мол, за глаза довольно половинки,
Капризное, оно меняет их,
Меняет, не дослушав, как пластинки...

А этот рта не раскрывал ещё,
А как он жил – он мухи не обидел!
Но вдруг хватают сзади за плечо
И цедят зло сквозь зубы: «Ну-ка выйдем!..»

15

Я рядом встал.
И слышу, как шипят:
«С посконной рожей прётся в ряд калашный!..»
А я тянусь к вам, я ваш меньший брат!..
Я маленький, мне в одиночку страшно...

16

Как душу, не споткнувшись, пронести
Дорогою неверною земною.
Постылое, хоть узел распусти,
Да не ходи, не рыскай ты за мною!

Свободен путь, но я кощусь на куст,
У времени, пусть будет ему пусто,
Намётан глаз и безупречен вкус, –
Вот почему тревожно мне и грустно.

Оно не ошибётся, не соврёт,
И будь ему хоть кумом ты, хоть другом,
Оно напрасно премий не даёт,
А награждает смертью – по заслугам!

Пора уйти, я точно рассчитал,
Жизнь прожита, конец неинтересен,
А то, что я не всё вам досказал,
Я ж говорю – что галстук слишком тесен...

Но я спасусь, загнав в пути коня,
В лесном ручье сотру остатки грима.
Какая б смерть ни целилась в меня,
Пока я жив – она ударит мимо!

Человек с собачьей головой

«Да какой я, к бесу, алкоголик?..
Просто жись... Хоть пей, хоть волком вой...» –
И дышал в лицо мне через столик
Человек с собачьей головой.

Я ему поддакивал с участием,
Пособлял, поддерживал бокал,
Очень трудно пить собачьей пастью,
Впрочем, и не пил он, а – лакал...

Я и сам нарушил меру, каюсь,
Рассказал и я ему «про жись»,
Оба мы, конечно, наладились,
Проще выражаясь – нажрались.

А потом прощались на вокзале,
Ах, какая жалось, Боже мой... –
Плакал человечьими слезами
Человек с собачьей головой.

Я уехал с порванной рубахой,
А потом в метро на Кольцевой,
Помню, назвала меня «собакой»
Женщина с собачьей головой.

Я же горько думал: «Год от году
Краше и светлей моя Москва,
Сколько ж в ней прибавилось народу,
И у всех – собачья голова...»

И ругая мэра вместе с мэрией,
Опираясь о косяк плечом,
Я стоял, качаясь, перед дверью
И не мог в замок попасть ключом.

Из квартиры шёл чудесный запах,
Там жена готовила пирог...
В дверь-то я вошёл... на задних лапах,
Ну а уползал – на четырёх...

Свет золотой

Крикну я: «Заходи!» –
И не буду спрашивать: «Кто там?» –
От тебя не запрёшься,
Ты сквозь стены проходишь, как гром,

Мужика пощади,
Что меня обозвал идиотом,
И ту бабу храни,
Что пихнула меня животом.

Что-то стал по ночам
Я всё чаще заглядывать в космос,
Что-то стал я с участием
Заглядывать встречным в глаза,
Ты идёшь, как зима,
Узнаю твою грузную поступь,
Вот шатаются люди,
Как от ветра речная лоза.

Ах, как мир засиял –
Золотой он, зелёный и синий,
Жизнь однажды пришла,
Но проходит, как всякая боль,
Ты идёшь по земле,
И холодный, сверкающий иней
На пути роковом
Проступает как горькая соль.

Вот и чаша твоя,
И питьё в ней замешано круто,
А горька до того,
Что не знаю я, чем и запить...
Паренька пощади,
Отведи ему с бритвою руку,
Подскажи дураку,
Что его ещё будут любить.

Ты в любые дома
Входишь так – без звонков и без стуков,
Ради дружбы со мной,
Ну хоть деда того уступи,
Пожалей старика,
Дай ему дорастить своих внуков,
Намекни, что пора,
Но не слишком его торопи.

Ой, на синих лугах
Только чёрные кони пасутся,
Только свет золотой
Осыпается с неба, как рожь,
Дай секунду одну,
Дай на родину мне оглянуться,
Но молчишь ты, молчишь...
Оглянуться и то не даёшь.

Ты меня поведёшь
По заброшенным этим просторам,
Дом стоит в стороне,
Поглядишь ты на эти огни,

И захочешь войти –
Отвлеку я тебя разговором,
И ты мимо пройдёшь,
Но поежатся зябко они.

Ты идёшь, как ледник,
Узнаю твою грозную поступь,
Ты вздохнула, и вон –
Даже листья с дубов сорвались...
Положи ты меня
На холме у того перекрестка,
Где небесная птичья дорога
И шлях человеческий сошлись.

Белая рубаха

1

Все мы в этой жизни сгинем без возврата,
Но весёлых песен век не перепеть!
Вышей ты мне, вышей белую рубаху,
Чтобы мне на праздник было что надеть.

Вышей мне рубаху синими цветами,
Житом, васильками, ну а по краям –
Чистыми ключами, звонкими ручьями,
Что текут, впадают в море-океан.

Вышей бор смолистый, земляничный запах,
Чтоб забилось сердце гулко, горячо...
Прилетят ли пчёлы, сядут на рубаху,
Прилетит кукушка, сядет на плечо...

Вышей мне рубаху песней журавлиной,
Утренним туманом, ледяной росой,
Красною калиной, сладкою малиной,
А ещё рябиной, горькою такой...

2

Ты полей рубаху чистыми слезами,
Чтоб студёный ветер прилетел с полей,
Чтобы тучи сами проросли дождями,
Чтобы лист кленовый закружил с ветвей.

Никакое слово сердце не обманет,
Всё-то моё сердце чует наперёд –
И когда уйдёшь ты, все на ней завянет,
А когда вернёшься, всё там зацветёт.

Что там бродит месяц, что он там колдует,
Серебристым светом травы леденя, –
Если ты разлюбишь, осенью подует,
И моя рубаха облетит с меня.

Станет день коротким, станет ночка длинной,
Зарыдает вьюга, запоеет над той
Красною калиной, сладкою малиной,
А еще рябиной, горькою такой.

Этот ветер...

Этот ветер, что в губы меня целовал,
Луг зелёный, что золотом вышит,
Молния, что разила дубы наповал...
Я прислушался –
А они не дышат!

Ждёт земля – когда же выпадет первый снег,
Заморозит, забинтует чёрную муку.
Ковыляют деревья, как толпа калек –
Тот ногу потерял,
Тот руку...

И у тебя, человек, похоронный вид,
Ты угрюм и глядишь на меня недобро,
Ты думаешь, это у тебя печёнка болит?
Нет, это крючьями черти
Цепляют за рёбра.

Где ещё сыщешь таких дураков,
Нам кости ломали, а мы не слышали хруста.
Эй, сколько там в запасе ещё веков?
Пошарили, всё перерыли –
Пусто!

Погляди, какая пустыня кругом,
А мороз всё круче, и куда ж тут деться,
Сбились в кучу, да и подпалили дом –
Очень уж хотелось
Хоть напоследок согреться.

Ночные птицы

Ничего со мною не случится,
Ночью в дверь никто не постучится,
В армию меня не призовут.
Но не знаю, что со мной творится,
Даже если мёртвым притвориться –
Господи! – поют, поют, поют...

Ничего со мною не стрясётся,
Почва подо мною не трясётся,
Но часы тринадцать раз пробьют,
И опять они – мороз по коже,
Всякий раз всё про одно и то же,
Слышите! – поют, поют, поют...

Отпусти меня, возьми другого.
 Спасу нет, но снова ночь, и снова
 Бьют часы, и птицы тут как тут.
 И стою, как лист перед травой,
 Я руками голову закрою,
 Чтоб не слышать, как они поют.

Ничего со мною не стрясётся,
 Я почую, как восходит солнце,
 И очнусь в глубокой тишине...
 И жена вздохнёт, и осторожно
 Снова скажет: «Жить с тобой тревожно –
 Плачешь, плачешь, плачешь ты во сне».

Тайна человека как тайна истории

О книге Б.Н. Тарасова «Тайна человека» и тайна истории.
 Непрочитанный Чаадаев, неопознанный Тютчев,
 неуслышанный Достоевский», СПб.: Алетейя, 2012.

Одной из главных и непреодолимых бед современного литературоведения является определение литературы как «текста», который существует сам по себе и который следует просто читать, а не искать в нём скрытые смыслы. Но литература не возникла сама по себе и не существует сама для себя, она прочно связана с породившим её народом, она служит обществу и истории. Другими словами, подобного рода утверждения имеют исключительно идеологический смысл и нацелены на то, чтобы ввести литературу в сферу некоего нового «чистого разума», обесценить её влияние на человеческое сознание, сделать её предметом забавы, отдать на потеху человеческому безразличию и гедонизму.

Литература всегда была (да и сейчас, вопреки всему, ещё остаётся) формой самопознания человека, свидетелем его преображения в истории, выразителем общественных идей. Именно поэтому всё, что происходило в истории, запечатлевалось в литературе, отображалось в ней и объяснялось ею. То, что мы называем «тайной истории», может быть найдено и растолковано в литературе. Но эта «тайна» проливает свет и на саму литературу, объясняет её своеобразие. Проблема в том, что мы можем читать и интерпретировать литературу, нарушая при этом соотношение между её своеобразием, как проявлением таланта писателя, и зависимостью от исторических процессов, влияющих на развитие литературы. Соблюдение этого соотношения необходимо, дабы не абсолютизировать отдельные особенности литературы в ущерб другим и не создавать искривлённого или неполного представления о сущности литературы.

Борис Тарасов – литературовед, одарённый способностью прочитывать точно и всесторонне как отдельное литературное произведение, так и творчество писателя в целом. А прочитывать точно и всесторонне – значит находить человека в литературе. По тому, как писатель изображает человека, как понимает его и в чём видит его признание, можно судить о характере времени и общества. Но и литературоведческий подход, и результаты его приложения также характеризуют

Панко Анчев (Болгария) – родился в 1946 г. в Варне. Литературовед и философ, почётный доктор Литературного Института им. М. Горького (Москва). Главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы». Член Союза болгарских писателей и Болгарского ПЕН-центра.

время. Литературовед тоже свидетель эпохи и выразитель общественных идей. Кроме того, он сам формулирует эти идеи.

Новая книга Бориса Тарасова называется «“Тайна человека” и тайна истории». Проблема исследования вынесена в заглавие. Но дополнительно в подзаголовке автор привёл уточняющие характеристики писателей, на примере творчества которых будут отображаться его выводы: «Непрочитанный Чаадаев, неопознанный Тютчев, не услышанный Достоевский». Все три писателя хорошо известны и изучены литературоведением и философией. Но великий писатель неисчерпаем. Он даже не может быть полностью прочитан, услышан и познан, потому что каждое новое время и каждый новый исследователь обратятся к нему со своих позиций, чтобы вместе с ним попытаться отыскать «абсолютную истину» человека и истории. Величие великого художника заключается в том, что в каждую новую эпоху он бывает заново прочитан. И открывая заново великого художника, эпоха наилучшим образом проверяет себя. По тому, какие писатели и мыслители прошлого выходят вперёд и удостаиваются нового прочтения, можем мы судить об эпохе, об её возможностях и устремлениях, о способности обустроить мир и развитие человека.

Я всегда удивлялся, почему Россия, породившая таких великих мыслителей и пророков, как Чаадаев, Тютчев и Достоевский, весьма настойчиво и убедительно предупреждавших россиян о подстерегающих их опасностях, не прислушалась к ним, повторяя все те ошибки, от которых предостерегали мыслители. Об этом много раз я говорил с самим Борисом Тарасовым. У нас, болгар, – говорил я ему, – не было таких великих мыслителей, как у вас, и нам простительны блуждания и ошибки. Но для меня загадка, почему вы, так щедро одарённые гениями, переживаете те самые катаклизмы, о которых ваши гении предупреждали вас. Думаю, что в новой книге Борис Тарасов попытался ответить на мой коварный вопрос. Хотя почему мой? Этот вопрос задаёт история, неустанно ожидая ответа.

И Чаадаев, и Тютчев, и Достоевский – свидетели и мыслители эпохи великих свершений, эпохи радикальных экономических и общественно-политических реформ в русском обществе. Начавшиеся при Петре I, во второй половине XIX в. эти реформы набрали скорость и встали на путь пугающих революционных преобразований. Вышедшие из Европы либеральные идеи нашли тёплый приём у части интеллигенции и скоро, вопреки сопротивлению остальной части, распространились повсеместно. Испытанию подверглась цивилизационная сущность России. Именно против русской цивилизации направлены либеральные идеи, предлагающие европейские капиталистические стандарты. «Удобная жизнь», как считал Ф.М. Достоевский, это носитель болезней, это угроза существованию России (и православному славянству). Основой русской цивилизации является Православие с его высокими нравственными ценностями, требованиями, предъявляемыми к морали и общественному устройству.

П.Я. Чаадаев, Ф.И. Тютчев и Ф.М. Достоевский не просто показали несостоятельность европейских либеральных ценностей и невозможность их применения в России, но и предупреждали о таящемся в них зле. Но чем же опасны эти «ценности»? Борис Тарасов аргументированно и справедливо утверждает, что, прежде всего, они разрушают сам образ человека, наделяют человеческую личность качествами, которые разрушают её, а заодно разрушают общество, превращая его в безвольный организм, неспособный сопротивляться злу. Зло подменяет добро, между ними размывается граница – и всё для того, чтобы посеять смуту в человеческом сознании, заставить человека усомниться в правильности Божественного учения.

Три великих русских писателя и мыслителя предупреждают, что путь, по которому движется Европа и на который толкает Россию проевропейская интеллигенция, ведёт в никуда. Как пишет Б.Н. Тарасов, начало этот путь берёт в эпоху Возрождения. На мой взгляд, это очень верное суждение, хотя в иных исследованиях по философии истории об этом пишется ещё слишком робко и даже неуверенно. Но необходимо, чтобы философия, литературоведение, историософия трезво взглянули бы на период Ренессанса – и не только в западноевропейском, но и в любом его национальном проявлении, – как на период, когда были заложены начала духовного упадка и разложения личности и общества. Вот тогда станет ясной роль буржуазии и

капитализма вообще в истории человечества. Необходимо переосмысление эпохи Возрождения не с точки зрения материализма, который уже дал чрезвычайно высокую (хотя, на мой взгляд, и несправедливую) оценку Ренессансу, но с русско-православной точки зрения, ориентируясь на нравственную проблематику, на понимание человека, предложенное эпохой для всего человечества. Думаю, что Б.Н. Тарасов, анализируя идеи Чаадаева, Тютчева и Достоевского, открывает именно ту дверь, за которой следует искать истину.

В своём исследовании Борис Тарасов ищет решения научных проблем в области литературоведения, истории и философии, но книга его адресована не просто узкому кругу учёных. Это разговор по душам с современниками, попытка рассказать о возможности разрешения мучительных, неразрешимых, казалось бы, вопросов. Ответы на все эти вопросы содержатся в русской литературе и философии, в творчестве П.Я. Чаадаева, Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского (а также и профессора Б.Н. Тарасова). Их прекрасно сформулировали великие мастера. Но человеку необходимо разобраться во всём, всё осознать. Б.Н. Тарасов – опытный помощник и советник в этом трудном, но необходимом всем нам деле осознания тревожных истин нашего времени.

Перевела с болгарского Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Светлана Георгиевна Замлелова – прозаик, публицист, критик, переводчик. Родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Сергиевом Посаде.

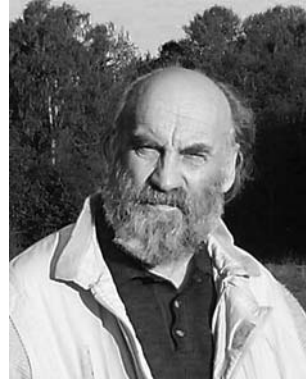

ПОЭЗИЯ

Юрий БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – поэт, переводчик. Родился 8 августа 1944 г. в г. Горький. Окончил Минское музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964) по отделению народных инструменты, работал преподавателем в музыкальной школе г. Барановичи Брестской области Белорусской ССР (1964-71). Состоял в КПСС (с 1969 г.). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР (1974). Член Союза писателей с 1989 г. Член Президиума и Правления МГО СПР.

Живёт в Москве.

Верую (ВЕНОК СОНЕТОВ)

1

Господь мой, помилуй заблудший народ,
Наивно признавший власть хитрого Змея:
Скакал безрассудно куда-то вперёд –
Хоругви конями топтал не робея,

В поруганных храмах откармливал скот,
Стрелял по иконам, от страха немея,
И сам превращался в кровавого зверя,
Надеясь, что кара Твоя проминёт.

Молитву души изловчался изжить
В умах и сердцах пропагандой повальной:
«Нет Бога, и нечего, братцы, тужить,

Всё в мире подлунном по воле случайной...»
Пытался безбожно по-новому жить,
Отпавший от веры своей православной.

2

Отпавший от веры своей православной,
Срывал в лютой злобе кресты с куполов,
Все церкви, соборы снести был готов,
Во мраке почить за идею бесславно!

Он веру пытался сломать до основ,
Считая задачу свою эпохальной.
Но плакало небо от матерных слов,
Да ветер на тризне рыдал погребальной,

Топил гордость лихо в зелёном вине,
Смирясь на время с божественной тайной:
Не ведал, что жил в стороне зазеркальной...

И не по его ли отцовой вине
Дочурка сгорела в бесовском огне,
Страшнее нет участи в жизни печальной.

3

Страшнее нет участи в жизни печальной –
Родную кровинку сvezти на погост
Да без отпеванья на службе прощальной...
Но душу дитяти там встретит Христос.

Метался во тьме дух отца не опальный:
Сомненьем вбит в голову вечный вопрос:
Кто, кроме Создателя, был изначально,
Когда ещё не было неба и звёзд?

Бродили в мозгу эти мысли без цели:
То вправо, то влево бросала судьба,
Годами в душе продолжалась борьба,

А чёрные помыслы стаей летели!
Но знал: не случится крутой поворот,
Пока сердцем к Богу опять не придёт.

4

Пока сердцем к Богу опять не придёт –
И счастья земного под солнцем не будет:
По мёртвому полю былинкой несёт
Во тьму суховей, где о вере забудет.

Подспудно страх душу нещадно гнетёт,
Но кто атеиста за глупость осудит?
Святые? Они – виртуальные люди...
А, может, прельщает соблазнами чёрт?

От этой догадки душа содрогнётся.
Чесночный лукавый ехидно смеётся
И требует жёстко о жизни отчёт:

Суров и безжалостен гнусный мучитель...
Сиротские души спаси, Вседержитель,
Отринь от бездумных дурной приворот!

5

Отринь от бездумных дурной приворот,
Молитвой сними озлоблённость, тревогу,
Возьми заплутавших в благую дорогу:
В обход тёмных мыслей и топких болот.

Не дай поселиться безверья пороку
В сердцах ослеплённых! Им – вера оплот,
Отправь помолиться больного к истоку:
Пойдёт, спотыкаясь, в слезах поползёт.

Он душу омоет водицей кристальной,
Мятущийся дух в Божий Храм принесёт,
Почувствует: схлынул грехов тяжких гнёт,

Но вздрогнет, утративший веру и честь,
Услышав с небес Божьих скорбную весть –
Доколь будешь, Русь наша, многострадальной?

6

Доколь будешь, Русь наша, многострадальной?
Как вместе нам горести преодолеть?
Кому ты была ненавистной, кандаальной –
Предательски в тайне готовили месть!

Предстала пред миром Великодержавной!
Чрез годы могли твою силу узреть
Не воры, бандиты в колонне скандальной,
Предрёкшие вере бесславную смерть.

Народа судьбина не стала фатальной:
Растаял вдали предначертанный рок,
Взращённый нечистым в толпе криминальной!

По истинной вере Руси подаст Бог!
Пошёл за Создателем в данный мне срок...
Иду и смотрю в светлый лик достославной.

7

Иду и смотрю в светлый лик достославной:
В молитве сплывает с очей пелена,
Скрывается в грязном углу сатана
Под рваной тряпицей задумки злорадной.

Но с ним не окончена в душах война:
Народы отравлены злобой глобальной...
Ведёт неизбежная наша вина
Меня в небеса по дороге астральной

Туда, где Путь Млечный привольно течёт,
Где истины свет обожжёт мою душу,
А сердце младенцем к Марии прильнёт.

Там заповеди никогда не нарушу:
Провиденье громом на землю обрушу, –
Потомкам крепить Русь приходит черёд.

8

Потомкам крепить Русь приходит черёд,
Но мне за их души и судьбы – тревожно:
Пойдут за Спасителем или безбожно
Продолжат над скверной безумный полёт?

Кошунство затянет в свой круговорот,
Где счастье бездушное – пустопорожне...
Отступник во мраке живёт, словно крот,
С тельцом золотым в рёве дико-истощном.

Но те, кто уверовал в божеский суд,
В бреду не поднимут руки на скрижали...
За крест и святую икону умрут:

Они на колени пред змеем не пали –
Свет веры в сердцах до конца пронесут:
Осветятся солнцем небесные дали.

9

Осветятся солнцем небесные дали,
Когда вступим истинно под Божий кров:
Увидим, как предки за веру стояли,
За нас проливали невинную кровь.

Сегодняшний век среди прочих – не нов:
Теперь с Богом скрытно воюют каналы...
Но мы Вседержителя не предавали,
И дедовских не посрамили гробов.

А прадеды наши себя не нудили –
Пред битвою с бесом тревогу трубили,
Скликая церковную паству на сбор.

Тебя, Господь, истоиво люди молили:
Внимаем провиденью их до сих пор, –
Молитву подхватит народный собор.

10

Молитву подхватит народный собор!
 Без веры Господней мы – глухонемые:
 С неслышимой песней в геенну мы плыли.
 По мутным потокам безверья, как сор.

Пытались подрезать змеёнышу крылья,
 Но знал дело туго своё «дирижёр»:
 Невольно несли о религии вздор...
 Проклонутся ль в душах желанья благие?

Посеян меж Богом и нами раздор:
 В ночи проросли сорняки преисподней...
 Забыли, что Русь на Земле была горней!

Нас не одолеет безверия мор –
 Становится к Богу любовь всенародной:
 И слышу во храме я праздничный хор.

11

И слышу во храме я праздничный хор –
 Над куполом день проясняется мгlistый...
 На свет Божий выползли, словно из нор,
 Пособники змея: в миру – атеисты.

Куда же исчез их дурацкий задор?..
 Минует со страхом икону Пречистой,
 Как будто не пойманный за руку вор...
 Создатель, простишь ему подлые мысли?

Притворец проявит фальшивую прыть,
 Чтоб люди смогли обо всём позабыть
 И в церкви под маской в лицо не узнали...

Не рвётся века веры праведной нить!
 В сраженьях мы души свои отстояли:
 Ликуют сердца тех, кто веру poznали.

12

Ликуют сердца тех, кто веру poznали:
 Моё – вместе с ними о Боге поёт...
 Всегда и во всём на Него уповали
 От принятой веры векам ведём счёт!

Христовой любовью ко всем воспылали,
 В боях за неё не щадили живот...
 И сколько б нас вороги ни шельмовали:
 Уверены были – победа грядёт.

Господь мой, мы лёгких дорог не искали:
 Идём за Тобой, чтоб не сбиться с пути
 В своём неуютном и мрачном житии.

Молитвой блокаду безверья прорвали:
 По терниям звёзд нам недолго идти, –
 Уходят в безвестность стенанья, печали.

13

Уходят в безвестность стенанья, печали:
 Звучит во Вселенной победный мажор...
 И лики святых в небесах воссияли,
 И прояснился мой пасмурный взор:

Я в душах увидел бесовский разор:
 Тенями мелькали в том адском провале...
 Для храма святого – не существовали!
 Закончен с исчадьем бессмысленный спор?

Но души – Создателя в помощь призывали,
 За них – убиенные бесом – восстали:
 Над грехопадением занесен топор.

Покаявшись, люди грехи осознали,
 Но время выносит нам всем приговор!
 Искушим ли мы свой неверья позор?

14

Искушим ли мы свой неверья позор?
 Провидцы с Землёй Небеса повенчали –
 Хранить нашу веру в веках завещали,
 Чтоб не было в мире злодейства и ссор.

По воле Спасителя – не по спирали
 К Нему, как из ада, потянется тот,
 Кто духом очищенным верой – поймёт:
 Русь наша у Бога не будет в опале.

С молитвой откроются очи да уши:
 В сердцах Божью правду никто не нарушит –
 Да славит её человеческий род!

И вера воскреснет в растерянных душах:
 С Господней любовью, как солнце, взойдёт!
 Господь мой, помилуй заблудший народ.

Магистрал

Господь мой, помилуй заблудший народ,
Отпавший от веры своей православной:
Страшнее нет участи в жизни печальной
Пока сердцем к Богу опять не придёт,
Отринь от бездумных дурной приворот,
Доколь будешь, Русь наша, многострадальной?
Иду и смотрю в светлый лик достославной...

Потомкам крепить Русь приходит черёд!
Осветятся солнцем небесные дали –
Молитву подхватит народный собор...
И слышу во храме я праздничный хор –
Ликуют сердца тех, кто веру познали,
Уходят в безвестность стенанья, печали...
Искушим ли мы свой неверья позор?

Легендарная Брестская крепость над Бугом

Брестская крепость-герой давно стала символом стойкости и мужества наших солдат и офицеров, защищавших свою родину от немецко-фашистских захватчиков. Рано утром в четыре часа 22 июня 1941 года фашистская Германия и её союзники атаковали СССР на всём протяжении западных границ страны. Началась самая кровавая и жестокая в истории человечества война. Бои шли везде, но именно Брестской крепости было суждено стать символом советской обороны самого начала войны. И сегодня мемориал Брестской крепости является одним из наиболее посещаемых музейных комплексов, посвящённых истории Великой Отечественной войны.

Само строительство укреплений крепости началось ещё в 1833 году. Автором проекта был известный военный инженер и топограф генерал Карл Иванович Опперман, при участии генерала Н.М. Малецкого и полковника А.И. Фельдмана.

Портрет К.И. Оппермана. Худ. Дж. Доу.

Андрей Евгеньевич Гераценко – родился 26 марта 1967 г. в д. Ректа Славгородского района Могилёвской области. Белорус. Публиковался в журналах «Наш современник» (Россия), «Немига литературная» (Белоруссия), «Неман» (Белоруссия), «Москва и соотечественники» (Россия), «Простор» (Казахстан), альманахе «Искусство войны» (Россия). Автор исторических научно-популярных книг «Легендарные полочане» и «Сыны Отечества. Славный 1812 год», книг фантастики «Сквозь паутину тьмы», «Планета теней», «Пронзая время», «Змеиный царь» и др.
Живёт в Витебске.

В течение трёх лет проводились земляные работы – делались насыпи и копались рвы. В 1836 году приступили и к непосредственному строительству стен и укреплений. Постройки старого Брест-Литовска были в основном снесены, а новый город был построен восточнее в нескольких километрах от возводимой крепости. К 1842 году была построена основная цитадель и три вспомогательных защитных укрепления. По тем временам это было внушительное военное сооружение. Мощные казармы из красного кирпича имели стены толщиной в метр, земляные валы с оборудованными в них казематами достигали 10-метровой высоты. Внутри крепости располагалось 500 казематов, в которых могла расположиться целая армия – 12 000 человек. Цитадель находилась на острове между Мухавцом и Бугом. При помощи выкопанных рвов водой окружили и три укрепления – Кобринское, Тереспольское (Западное) и Волыньское (южное). Всего в крепость вели 8 ворот. В настоящее время сохранилось 5 из них – Холмские, Тереспольские, Северные (Александровские), Северо-Западные и Южные.

Шло время. Россия проиграла Крымскую войну, и с учётом этого обстоятельства началась серьёзная военная реформа, в том числе и в области защитного фортификационного строительства. В 1864–1888 годах крепость была реконструирована – окружена кольцом фортов общей протяжённостью в 32 километра. Автором реконструкции был военный инженер Э.И. Тотлебен. Во время этой реконструкции в крепости появился и Свято-Николаевский православный храм (архитектор Д.И. Гримм), рядом с которым сегодня так любят фотографироваться туристы.

Следующая масштабная реконструкция началась в самый канун первой мировой войны – Европа активно готовилась к масштабным боевым действиям. Предполагалось, что крепость окружит второе кольцо укреплений протяжённостью в 45 километров, но начавшаяся война смешала все планы.

Но свою роль плацдарма русской обороны крепости в первую мировую так и не удалось сыграть – в августе 1915 года русская армия получила приказа отступить и крепость была покинута и даже частично взорвана. 3 августа 1918 года в здании бывшего офицерского собрания на территории Брестской крепости был подписан Брестский мир, заключённый большевиками с Германией. Уже к концу этого же года крепость перешла под власть восстановленного польского государства.

В 1920 году Брестская крепость была занята Красной армией, наступавшей на Варшаву, но в 1921 году вновь отошла к полякам в результате Рижского мира вместе с остальными территориями Западной Белоруссии и Западной Украины.

В 1930-е годы крепость использовалась польскими властями в качестве политической тюрьмы – в её казематах побывало немало патриотов Западной Белоруссии, стремившихся к освобождению от польского владычества.

В результате начавшейся между фашистской Германией и Польшей войны немцы заняли в сентябре 1939 года крепость и передали её 22 сентября под контроль Красной армии. Брест, как и все территории Западной Украины и Западной Белоруссии, были возвращены Советскому Союзу.

И в Москве, и в Берлине хорошо понимали, что всё это – лишь временная передышка. Было понятно, что Гитлер начнёт войну против СССР – вопрос был лишь в сроках. Нужно было подготовиться к войне, укрепить новую западную границу, но на это не хватило времени.

22 июня немецко-фашистские армады вторглись в СССР. Крепость приняла неравный бой с наступающим врагом. Фашисты планировали овладеть крепостью в течение нескольких часов, но в итоге оборона продолжалась почти месяц.

Непосредственно перед началом наступления немцы провели массивную артподготовку, в результате которой были уничтожены коммуникации и, что особенно важно – разрушен и выведен из строя водопровод. В течение получаса лавина артиллерийских снарядов обрушивалась на склады боеприпасов, продовольствия, военную технику и казармы. Наступление вели силы группы армий «Центр»: 3 стрелковые дивизии 12-го корпуса 4-й армии – 45-я дивизия пехоты (плюс часть подразделений 31-й пехотной дивизии), 34-я пехотная дивизия и 2 танковые дивизии 2-й танковой группы. Остальные части 31-й дивизии охватили крепость с флангов. Только в 45-й дивизии было 17 тысяч солдат и офицеров вермахта. Всего же, принимая во внимание

общую численность немецких войск на данном направлении, крепость атаковали примерно 60 тысяч военнослужащих. Им противостояли всего 8 тысяч красноармейцев и командиров. В крепости на момент фашистского наступления находилось 7 винтовочных батальонов, батальон разведки, 2 артиллерийских батареи, отдельные подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий, пограничники, 33-й отдельный инженерный полк, 132-й батальон НКВД и некоторые другие малочисленные подразделения. Кроме того в Брестской крепости находилось около 300 женщин и детей из семей военнослужащих.

Немцам почти сразу же удалось разделить гарнизон на отдельные, не связанные между собой группы. Около половины красноармейцев и командиров Брестского гарнизона смогли выйти из крепости, вывезли раненых, небольшую часть военной техники и отошли на соединение с другими отступающими частями. Остальные защитники крепости продолжили сопротивление.

К 9 утра крепость была полностью окружена. Фашисты прорвались через мост у Тереспольских ворот и заняли два здания в центре цитадели. В то же время началось наступление на Брестские и Холмские ворота, Кобринское и Волыньское укрепления. В яростной контратаке красноармейцы выбили фашистов из занятых ими зданий, очистили от немцев цитадель и взяли под контроль мост через Западный Буг.

Тереспольское укрепление защищали пограничники шофёрских курсов под командованием старшего лейтенанта Ф. Мельникова и лейтенанта Жданова, транспортной роты 17-го погранотряда под командованием лейтенанта А. Чёрного, сапёрный взвод, ветеринарный лазарет и участники сбора физкультурников. Несмотря на всю разношерстность обороняющихся, им удалось поначалу почти полностью очистить свою зону обороны от прорвавшихся фашистов, но нехватка боеприпасов привела к тому, что в итоге они не смогли удержаться на позициях, и в ночь с 24 на 25 июня остатки защитников Тереспольского укрепления форсировали Западный Буг и присоединились к защитникам Цитадели и Кобринского укрепления.

Фашисты нанесли основной удар по Холмским воротам и, прорвавшись, соединились с немецкой штурмовой группой в Цитадели.

В расположении госпиталя оборону организовали батальонный комиссар Н. Богатеев и военврач 2-го ранга С. Бабкин. Оба командира погибли в бою. Немецкие автоматчики убивали больных и раненых.

Драматично протекала и оборона Волыньского укрепления. В развалинах зданий красноармейцы и медперсонал сражались до конца. Погибли медсёстры В. Хорецкая и Е. Ровнягина, которые своими телами закрывали раненых.

Многие командиры были убиты, вместо них командование приняли политруки или красноармейцы, не имевшие опыта руководства. Немцы ввели в бой резервы и дополнительную боевую технику, но перелома так и не смогли добиться. Защитники крепости отбили 22 июня пять фашистских атак. Только 45-я дивизия врага к вечеру 22 июня потеряла 21 офицера и 290 солдат. Командующий этой дивизией генерал Ф. Шлиппер был шокирован количеством потерь, которые не шли ни в какое сравнение с потерями фашистов во время польской компании. Лишь к исходу дня немцам удалось занять часть казарм между Тереспольскими и Холмскими воротами, а также в районе Брестских ворот.

В Цитадели, которая была самым крупным узлом обороны, к концу дня 22 июня сформировалось командование – в районе Тереспольских ворот обороной руководил начальник 9-й погранзаставы А.М. Кижеватов. Группой бойцов в башне над Тереспольскими воротами командовал лейтенант А.Ф. Наганов.

На следующее утро 23 июня немцы вновь начали массивную артподготовку. В атаку пошли немецкие танки. Бой продолжался весь день. Вечером фашисты прекратили огонь и через звукоусиливающие установки призвали защитников крепости сложить оружие. Часть больных, раненых, медперсонала и даже детей, которых удалось схватить, фашисты использовали 23 июня в качестве живого щита, выставив их впереди своих автоматчиков при очередной атаке на Холмские ворота. Но те, кого фашисты гнали перед собой, кричали оборонявшимся: «Стреляйте, не жалейте нас!».

24 июня фашисты массово применяли взрывчатку, жгли укрывшихся за стенами защитников огнёмётами. Плавился даже кирпич. Ф. Шлиппер сообщил, что крепость

занята, но в Цитадели на совещании командиров и политработников обсуждали вопросы организации дальнейшей обороны крепости. Был отдан знаменитый Приказ № 1, согласно которому командование возлагалось на капитана Зубачёва, а его заместителем назначили полкового комиссара Фомина. Но они смогли возглавить оборону только в Цитадели, не имея связи с другими подразделениями.

В районе Северных ворот в течение двух дней оборону держали красноармейцы из разных подразделений под руководством командира 44-го стрелкового полка майора П.М. Гаврилова. 24 июня защитники северной части главного вала перешли в Восточный форт. Гаврилов сумел сплотить часть гарнизона – около 400 человек, и наладил оборону. Там находились красноармейцы 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, транспортная рота 333-го стрелкового полка, учебная батарея 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона, и бойцы некоторых других частей. Были организованы наблюдательный и командный пункты, налажено взаимодействие отдельных участков обороны. В земляных валах прорыли окопы, установили пулемётные точки. Форт стал практически неприступным. Сами фашисты отмечали: «сюда нельзя было подступиться, имея только пехотные средства, так как превосходно организованный ружейный и пулемётный огонь из глубоких окопов и подковообразного двора скашивал каждого приближающегося».

Через два дня, 26 июня около 150 красноармейцев под командой лейтенанта А. Виноградова предприняли попытку с боем выйти из крепости. А. Виноградову и ещё 12-и бойцам удалось всё же вырваться. Но уже вечером того же дня они были окружены фашистами. А. Виноградов попал в плен.

Тем временем Восточный форт продолжал держать оборону. Полностью блокировав обороняющихся, фашисты решили голодом и жаждой вынудить защитников прекратить сопротивление. Немцы проводили по 6-8 атак в день. Женщины и дети помогали раненым, подносили патроны, участвовали в отражении атак. Фашисты применяли танки, огнемёты, газы, поджигали и скатывали с внешних валов бочки с горючей смесью. Но когда фашисты вновь шли в атаку, в казалось бы, давно выгоревших дотла руинах завязывались рукопашные схватки. У защитников было очень мало боеприпасов, еды и, что важнее всего, практически не было воды. Река была совсем рядом, но чтобы наполнить котелок или каску водой, приходилось с риском для жизни ползти ночью к воде под немецким огнём. Тяжёлая, неутолимая жажда была одним из главных испытаний для защитников крепости.

Памятник умиравшим от жажды красноармейцам

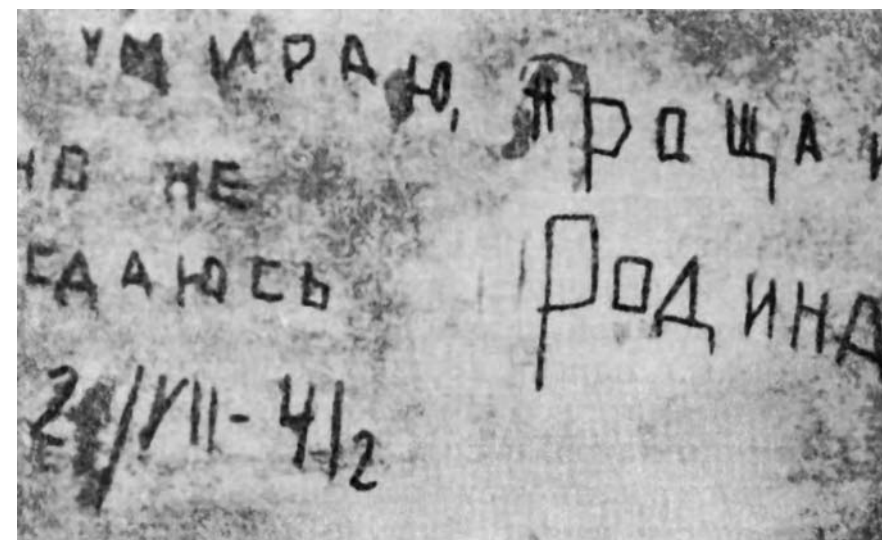
Крепость держалась. 28 июня 1941 года (к этому времени уже пал Минск) Ф. Шлиппер запросил поддержку авиации. 29 и 30 июня в течение двух суток фашисты беспрепятственно бомбили (500- и 1800-килограммовыми) авиабомбами Восточный форт и другие участки. 29 июня погиб, прикрывая с несколькими бойцами группу прорыва, Кижеватов. Восточный форт фашистам в итоге удалось полностью разрушить. Большинство его защитников было убито, остальные попали в плен. Тогда же фашисты заняли Брестскую крепость и схватили командовавших обороной Ивана Зубачёва и Ефима Фомина. Фомин, как еврей, был сразу же расстрелян.

30 июня генерал Ф. Шлиппер вновь сообщил, что крепость пала.

Но крепость продолжала оборону. Небольшая группа красноармейцев, в которой было менее двух десятков человек, продолжала сражаться под командованием Петра Гаврилова до конца июля. 23 июля Гаврилов попал в плен. Но выстрелы звучали и позже – неизвестные уцелевшие защитники продолжали легендарную оборону.

Фашисты заплатили за взятие Брестской крепости большую цену. Только 45-я дивизия вермахта потеряла 482 человека убитыми и 1000 ранеными, в то время, как за всю польскую кампанию потери составили 158 человек убитыми и 360 ранеными. В своём докладе генерал Ф. Шлиппер писал: «В Бресте русские воевали с невероятным упорством, показали отличную подготовку пехоты и выдающуюся волю к сопротивлению».

На стенах крепости умирающие красноармейцы и командиры оставляли прощальные надписи: «Я умираю, но я не сдаюсь. Прощай, Родина! 20.07.1941», «Мы умрём, но не имеем права покинуть крепость», «Нас было пятеро Седов, Грутов, Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22 июня 1941. Умрём, но не уйдем отсюда...», «26 июня 1941 г. Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умираем, как герои», «Умираем не срамя».

Прощальные надписи героев обороны крепости

Первые сведения о героической обороне Брестской крепости советское командование получило лишь в феврале 1942 года, когда были захвачены отчёты о боях в Бресте при разгроме одной из фашистских частей в районе Кривцова под Орлом.

Уже после войны, в 1948 году в «Огоньке» была напечатана статья М. Златогорова «Брестская крепость», а в 1951 году художник П. Кривоногов написал картину «Защитники Брестской крепости».

Но по-настоящему о крепости громко заговорили после того, как писатель и историк С.С. Смирнов в 1955 году напечатал героическую драму «Крепость над Бугом», а год спустя в 1956 году – документальную повесть «Брестская крепость». Тогда же

Защитники Брестской крепости. Худ. П.А. Кривоногов

вышел художественный фильм по сценарию К. Симонова «Бессмертный гарнизон».

23 февраля 1956 года в казарме сапёрного батальона 128-го стрелкового корпуса была открыта комната Боевой славы, преобразованная затем в комнату-музей. На её базе 8 ноября 1956 года был открыт Музей обороны Брестской крепости.

Уже 3 июня 1958 года ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли Постановление «О музее обороны Брестской крепости», которое поручало Главному управлению по делам архитектуры при Совете Министров БССР разработать генеральный план благоустройства территории Брестской крепости. В 1959 году музей был принят в Международную ассоциацию музеев оружия и военной истории.

В 1961 году были проведены мероприятия 20-летия обороны Брестской крепости. На первую встречу защитников цитадели приехали более 100 оставшихся в живых защитников гарнизона 1941 года, члены их семей, родные погибших. Встреча была очень волнительной и памятной. 25 июня во время митинга, посвященного этой памятной дате, установили закладной гранитный камень на месте будущего монумента, торжественно открыта новая экспозиция музея. Право перерезать ленточку было предоставлено легендарному защитнику Брестской крепости Герою Советского Союза П.М. Гаврилову.

С 1963 года Музей обороны и Брестская крепость были включены в маршрут Всесоюзного Общества «Интурист». В 1964 году писатель С.С. Смирнов передал весь свой архив, который собирал в течение десяти лет, в музейную экспозицию.

8 мая 1965 года Брестской крепости присвоили звание «крепость-герой». ЦК КПБ в Постановлении «О праздновании 20-летия освобождения Советской Белоруссии» одобрил предложения о постройке памятника в Брестской крепости за счёт средств, собранных народом для этих целей. В банке был открыт специальный счёт. С 1971 года начал свою работу Мемориал «Брестская крепость-герой». 25 сентября 1971 года был открыт мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», построенный по проекту скульптора А.П. Кибальникова при самом тесном участии и поддержке П.М. Машерова – . На открытие съехалось более 600 ветеранов Брестского гарнизона 1941 года.

При проведении земляных работ в ходе строительства отыскивали более 1000 музейных предметов, останки погибших.

Центральным элементом Мемориала является главный монумент «Мужество». На его обратной стороне размещены барельефы, посвящённые отдельным моментам обороны крепости. В некрополе захоронены останки 850 погибших защитников. На площадь Церемониалов выходит здание Музея обороны Брестской крепости. Вечный огонь перед руинами бывшего инженерного управления напоминает о мужестве и стойкости погибших.

В последующие годы крепость неоднократно реставрировалась и реконструировалась, в том числе и на средства Союзного государства России и Белоруссии. Во время реставрационных работ 1997 года был восстановлен 5-й форт. 8 мая 2000 года он был открыт для посещения.

Брестская крепость

В Брестской крепости погибли представители различных национальностей. В книге «Память» приведена такая статистика погибших, чьи имена увековечены на плитах мемориала: 162 русских, 40 украинцев, 26 белорусов, 8 армян, 6 евреев, 4 грузина, 4 чуваша, 4 казаха, 3 чеченца, 2 калмыка, 2 мордвина, 2 татарина, 1 адыгеец, 1 азербайджанец, 1 балкарец, 1 ингуш, 1 карачаевец, 1 латыш, 1 немец и 1 узбек. Брестская крепость стала настоящим символом сопротивления врагу, символом мужества и стойкости Красной армии и советского народа.

В Республике Беларусь очень трепетно относятся к сохранению памяти о Великой Отечественной войне. И Брестская крепость-герой – один из тех главных мемориалов, бережно сохраняемых белорусами, который постоянно напоминает нам о событиях минувшей войны.

ПОЭЗИЯ

Анатолий НЕСТЕРОВ

АНАТОЛИЙ НЕСТЕРОВ

Анатолий Михайлович Нестеров – член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Стихи печатались в журналах «Смена», «Наши Contemporанники», «Союз писателей» (№1 2012 г.), «Подъём», «Петровский мост», «Невский альманах» (№2 2012 г.), в «Роман-журнале 21 век», в альманахе «45 Параллель» и других поэтических изданиях.

Живёт в Ельце.

Жизнь, надежда и любовь...

Мир держится не на китах,
не на слонах –
я это знаю!
Мир держится на чудаках,
и землю чудаки вращают.

Открыть закон чудака готов.
Создать шедевр? Пустяк! Пустое!
Что стоит мир без чудаков?
Копейку? Да и ту не стоит...

Мчат года неумолимо,
нам напоминая вновь:
всё проходит... неделимы
жизнь, надежда и любовь.

Догорают в хороводе
листья октября.
Всё проходит, всё проходит,
всё проходит... для тебя.

Не проходит только мимо
о годах ушедших боль.
Всё проходит... неделимы
жизнь, надежда и любовь.

Первый снег и в небе солнце,
и года, и дни, и миг –
всё на свете остаётся,
остаётся для других.

Остаётся, слава Богу!
И к другим вернутся вновь
и печали, и тревоги,
жизнь, надежда и любовь.

Этот меч занесён над всеми,
неизбежностью мстит своей.
Наступило грустное время –
я теряю лучших друзей.

В нас летят не шальные пули,
а болезни сражают теперь.
Мы за сорок едва шагнули,
как попали в объятия потерь.

Поднимаю горькую чашу
в память мёртвых по кругу живых.
До свиданья! До встречи, Саша!
До свиданья, Володя Белых!

Вышло так: я вас первый бросил,
бросил смерти, а сам живу...
Выхожу я сегодня в осень
и в ладони ловлю листву.

Снова прошлое я увидел,
жизнь прожитая вдвое ценней.
Нанесённые мной обиды
бумерангом вернулись ко мне.

Стала пухом земля вам.
Спите.
Я могилы друзей ищу.
И шепчу я: «Меня простите...»
И шепчу я: «Себя не прощу...»

Не дорос я до войны –
под столом ходил пешком.
Но слегка опалены
мои волосы огнём.

Не вступал с врагами в бой,
был от смерти в трёх шагах.
Только бомб смертельный вой
до сих пор стоит в ушах.

До сих пор приходят в сны
автомат, солдат, фугас...
Да... волна, волна войны
с головой накрыла нас.

До сих пор и боль, и грусть,
радость смешана с тоской.
А страдающая Русь,
словно нищая с клюкой.

* * *

Исконно русские стихи –
исконно русские грехи
царю молиться, Богу,
в поклонах биться.
И радости, и боли –
молиться.
И руки вновь заламывать,
и уходить в монахи.
Пытались зря замалчивать
стихи монархи.
С убийственностью страстной
решётками крестили.
Есть грех!
Грех самый страшный:
сама

себя

сечёт

Россия!

Касаться лбами пола,
упасть в грехах на снег.
Но крик догонит подлый:
– А бога нет!
Страна позоров диких,
кровавый след...
И снова крики, крики:
– А бога нет!
.....
России нет!

Листья летят

И снова листья падают,
как сотни лет назад.
Как позывные радио,
они летят...

Летят

над сонною вселенною
немыслимой гурьбой,
над всякими антеннами
и над моей судьбой.
Над муками любимой,
над радостью детей,
над грустной Хиросимой...
Скорей!

Скорей!

Нас осень грустью красит.
Просвечивая век,
сейчас горит не красный –
осенний жёлтый свет.
Прохожие, как ламы,
у них серьёзны лица.
... Как бабочки на лампу,
летят на осень листья.

* * *

Та прошлая жизнь улетела,
распалась, куда-то ушла...
Чего-то иного хотела,
к другому стремилась душа.

Я жил! Жил весёлый и юный,
не зная, что значит покой.
Звенели от зноя и юни,
и звёзды я трогал рукой.

Совсем я не думал о счастье,
не знал об изменах и лжи.
И жил без любви настоящей,
представьте, прекрасно я жил.

Плевал на чужие победы,
своим было тесно в груди...
Но я одного лишь не ведал,
что всё впереди, впереди...

Январь

Январь суровый на исходе,
вот скоро вкатится февраль.
И неприкаянно в нас бродит
томительное слово «жаль».

Нам январь напоминали:
смотри вперёд, а не назад.
Мы первый месяц разменяли,
и остальные пролетят.

Перетасую все потери...
Но неотступно снится мне:
мы встретились...

Ты слышишь, двери
скрипят в грядущем январе?

* * *

Я не хочу жить по привычке,
когда вместо горенья – дым.
Что наша жизнь? Лишь тленье спички!
И мы над искрами дрожим.

И в этой мимолётной дрожи,
где смерть настёрна и нагла,
мы всё же не понять не можем,
что жизни суть всегда светла.

В

ИНТЕРВЬЮ

Валентин СОРОКИН

«Надо возродить разговор писателей с народом...»

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25... Это не просто адрес, а святое, «намоленное» для писателей место, на котором расположились здания Литературного института и Высших литературных курсов (ВЛК). Сегодня наш разговор пойдёт о ВЛК.

Уникальное и знаменитое учебное заведение, выпестовавшее не одно поколение талантливых писателей и литераторов – честных, ярких, самобытных, с пронзительным, разрывающим сердце чувством любви к Родине; особым совестливым отношением к родному языку и слову. Так и хочется воскликнуть: «Какие люди, какие судьбы, какие имена!» И эти имена никогда не зайдут и не потускнеют на высоком небосводе литературы: Чингиз Айтматов, Олесь Гончар, Кайсын Кулиев, Михаил Алексеев, Алим Кешоков, Николай Шундик, Виктор Кочетков, Пётр Проскурин, Виктор Астафьев, Иван Акулов, Римма Казакова, Анатолий Жигулин, Владимир Санги, Василий Ледков, Юван Шесталов, Андрей Тарханов и многие-многие другие...

Кто может ещё рассказать о ВЛК с большей любовью и знанием, как не выпускник курсов, их проректор (уже 28 лет!), руководитель семинара поэзии, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, Международной премии им. М.А. Шолохова и многих других заслуженных премий – Валентин Васильевич Сорокин.

Валентин Васильевич Сорокин

– Валентин Васильевич, когда были организованы Курсы и с какой целью?

В мае 1953 года секретариат правления Союза писателей СССР обратился в ЦК КПСС и Советское правительство с ходатайством об открытии Всесоюзных высших литературных курсов, а уже в августе было принято постановление Советского правительства: «Предоставить Союзу советских писателей право организовать с 1 сентября при Литературном институте им. А.М. Горького постоянно действующие Высшие литературные курсы...»

Цели и задачи перед Курсами поставили сама жизнь и реальный ход литературного процесса, и они чётко прозвучали в Положении о Курсах: «Повышение общекультурного и идейно-теоретического уровня профессиональных писателей, развитие их творческой индивидуальности, совершенствование литературного мастерства».

– И как выполнялись поставленные задачи?

ВЛК стали школой мастерства и творчества. Здесь, признаются выпускники, прорастает святое чувство зоркой ответственности перед самим собою, перед словом, которое произносишь и перед делом, которое ты обязан вершить. Здесь укрепляются многонациональное единство и гражданственность. Приобретается важнейший для писателя опыт выступлений перед самыми разными аудиториями.

– Кем становились выпускники ВЛК при Советской власти?

Получив дипломы, они часто становились руководящими работниками отделений Союза писателей СССР в областях, Союзов писателей братских республик,

назначались на ответственные посты в издательствах, газетах и журналах, поддерживая завязавшуюся во время учёбы творческую и человеческую дружбу.

Авторитет Курсов был очень высок. Я сам многократно отправлял письма в райкомы и обкомы партий различных республик и городов с просьбой об улучшении условий жизни слушателей и моментально получал положительный ответ. Теперь же, по прошествии многих месяцев, часто приходит пустопорожняя отписка... Произошли пагубные и печальные для литературы изменения и в условиях учёбы на ВЛК. Раньше государство платило учащимся стипендию, а теперь учащиеся платят государству за свою учёбу. Прекратились поездки с выступлениями по всей стране. Пропала забота о творческих людях, которые могли бы принести огромную пользу Родине.

– А в чём выражалось, как проявлялось отношение Правления Союза писателей СССР к Высшим литературным курсам.

Вспоминаю сердечное отношение Георгия Мокеевича Маркова, Председателя правления. Он был нам как отец родной. Ежедневно приглашал к себе и расспрашивал меня о жизни слушателей, их проблемах. Всегда был готов поддержать и помочь. К праздникам выписывал материальную помощь, причём, если обещал 100 рублей, то в ведомости мы обнаруживали 250, это были по тем временам очень солидные деньги.

Многие и многие, уже ушедшие от нас именитые и талантливейшие писатели всегда с радостью приходили на семинары поэзии, прозы и критики, щедро даря свой талант и душу. И сейчас мы продолжаем творческие встречи с известными писателями и выпускниками ВЛК.

А творчество наших гениев! Строки всех погибших в лагерях и застенках... Божественные есенинские стихи и проза... Оттуда, издалёка, они как живые поддерживают нас и окрыляют, стоит только открыть страницы их немеркнущих книг:

*Я теперь скупер стал в желаньях.
Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

Сергей Есенин

– Дружны ли между собой студенты Литературного института и слушатели ВЛК? Ведь между ними огромная разница и в возрасте, и в жизненном опыте.

Слушатели и студенты с уважением и вниманием относятся друг к другу, часто вместе участвуя в различных творческих семинарах. Все они – литинститутцы. Мир вдохновения у них единый. Профессорско-преподавательский состав один.

Нельзя не вспомнить доброе отношение к ВЛК ректора Литературного института Владимира Фёдоровича Пименова. Забыть это – предать память о нём. Возглавлявшие Литинститут, каждый в своё время, – Евгений Сидоров, Владимир Егоров, Сергей Есин и сегодняшний ректор, известный учёный и писатель Борис Тарасов всегда поддерживали традиционно-доброе отношение к ВЛК. Низкий поклон им за это!

– Зажглись ли яркие новые имена среди выпускников ВЛК последних лет?

Выпускники последних лет: Антонина Спиридонова, Владислав Цылёв, Василий Попов, Людмила Снитенко, Сергей Князев, Игорь Мухин, Ирина Ерёменко, Евгений Попов, Елена Мозжухина, Ольга Дробышевская, Олег Малинин и многие другие – талантливые литераторы. И среди тех, кто учится сейчас, есть одарённые благородные люди, которые в ближайшие годы обязательно заявят о себе!

– Валентин Васильевич, что Вы думаете о нынешнем состоянии литературного процесса и какое будущее, по Вашему мнению, ожидает многонациональную русскую литературу?

Сегодня полностью разрушена дорога книги. Изменена программа работ с авторами не только в издательствах, частных теперь, но и в книжных магазинах. Ни государство, ни издатели материально не поддерживают писателей, поддержка и помощь сейчас – редкое исключение.

Авторы за свой счёт издают книги, совсем мизерным тиражом. Если раньше тираж был выгоден и государству, и автору, то сейчас авторских средств хватает от силы на 500-1000 экземпляров, а то и, горько сказать, и на 50-100 экземпляров. Он явно не окупается. О каком гонораре может идти речь?

Многочисленные мелкие «творческие» Союзы мешают возродить государственную трассу книги, подрывают авторитет литературы, не оказывают помощь писателям.

По пальцам можно пересчитать издательства, которые болеют душой за автора, за свою литературную репутацию. Считаю необходимым выделить уважаемого мною талантливого, честного, высокопрофессионального литератора и издателя Леонида Васильевича Ханбекова, руководителя Независимого литературного агентства «Московский Парнас», который в тяжелейших условиях издаёт книги честно и ответственно. И гораздо больше, чем все Союзы писателей, вместе взятые. А каково ему приходится? Его агентство ютится в одной маленькой комнатухе! И он не входит ни в какой Союз! Пока государство не возьмётся за возрождение гражданского и патриотического пути писателей – толку не будет...

Надо возродить разговор писателей с народом, с государством, контакт народов, не только в Москве, но и во всех округах и республиках России! Необходимо, чтобы был услышан писательский вздох, который выше молитвы, проторить вновь дорогу дружбы и уважения, возобновить национальные праздники.

Многонациональное население России утратило свой общий голос и он почти не слышен в полуразорённой стране. Нет преемственности поколений, прославляется и приветствуется падение нравственности, одобряется блуд и безответственность. Нет достойных телепередач о созидании и возрождении великой многонациональной литературы России.

При достойном, благородном и честном подходе можно за полгода возродить и направить по нужному пути весь литературный процесс, войдя в плодотворный контакт с писателями России, чиновниками России и народом России!

– Что бы Вы хотели пожелать и начинающим, и именитым писателям?

Считаю, что литератор обязан читать каждый день, думать, работать над собой и собственным словом, чётко знать своё место не только в жизни, но и в творчестве. Опирайтесь на любимых писателей. А поэт – я не шучу – каждый час, каждый миг не только душой, но и сердцем своим обязан слышать любимых поэтов, без которых нет пути к вдохновению. И поддерживать близких ему действующих собратьев выступлениями, очерками, рецензиями. Это и есть не только путь литератора, но и судьба его... Честность и смелость слова никогда не подведут автора!

– Спасибо Вам, Валентин Васильевич, за интересный, душевный и откровенный разговор! Спасибо за правду, которую Вы всегда говорите сами и учите говорить нас, своих воспитанников – «сорочат», за то, что Вы нас слушаете и слышите. Как напутствие всем читателям я прошу Вас прочитать свои стихи.

Хорошо, я прочитаю недавно написанное:

Сумерки

*Скорбит моя честная лира,
И нету причин веселиться.
Россия кружится над миром,
Как всеми забытая птица.*

Вечернее дикое поле,
Безлюдье кругом и унылость.
И столько обиды и боли
В домишках пустых затаилось.

Есть истина опытов древних,
Она неизбежна в повторях:
Народ,
не сберёгший деревни,
И сам растворится в просторах.

Один я стою на кургане,
Встречающий века немилость...
Мой путь заблудился в тумане
И солнышко с неба скатилось.

Природа, вздохнув, замолчала
Под ветром внезапной тревоги.
Но это –
лишь только начало
Трагической русской дороги.

Один я стою, наблюдая,
И там, где закат серебрится, –
Кружится Россия святая,
Как всеми забытая птица!..

С Валентином Васильевичем СОРОКИНЫМ беседовала Нина ПОПОВА.

Нина Викторовна Попова – поэтесса, член Союза писателей России и Академии российской литературы. Окончила Московский полиграфический институт им. Прянишникова, сейчас является слушателем Высших литературных курсов (семинар поэзии В.В. Сорокина). Автор книг поэзии «В душе несем мы прожитого след...», «На Земле всё Любовью согрето!» (книга-дипломант конкурса «Лучшая книга 2008-2011») и музыкально-поэтического альбома «Я научу слова летать...», публиковалась в поэтических сборниках и литературных альманахах. Лауреат литературных премий им. С.Я. Маршака, С.А. Есенина, М.Ю. Лермонтова. Любит путешествовать и участвовать в различных экспедициях.

Живёт в Москве.

Русская Палестина как национальный проект.

К концепции ИППО вчера и сегодня*

Что такое Русская Палестина? Из всего множества связей, отношений, направлений международной и межцерковной деятельности России без труда можно выделить одно место на земле, которое является своеобразным центром притяжения, не зависящим от перемен политических, экономических, социальных, культурных, – это Иерусалим, Святая Земля¹. Могут меняться – и у нас, и в Палестине – общественно-экономические формации, формы государственности и социального устройства, Россия может быть императорской, советской, демократической, постдемократической, Святая Земля может находиться под властью Османской империи, Британского мандата, Государства Израиль, но ось Святая Земля – Святая Русь в любом (полярном, биполярном, многополярном) мире остаётся *инвариантом*. И всё, что касается этой оси, все люди, испытавшие и испытывающие зов Иерусалима в душе, совершившие или не совершившие заветного паломничества по святым местам, но внёсшие свою лепту (в прямом и переносном смысле) в благосостояние Святой Земли и в развитие русско-палестинских связей, – все они помечены исторической причастностью к чему-то большему, чем они сами, большему даже, чем Россия, да, пожалуй, и чем Иерусалим.

Равным образом и для Иерусалима, прежде всего в его духовном, церковном содержании – для Иерусалимской Матери Церквей – вряд ли можно назвать другую страну на свете, с которой их связывали бы более прочные, всемирные по масштабу и значению узы. Люди Святой Земли: арабы, греки, евреи, армяне, копты, абиссинцы, – соприкоснувшись с русскими паломниками, с русской душой, с русским щедрым жертвоваанием на нужды Святого Града и его обитателей – тоже бывали отмечены той же, внешне порой трудно уловимой причастностью к таинственной общности, которую дерзнём назвать именем *Русской Палестины*.

Русская Палестина – это уникальный феномен, который в материальном отношении состоит из сложной инфраструктуры русских храмов, монастырей,

Николай Николаевич Лисовой – родился в 1946 г. Историк Церкви, поэт, публицист, автор телевизионных фильмов, общественный деятель. Член Союза писателей России. Заместитель Председателя Императорского Православного Палестинского общества (ИППО). Ведущий научный сотрудник Института российской истории. Доктор исторических наук, кандидат философских наук. Награжден орденами Святого Владимира и Святого Даниила III степени.

Живёт в Москве.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ проект № 11-61-00003 а/П.

земельных участков и подворий, собранных и созданных во второй половине XIX – начале XX в. на русские деньги, трудом и энергией деятелей российского государства, Русской Церкви и культуры. Наш долг сегодня сохранить и укрепить этот важнейший островок отечественной духовности и культуры, способный служить лучшей «визитной карточкой» новой России в мировом сообществе. Настало время в полный голос сказать о научном и гражданском подвиге создателей и подвижников Русской Палестины – тружеников и исповедников, служивших Родине и Церкви, вернуть нашим соотечественникам их духовное и ученое наследие.

Связи народов России с народами Ближнего Востока, может быть, не так ярко и выпукло запечатлены в нашем национальном сознании и народной памяти, как, например, традиционные культурные и духовные узы России и Византии, России и Европы. Да и в науке они исследованы всё ещё достаточно слабо. Между тем, Иерусалим и другие центры стран библейского региона, в силу очевидных исторических и религиозных причин, относятся к важнейшим точкам приложения русской духовной и культурной активности. Исторический облик Иерусалима до нашего времени во многом определяется русскими памятниками архитектуры и культуры: так называемые Русские Постройки с величественным Троицким собором в центре, Сергиевское подворье с круглой угловой башней, «Русская свеча» на Елеонской горе – самая высокая колокольня в Иерусалиме, церковь Марии Магдалины в Гефсимании – памятник новорусского стиля, сделавшийся одной из ярких архитектурных примет города. Межнациональное и межцивилизационное общение, не исчисляемое никакими цифрами, связано с многовековой традицией паломничества в Святую Землю десятков и сотен тысяч россиян различных поколений, разных классов, сословий, имущественных состояний.

Иными словами, Русская Палестина – это не только совокупность русских храмов, монастырей, подворий в Святой Земле, даже не только система тех или иных церковных и светских учреждений, – это один из самых, пожалуй, масштабных и насущных *национальных проектов* в истории России. Мы сказали национальных, но отнюдь не в смысле той или иной этнической окрашенности, тем паче принадлежности. Россия вообще не национальное государство. Это – империя, историческое и религиозное призвание которой состояло и состоит в жертвенном служении всем людям и народам, вовлечённым в её духовную и политическую орбиту. Потому с одинаковой любовью и заботой встречали в прошлом столетии члены Палестинского Общества у себя в России грека Пападопуло-Керамевса, сирийских арабов Муркоса и Аттаю, палестинку Оде-Васильеву – и, наоборот, на Востоке легко становились *своими* архимандрит Антонин (Капустин) или Б.П. Мансуров – «Мансур-паша», как одни почтительно, другие иронически называли его в Иерусалиме.

Мы понимаем под Русской Палестиной полноту политического, духовного, научного и гуманитарного присутствия России в Святой Земле: труды и подвиги российских дипломатов, сотрудников консульств и посольств, представителей Русской Православной Церкви (Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, Елеонский, Горненский и Гефсиманский монастыри, паломники из числа духовенства), царской семьи и правящей элиты (августейшие паломники, благотворители Святой Земли, руководители ближневосточной политики), деятелей Палестинского Комитета (1859–1864), Палестинской Комиссии (1864–1889) и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–2010), благотворителей, паломников и путешественников XI–XX вв., писателей, художников и архитекторов, учёных-востоковедов. С этой точки зрения Императорское Православное Палестинское Общество является по отношению к прошлому – завершением, по отношению к настоящему и будущему – передовым отрядом русского дела в Святой Земле, авангардом Русской Палестины.

Рассмотрим теперь отличительные признаки и параметры *национального проекта*. Очевидно, к ним следует отнести долгосрочность, всенародность, масштаб и значимость.

Но давайте вспомним, что может быть названо в российской истории с древнейших времен более устойчивого и долгосрочного чем духовное устремление русского православного народа к Святой Земле – земной родине Спасителя, Богородицы,

апостолов? По свидетельству Никоновской летописи, в 1001 г., то есть 12 лет спустя после Крещения Руси, святой князь Владимир Красное Солнышко направил первых посланцев в Иерусалим. Даже ещё не «послов» – купцов аки в послех, то есть в качестве посланцев². Пройдёт два-три десятилетия и преподобный Феодосий, совсем ещё молодой, встретит в родном провинциальном Курске калик перехожих, «которые пришли из Иерусалима и вновь туда собирались». То есть всего через 30–40 лет после Крещения уже ходили по Русской Земле дружины паломников, носителей высокой связи Святой Руси и Святой Земли. В XII в. мы встретим в Иерусалиме не одних лишь простых паломников, но и представителей (точнее, представительниц) правящего дома Рюриковичей. В 1100 г. в Иерусалиме умерла первая жена Владимира Мономаха великая княгиня Гита Гаральдовна; в 1167 г. – просветительница Белоруссии преподобная княжна Евфросиния Полоцкая, проживавшая, согласно данным жития, «в русском монастыре в Иерусалиме»³. Самым началом XII века датируется лучшее из русских описаний паломничества в Святую Землю – «Житие и хождение игумена Даниила»⁴.

С того времени, несмотря на самые неблагоприятные условия для хождения русских людей к святым местам Палестины – войны, разрухи, нашествия, постоянные геополитические и религиозно-цивилизационные противостояния – их поток никогда не иссякал. Когда в XVIII–XIX вв. вопрос о Святой Земле, казалось, снятый с повестки дня «прогрессивным» Западом, вновь (впервые со времен крестоносцев) входит в активную проблематику европейской внешней политики, Россия лишь продолжала традицию, связанную с её преемством в качестве единственной в мире *Православной Империи* в поствизантийском пространстве.

XIX век явил мировой культуре – наряду с Пушкиным, Толстым и Достоевским, всем великим наследием русской литературы и искусства, – высокие образцы народной духовности и благочестия, молитвенный подвиг Серафима Саровского и Феофана Затворника, богословскую мудрость митрополита Филарета. Новые формы обрела в изменившихся культурных и геополитических условиях и древняя стихия паломничества, ярким и плодотворным выражением которой стала деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (с 1847), Палестинского комитета (1859–1864) и Палестинской комиссии (1864–1889), наконец, с 1882 г., Императорского Православного Палестинского Общества. Нужно ли после сказанного доказывать *долгосрочность* русского Палестинского проекта? История русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке и сегодня является основой формирования политики Российской Федерации и Русской Православной Церкви в регионе.

Другим необходимым признаком проектов, достойных именоваться национальными, является их *всенародность* – привязка не к частным, корпоративным, сословным или классовым интересам отдельных групп или лиц, а важность предпринятого дела для всех слоёв населения, для всего народа. И с этой точки зрения Русская Палестина и её сегодняшний авангард Императорское Православное Палестинское Общество вполне соответствуют предложенному требованию.

Выше отмечалось, что поток паломников, устремившихся в Святую Землю из Древней Руси в XII в., включал представителей самых разных сословий – от высших, включая бояр и великих княгинь, до простых землепашцев, воинов, иноков. XIX век, ставший временем возрождения феномена массового иерусалимского богомолья, равным образом знает паломников-аристократов (в том числе, вновь представителей царствующего дома), духовенства, научного сообщества, горожан (мещан), казаков и более всего (не менее двух третей) – крестьян.

Палестинское Общество, возникшее в 1882 г., с самого начала было всесословным. Оно строило свою деятельность под патронатом Церкви, государства, правительства, правящей династии. Устав, как и последующие изменения и дополнения в нём, представлялись через обер-прокурора Святейшего Синода на высочайшее рассмотрение и утверждались лично главой государства. Император утверждал также кандидатуры Председателя и его помощника (с 1889 г. – Председателя и Вице-председателя). Возглавляли Общество преемственно брат царя Александра III великий князь Сергей Александрович (с момента основания Общества до дня своей гибели – 4 февраля 1905 г.) и его супруга, великая княгиня преподобномученица Елизавета Фёдоровна

(1905–1917). Таким образом, в общественном служении ИППО органично сочетались вера и воля широких народных масс и державная, государственная инициатива. Конечно, Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна не имели возможности повседневно участвовать в рабочих заседаниях Общества. Но сам факт, что они возглавляли Общество, направляли его деятельность, сигнализировал о самом высоком уровне социального служения ИППО – уровне *государственной работы*.

В состав членов-учредителей Общества, наряду с августейшими особами, представителями родовой аристократии и петербургской служилой бюрократии, дворянами и генералитетом, входили представители купечества, научной и творческой интеллигенции – профессора светских и духовных учебных учреждений, писатели и поэты. Среди действительных членов и членов-соревнователей большинство в последующем составляли, как и в рядах паломников, крестьяне и мещане. Списки добровольных пожертвований отражают эту всесословность, практически всенародность. Поскольку Общество с самого начала отличалось строгой финансовой отчётностью, прозрачностью и гласностью, мы с восхищением и удивлением видим в опубликованных списках пожертвований, рядом и наравне, 2000 рублей, пожертвованных отставным генералом, 500 рублей, принесённых митрополитом, 25 рублей – от столбовой дворянки и два с полтиной – от вдовы-крестьянки.

Всесословный характер носила и просветительная деятельность Общества. Если его основатель В.Н. Хитрово начинает работу в Петербурге с лекций («чтений») для самых сановных слушателей, то в дальних епархиальных отделах волна отзовётся тысячами смиренных чтений, организованных в самых глухих деревнях и селениях – от Варшавы и Кишинёва до Читы и Якутска (называю самые «западные» и самые «восточные» из наших дореволюционных отделов).

Третьим параметром национального проекта бесспорно является его *масштаб* и *значимость* в политической, экономической, духовной и нравственной жизни нации. В этом смысле едва ли какое-либо иное направление деятельности может сравниться с духовной связью Россия-Палестина. Мы говорили уже о массовом характере русского паломничества, начиная с XII, до XIX – начала XX века. Количество русских богомольцев в Иерусалиме исчислялось тысячами и десятками тысяч в год. Приветствуя председателя ИППО, великую княгиню Елизавету Фёдоровну с 25-летием работы Общества, император Николай II в своём рескрипте писал: «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона рублей, ИППО имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10400 учащихся; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению⁵. Десять тысяч паломников и десять тысяч учащихся в год – достаточно впечатляющие цифры.

Не менее показательна научная деятельность Общества. Поясним, что указанные императором 347 изданий по палестиноведению включали такие первоклассные, европейского уровня публикации, как 63 вышедших до революции «Православных Палестинских Сборника», охвативших практически все древнейшие источники о хождении в Святую Землю как западно-европейского, так и византийского греческого происхождения. Изданные Обществом древнерусские хождения XII–XVII вв. могут составить целую библиотеку. Обществом (или на средства Общества) были предприняты такие выдающиеся научно-издательские проекты, как пятитомное «Описание рукописей Иерусалимской Патриаршей библиотеки» А.И. Пападопуло-Керамевса, классическое «Житие и хождение Даниила, Русской Земли игумена», подготовленное М.А. Вениветиновым, «Странствования Василия Григоровича-Барского» – роскошное издание со 145 рисунками автора, осуществлённое на пожертвованные великим князем Павлом Александровичем 5000 рублей. Не были забыты и интересы широкого читателя. Уникальными по популярности сериями стали «Чтения о Святой Земле» (72 выпуска; многие переиздавались по несколько раз) и «Палестинский Патерик» (22 выпуска). Книга В.Н. Хитрово «К Животворящему Гробу Господню» – уникальный путеводитель, стилизованный под рассказ старика-крестьянина, выдержала при жизни автора 12 изданий⁶. Важнейшим научным периодическим изданием был журнал «Сообщения ИППО», в котором печатались статьи исторического, археологического,

филологического, естественнонаучного содержания, касавшиеся различных сторон жизни Святой Земли. Библиотека Палестинского Общества, основу которой составило книжное собрание В. Н. Хитрово, содержала 14000 томов (более 10000 названий) и являлась лучшим книгохранилищем в стране по вопросам востоковедения и палестиноведения⁷.

Масштабность и значительность наследия Палестинского Общества, может быть, наиболее ярко подтверждается его судьбой в годы революционных потрясений и в последующий период государственного атеизма. Общество продемонстрировало редкостную способность к выживанию в трудные времена – и обусловлено это было, помимо материальной ценности палестинских недвижимостей и имуществ, прежде всего его высоким научным авторитетом⁸.

Необходимо также сказать о *церковной составляющей* Общества, его *духовно-нравственном потенциале*. Окинем ещё раз взглядом, на что была направлена деятельность ИППО. 15 лет назад на конференции в Баламандском университете в Ливане, один из докладчиков, профессор Бейрутского университета, с удивлением говорил: «Я вообще не могу понять, зачем России была нужна консульская служба на Ближнем Востоке. Я понимаю, что французский консул продвигал промышленные и торговые интересы Франции. Я понимаю, что британский консул ещё более активно продвигал британские экономические и политические интересы. Русские же ничего не делали. Зачем им нужны были консулы – генеральный консул в Бейруте, генеральный консул в Иерусалиме, консул в Дамаске?»

Действительно, для чего? Каковы были наши интересы в Иерусалиме и на Ближнем Востоке? Что нам там было делать? И для чего мы сегодня говорим об этом?

Была и есть Святая Земля – совокупность библейских святынь, объект религиозного поклонения. Есть паломничество как форма церковного делания. Вот для чего создались Русская Палестина, чему должно было служить Палестинское Общество и чему оно служило.

Напомню, что пребывание паломника в Святой Земле обходилось ему в 13 копеек в день, включая обед, 10 стаканов кипятка для чая, постель и мыло для умывания. То есть за 4 рубля вы месяц могли жить на постройках Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме. Неужели проживание в Святой Земле на самом деле было так дёшево? Нет, разумеется. На самом деле деятельность ИППО являлась в высокой степени *социальным служением* и *благотворительностью*.

Паломники при этом ещё получали и духовное образование, духовное просвещение. Их водили не группами, как теперь водят гиды, а большими караванами, потому что это было тогда сложно, дорог в Палестине не было. Водили специальные проводники, кавасы Палестинского Общества, обычно черногорцы – с кинжалами и пистолетами, – и священники. А на подворьях, по возвращении в Иерусалим, для них вечерами читали лекции о Святой Земле с «туманными картинками». И это всё бесплатно. Всё оплачивалось Палестинским Обществом.

Сказанное относится к паломникам и их обслуживанию в период пребывания в Палестине. Но не менее важная по масштабу и значению работа проводилась в России для самых широких масс русского православного народа, большинство которого до самой революции оставалось неграмотным. И Палестинское Общество проводило огромную работу по популяризации знаний о Святой Земле, о русско-палестинских связях, о библейских местах Востока – от Петербурга и Москвы до самых отдалённых епархий. Сорок тысяч русских православных приходов получали бесплатные рассылки и популярных лекций и бесед для народа, и бесплатных листовок для раздачи верующим, и тех самых «туманных картин», чтобы показывать их на лекциях слушателям.

Говоря о церковной составляющей, я имею в виду, что отделы Палестинского Общества к 1917 году существовали в 52 епархиях Русской Православной Церкви, причём первый из них в 1893 году возник в Якутске – Якутский епархиальный отдел Императорского Православного Палестинского Общества. Невольно вспоминаются «Откровенные рассказы странника», который от Иркутска собирался пешком дойти до Иерусалима с «Добротолубием» в котомке. Вот путь русского паломника – от Якутска, от Иркутска до Одессы, а там, даст Бог, Палестинское Общество бесплатно

отвезёт до Иерусалима. Иными словами, Палестинское Общество, подняло на себе огромный, можно сказать титанический, труд по *православному просвещению* русского народа.

Напомним при этом, что осуществлялась эта духовно-нравственная деятельность ИППО в преддверии катастрофы, в канун революции, в условиях либерализации, демократизации, всяческой дестабилизации. В этих условиях Палестинское Общество пыталось поставить религиозную и цивилизационную преграду тому нечестивому мутному потоку, который в 1917 году смёл в Россию, и Палестинское Общество. Палестинское Общество было на переднем крае этой борьбы, чего обычно не учитывают и не осознают историки.

Совместно с Церковью, с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме осуществлялось и ещё одно направление работы Палестинского Общества. Церкви Православного Востока пребывали в то время в самом угнетённом, скудеющем и бедственном состоянии. Патриархаты Иерусалимский и Антиохийский еле сводили концы с концами. Помимо того, что церковное служение Восточных Поместных Церквей осуществлялось в условиях турецкого мусульманского ига, к этому прибавлялось ещё, что основная масса – арабская православная паства Патриархатов – окормлялась греческим духовенством, не связанным ни культурой, ни языком, ни происхождением с церковным народом и, соответственно, практически не заинтересованным в его просвещении и благосостоянии⁹. Как писали в своём прошении на имя императора Александра II от 30 августа 1879 г. представители арабского православного духовенства Иерусалима, «мы – сироты вдвойне и втройне: и политически, и религиозно, и умственно, и общественно. Правящие нами – иной веры, руководящие нами – иного племени, учащие нас – иного языка, ищущие просветить нас – иных понятий. Повели благочестивым слугам Твоего Царства, чтобы было правильнейшее и полезнейшее распределение и употребление идущих из России на Святой Гроб сумм. Пусть бы составила здесь международная, так сказать, Комиссия, распоряжающаяся ими по истинным и неотложным нуждам места»¹⁰. Такой «комиссией» и стало Императорское Православное Палестинское Общество.

Одним из главных направлений деятельности, записанных в его Уставе, был многоаспектный комплекс мероприятий, покрывавшихся широким понятием «поддержка православия в Святой Земле». В это понятие включались и прямая финансовая помощь Иерусалимским Патриархам, и строительство храмов в местах компактного проживания православных с последующим их обеспечением всем необходимым, и дипломатическая помощь в противостоянии Патриархии как турецким властям, так и инославному внедрению. Но наиболее эффективным средством укрепления позиций православия справедливо считалась *учебно-просветительная работа* среди арабского православного населения. Помимо собственно образовательной функции русских школ в Палестине, они рассматривались руководством Общества как реальный инструмент конкуренции православной России на Востоке с католическими и протестантскими державами Запада.

В Антиохийском Патриархате при прямой поддержке российской дипломатии и ИППО в 1899 году произошла арабская национальная революция, был избран первый Патриарх-араб, и паствой стала управлять арабская иерархия. В Иерусалиме этого не произошло. Палестинское Общество в первую очередь поставило здесь задачу делать то, чем не занималась местная греческая иерархия: строить школы, заботиться о просвещении местного арабского населения. К 1914 г., последнему мирному году XX столетия, Палестинское Общество содержало в Святой Земле, включая Ливан и Сирию, 100 школ и две учительские семинарии. По подсчетам цитированного выше В.Н. Хитрово, каждый ученик русских школ стоил Обществу 21 рубль в год. Государь император в 1907 году в своём рескрипте на имя Елизаветы Фёдоровны подчеркнул, что у нас в Палестине и в Сирии 100 школ и 10 тысяч учащихся. Умножьте 21 рубль на 10 тысяч. Прибавьте это к тому, что мы тратили на паломников, прибавьте это к тому, что мы тратили на просвещение русского православного народа, – и мы увидим, что Палестинское Общество было *самым щедрым и эффективным благотворительным обществом* в Российской империи. Никакое другое не может с ним сравниться в этом смысле.

Первая мировая война 1914–1918 гг., революционные события 1917 г. и Гражданская война, прервавшие на десятилетия работу русских учреждений в Палестине и связь их с Родиной и Русской Церковью, не означали однако конца Палестинского Общества и Русской Палестины как исторического явления. В этот период, утратив помощь и поддержку России, они оставались важным духовным центром для *русской православной диаспоры*. Феномен Русской Палестины органично вошёл в огромную по размаху и значению духовную работу русской эмиграции, в том числе деятелей РПЦЗ и зарубежного ППО, продолжавшей *свидетельство о духовных ценностях России* и русского православия перед мировым сообществом на протяжении всего XX столетия.

Сознавая огромную заслугу священноначалия РПЦЗ в деле сохранения российского национального наследия в Святой Земле, руководство ИППО с начала 1990-х годов предпринимало шаги к восстановлению взаимного общения и сотрудничества. Это стало по-настоящему возможным лишь с подписанием исторического церковного Акта 17 мая 2007 г. о воссоединении Московской и Зарубежной ветвей Русской Православной Церкви.

Ещё одной особенностью 130-летнего проекта ИППО является его существенная *независимость* от внешних и внутренних исторических обстоятельств. Иерусалимский вектор русской внешней политики всегда отличался как точкой приложения (религиозный центр восточнохристианской цивилизации), так и характером действующих сил. Здесь теснейшим образом переплетались методы светской и церковной дипломатии, прямое политическое или финансовое давление, массовые формы паломничества, научно-археологическое проникновение. Трудно указать другой случай, когда российская политика столь ощутимо опиралась бы на такие, в позитивистском смысле «неощутимые», рычаги и механизмы, как религиозная вера, «дух народа», конфессиональная солидарность.

Соответственно, и Святая Земля, и другие страны библейского региона характеризуются сохранением устойчивой тенденции рассматривать Россию – практически на всех этапах её исторического существования (царский, императорский, советский, постсоветский) в качестве правового и религиозного гаранта духовной и политической стабильности, доброй памятью о той духовной и гуманитарной поддержке, которую оказывали люди и учреждения Русской Духовной Миссии и Императорского Православного Палестинского Общества местному христианскому – и не только христианскому населению.

Именно поэтому Русская Палестина не «закрылась» в 1917 г., продолжалась в течение советского периода, активизировалась вместе с российской политикой на Ближнем Востоке при Сталине в 1945–1953 гг., при Брежнев в 1968–1974 гг., при Горбачёве в 1989 г., при Ельцине и Хасбулатове в 1992 г., при Путине и Медведеве в 2005–2012 гг. – и сегодня составляет основу работы политиков и дипломатов по возвращению российской собственности и разработке современных моделей внешней политики России на Ближнем Востоке.

Русская Палестина была и остаётся системой *открытой* – и как исторический феномен, и как предмет исследования, осмысления и планирования. Наши знания о ней углубляются и расширяются с каждым новым поколением исследователей, с новыми источниками и документами, с новым взглядом и новой концепцией. На каждом этапе изучения и осмысления наступает рано или поздно время, когда достигнутые результаты в свете новых задач и открытий оказываются недостаточными. В научном плане наша задача – обеспечить тот уровень научной полноты, аналитической и документальной фундированности, при котором те, кто придут за нами, могли бы уверенно и обоснованно продолжить работу, не зачеркивая и не отвергая сделанного, но достраивая и расширяя то, на чем остановились мы.

¹ Понятие Святая Земля включает исторически территории нынешней Палестины (государство Израиль и Палестинская Национальная Администрация), Ливана, Сирии, Иордании (библейское Заиорданье) и даже Египет и Синай. В церковном отношении названные территории входили и входят в юрисдикционные пределы Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского Патриархатов.

- ² Никоновская летопись // ПСРД, т. 9. М., 1965. С. 68. (Репринт: М., 2000).
- ³ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 631-634.
- ⁴ Лисовой Н.Н. Игумен Даниил и его «Хождение»: пространство и время русского паломничества // «И то всё видел своими очами». К 900-летию хождения игумена Даниила в Святую Землю. Каталог выставки. М., 2007. С. 10-15.
- ⁵ Сообщения ИППО. 1907. Вып. 3-4. С. 398-399. См. также: Дмитриевский А.А. Извлечение из исторической записки ИППО за 25 лет его существования. (Читано в торжественном заседании Общества 22 мая 1907 г.) // Там же. С. 430-451.
- ⁶ Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества. 1881-2007. СПб., 2009.
- ⁷ Систематический каталог библиотеки ИППО. Т. I-II / Под ред. академика В.В. Латышева. СПб., 1907.
- ⁸ Подробнее: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 420-441.
- ⁹ Фуад Фарах. Живые камни. Арабские христиане на Святой Земле / Пер. с араб. О.И. Фомина. М., 2012.
- ¹⁰ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 1, л. 16-2об. На документе подписи четырех священников, в том числе, протопресвитера Константина Самана, руководителя иерусалимской православной общины, «иконома Престола Иерусалимского».

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда», дипломант конкурса московской городской организации Союза писателей России «Лучшая книга 2008–2011» за сборник «Песни старого шарманщика».

Над раздольем земли, где любовь окрыляла мне душу...

Когда меня ты не простила,
я зашатался на ветру:
и всё минувшее – постыло,
и новизна – не по нутру.

Но боль разлуки поостыла
и, догорая как свеча,
мне в одиночестве светила
сестра отвергнутых – печаль.

Была в печали этой сила,
целебный горестный запал:
когда меня ты отпустила,
я воспарил, а не упал.

Листопадом берёз,
опалённых осенней печалью,
по осколкам от звёзд
и разбитым надеждам – брожу.
Над землёй, где я рос,
где любимым меня величали,
из несбывшихся грёз
запоздалой звездой восхожу.

Догорают огни
в серой мгле на безлюдном причале.
Устают и они
бесконечно гореть и светить.

За весёлые дни –
мне осталось □ глухими ночами
в скудном свете луны
неизбывной печалью платить.

Из небесной дали
мне послышится дудка пастушья.
Всё, что я намолил,
ляжет стёжками в звёздной пыли.
Над раздольем земли,
где любовь окрыляла мне душу,
разнесут её плач
по осенней заре журавли.

Иссякли летние денёчки,
сгустились в тучи облака.
В шальной байдарке-одиночке
несёт меня судьба-река.

Седой шугой уходит к устью,
минуты счастья мне даря,
любовь, заснеженная грустью
под стылмым небом декабря.

Пред Божьим Оком все – нагие:
болея горней ностальгией,
душа, как перст, обнажена.
Ты покаяньем помоги ей,
и с болью справится она.
И исцелятся все больные
рукой Небесного Врача,
когда сожжёт грехи земные
исповедальная свеча.

Когда я вспомню то, чего не знал,
о чём душа в забвении скучала,
я осознаю, что любой финал
обозначает новое начало.

Быть может, где-то на исходе дня
и я сподоблюсь прикоснуться к чуду, –
ты помолись, родная, за меня,
когда я все молитвы позабуду.

ПЕСНЬ СЛАВАНСТВА

Трайче КАЦАРОВ

Дирижёр

Когда отцу исполнилось восемнадцать лет, его отец, мой дед Трайко, сменял дом в «Горно маало» на радиоприёмник.

Отец же унаследовал этот дом от своих биологических родителей.

Когда мой отец в первый раз увидел белый свет, его мать белый свет покинула. Она умерла, бедняга, не увидев своего ребёнка, ни разу не покормив сына грудью. За пять лет до того, как он издал свой первый крик, родилась девочка, сестра отца. Она прожила с мамой пять лет своей жизни, а мой отец ни одного дня.

Первые несколько месяцев после своего рождения отец провёл на коленях у своей бабушки, матери его матери. Старушка знала множество сказок и могла рассказывать их сколько душе угодно, но не могла ухаживать за новорожденным. Так что однажды отец моего отца вместе с зятем, мужем его умершей дочери, решили отдать на усыновление обоих детей: мальчика и девочку.

Отец остался в Штипе, а его сестру, чтобы тайна не открылась, и никто никогда об этом не узнал, отдали в семью, переехавшую в Битолу.

Отцу от своих биологических родителей не досталось любви, но достался дом в «Горно маало». Он не мог перейти в его распоряжение, пока отцу не исполнилось восемнадцать лет. Поэтому дед Трайко ждал, пока пасынок достигнет совершеннолетия. И, как только увидел, что у того за плечами восемнадцать лет, рванул на рынок.

Как всегда, на рынок он отправился с шапкой на голове, пиротскими опинками на ногах и мешком за спиной. Когда он вернулся, то сначала снял с плеч мешок, плюнул, чтобы не забыть плюнуть, и сказал так уставившимся на него жене и сыну, которому стало полных восемнадцать лет, и который беспрекословно подчинился воле отца:

– Я отдал дом!

– И прекрасно, вот и избавились от него, – сказала жена.

– Да? – подал голос сын, потом засучил рукава рубахи и отправился на речку. Он всегда находил там успокоение.

Брегалница была тихой и мирной рекой, но он слышал, как она журчит, и она казалась ему быстрой. Он знал, что она впадает в Вардар, но поскольку он его

Трайче Кацаров (Македония) – родился в 1959 г. Поэт, автор рассказов и эссе, драматург. Окончил Академию театра и кино в Софии. Директор Народного театра в Штипе. Редактор журнала «Сум».

Живёт в г. Штип.

Церковь Архангела Михаила. г. Штип, Македония

никогда не видел, ему было непонятно, почему его река для пути в Салоники выбрала именно Вардар.

- И почём продал? – Спросила Трайко жена.
- За радио!
- Как так за радио?
- Ну, дом отдал за радио.
- Ты сменял дом на радио?
- И ещё на поле у каштановой рощи.
- Эх, Трайко, Трайко, как же ты доберёшься до поля без осла?
- Я по дороге и осла купил.
- А где же твои покупки?
- Поле по-над рощей, радио привезёт Сане-извозчик, а осла уже ведёт сюда бывший хозяин.

Отец, убежавший к тополям у реки, слушал, как шумят листья. Он видел перед собой Штип, а мечтал о Белграде. Он болел за «Црвену Звезду», и ему было совершенно всё равно, что отец продал дом, куда, как он понимал, он никогда не сможет привести невесту, такую как Сарита Монтель.

Позже, когда он женился, и когда мама укоряла его, что он позволил Трайко продать дом, он сказал ей, что никогда не смог бы перечесть воле отца.

Дед Трайко этим воспользовался и поступил, как ему заблагорассудилось. Вместо того, чтобы продать развалюху рядом с Офицерским домом у реки, он продал красивый дом в самом старом районе города «Горно маало».

– Радио, что это тебе взбрело на ум купить радио? – спросила его жена, в то время как он расчищал место в маленькой комнате, куда он решил принести приемник и поставить его на тумбочку в углу, где было суше всего.

Он и сам точно не знал, почему купил именно радио. Может быть, у дедушки Трайко, как у Вердые, героя рассказа Гайто Газдинова «Нищий», была непоколебимая вера, что всё в жизни предопределено. Возможно, он тоже был фаталистом. Он никогда никому не отвечал на вопрос, зачем он сменял дом на радиоприемник.

В детстве, сам не знаю почему, мне больше всего нравилась сказка «Иванушка-дурачок».

Когда я вырос, стал взрослым, эту же сказку я нашел в сборнике братьев Гримм, но под другим названием: «Счастливым Ганс». Но для меня это была сказка про Иванушку-дурачка, и точка.

В сказке говорится о том, как Иванушка после семи лет работы на своего хозяина, попросил его отдать ему заработанные деньги, чтобы он мог вернуться к матери.

Хозяин был доволен работой Иванушки и дал ему кусок золота. Иванушка замотал золото в носовой платок и понёс за спиной. По дороге домой он увидел человека верхом на лошади. Ехать на лошади было гораздо легче, чем нести тяжёлый кусок золота на шее. Это был первый обмен Иванушки-дурачка. Золото он сменял на лошадь. Потом лошадь сменял на поросёнка, а поросёнка на утку. Наконец, утку сменял на мельничный жёрнов. После долгого пути он устал и решил остановиться у колодца, чтобы хорошенько отдохнуть и напиться прохладной колодезной воды. Но как только он наклонился над колодцем, чтобы попить воды, камень упал в воду. Иванушка был счастлив и решил, что Бог спас его от тяжёлого бремени. И вернулся домой ни с чем.

Для бабушки, жены дедушки, возвращение Трайко с рынка означало возвращение ни с чем. Она не была рада ни радиоприёмнику, ни полю у каштановой рощи, ни ослу, которого пришлось разместить в сарае под окнами дома.

Отец присвистнул, когда увидел приёмник марки «Тесла», стоявший на выдавшей виды тумбочке в углу комнаты. Он ничего не понимал в технике, и радость, которую он выказал, увидев радиоприёмник, конечно, не была вызвана его техническими достоинствами.

Случайно, в разговоре с одним из отцовских приятелей я узнал, что в юности его считали поэтом. Да, да, – сказал мне этот человек, – твой отец был поэт. Он играл на гитаре. Сам сочинял песни. Одну из них долго играли в кино перед сеансом, пока зрители усаживались на своих местах.

Отец любил музыку, и радио, этот волшебный ящик, исполнял все его желания, стоило только нажать на кнопку.

Когда он был не на работе или не разговаривал с рекой, то часами просиживал у радиоприёмника. Он любил слушать его стоя, поэтому заказал известному в городе столяру, чтобы тот сделал для приёмника полку.

Скоро полка была готова. Отец не любил зелёный цвет, но её покрасили зелёной краской. Полка выглядела как распластанная лягушка, на голове у которой вместо короны красовался радиоприёмник «Тесла».

В то время, через десять лет после освобождения, – рассказывает до сих пор мама, – по всему городу понаставили столбы с громкоговорителями, из которых горячим шоколадом текли голоса Николы Бадева, Васки Илиевой, Анки Гиевой, Кирила Манчевского, Александра Сариевского.

Но люди, собравшиеся у этих столбов, или просто прохожие помимо песен часто слушали и последние известия, и трансляции футбольных матчей.

Отцу радио досталось как раз в это время. Он стоял рядом с ним, будто тополь, и слушал о подвигах Райко Митича, Драгослава Шекуларца, Владимира Беары. От всего сердца болел за команду Югославии. Её успехи считал своими.

У отца, как у эмигранта Павлова из рассказа Гайто Газдинова «Чёрный лебедь», была необыкновенная улыбка. Даже самые чёрствые люди чувствовали и понимали, что она характеризует отца как гордую и значительную личность.

Он, как и эмигрант Павлов, был немногословен, но каждому говорил то, что о нём думал, не принимая во внимание, что может кого-то обидеть и тому подобное.

Отец был человеком, не похожим ни на кого.

Когда он женился на моей матери, то продолжал слушать радио всё в том же положении. Вот как мама потом описывала, как он стоял у радиоприёмника:

– Встанет у приемника в позе дирижёра. Поднимет обе руки над головой, а голову склонит так, что подбородок упирается в грудь, и замашет руками в такт музыке. Он при этом походил на дерево, которое машет ветвями под порывами сильного штипского ветра. Казалось, что радиоприёмник полностью под его контролем, что он загнипнотизирован и передает только то, что отец ему приказывает. Никто не крутит ручки настройки, а он просто сам играет, повинувшись воле отца. Отец махал руками и впадал в какой-то транс. Его чувствительность шла от души, а не от логики. Всё, что он делал, шло изнутри. Так он любил, так он и ненавидел. Музыку он любил всей душой, поэтому он и дирижировал, напрягаясь всеми жилами, чтобы помочь музыке овладеть миром. Дирижируя, он придавал ей форму, облакал ее в тело.

В приёмнике, который купил дед, он обрёл домашний оркестр. Отец почувствовал, что одним движением руки он может, говоря словами Элиаса Канетти, «воскресить давно умершие звуки». Почувствовал, что имеет власть над жизнью и смертью звука.

Когда в конце 1950-х годов появился я в виде плачущего игрока на сцене жизни, то местом для завернутого в пелёнки и свивальники тела была назначена кровать под зелёной полкой, на которой стоял радиоприёмник.

Снизу, с кровати, подаю звуки я, сверху, с зелёной полки – радио, каждый со своей песней, только отец всё в той же позе дирижёра.

Одной рукой он управлял моим хрупким бытием, а другой – мощью радио. Размахивая руками, он утихомиривал нас и указывал нам путь к другим людям, к миру, который смотрит на жизнь, как баран на новые ворота.

Позже, когда мне стало столько лет, что я смог стоять, не падая, довольно долгое время, всякий раз, когда он слышал по радио звуки, которым, как он считал, необходимы его дирижёрские навыки, он приказывал мне стать с ним рядом и слушать то, что сеялось из кончиков его пальцев. Он сеял всякие ноты, классику, лёгкую музыку, народную.

Сегодня не только мама, но и я могу сказать, что отец, дирижируя, чувствовал то, что самые важные вещи в жизни находятся у него в руках.

Когда в 1970 году мы уехали из старого дома, с нами в белое здание в центре города мы перевезли и деда Трайко, и радио.

Деда в новый дом мы внесли как неодушевлённый предмет, потому что его жизнь навсегда осталась в старом доме. Не мог он отказаться от прежней привычки – плевать: плевал в плевательницу, стоявшую под кроватью. Мы поселили его в спальне, а радио – в подвале на полке, на которой не было и капли зелёной краски.

Дед быстро засох после пересадки на новое место, радио осталось без антенны, а в отце погибла страсть к дирижированию.

По Канетти, дирижёр каждым движением показывал саму сущность власти. Для него музыка была всем, и, кроме неё, он ничего не видел. Отец не мог больше быть дирижёром.

После смерти деда отец получил наследство – депрессивное настроение.

Пришли новые времена, отец перестал стоять перед приёмником, махать руками, но не перестал слушать. Последние годы жизни он провёл в охоте на запретное в воздухе.

Шнурки

*Не выношу нечищенной обуви.
Мой отец не выносил нечищенной обуви.
Мой дедушка носил опинки.
Кто-то из нас был мужчиной.*

Когда я служил в армии, Исток, мой армейский приятель, бортпроводник в авиакомпании «Адрия», после того, как мы влили в пересохшие глотки по паре рюмок коньяку, начал рассказывать мне всякие случаи, произошедшие с ним на улицах мировых столиц. Среди прочего он заметил: «Знаешь, боец, – сказал он, – на улицах мировых столиц людей узнают именно по обуви. Любой, кто захочет поговорить с тобой, сначала посмотрит на твою обувь, а лишь потом на тебя. И если у тебя вместо головы на плечах тыква, то и это ничего, но если у тебя ботинки грязные, тогда – никаких шансов. Чистая обувь – это всё».

Когда я был в армии, то в казарме прямо под моей кроватью спал чистильщик обуви из Сараева. Цыган по имени Сали. Как сейчас помню его широкую улыбку, обнажавшую бесчисленное множество нечищенных жёлтых зубов, и его сверкающие солдатские сапоги. Чистая обувь – это всё.

Когда я в первый раз отправился в Болгарию в качестве члена молодежной литературной делегации, я был разочарован. У болгар тыквы на плечах были в порядке, но обувь у них была в ужасном состоянии. Грязная до невозможности.

Это было мне удивительно, но мне кажется, что, если болгары грязной обувью и не хотели продемонстрировать свой балканский менталитет, то, значит, хотели намекнуть, что придёт время, и они задушат Европу пылью со своих ботинок.

Один знаменитый болгарский актёр-комик в то время в одной из своих шоу-программ пел песню, в которой были такие строчки:

*Как же мы догоним американцев,
когда они украли у нас дворники с машин...*

Я знал, что у несчастных жителей Балкан большие проблемы с обувью. Чистая обувь – это всё.

У моего отца была чистая обувь и ухоженные волосы.

Дедушка был лысым.

Дед держал пару ботинок под кроватью в своей комнате. Купил их на похороны бабушки. Вернувшись с похорон, он снял их, положил под кровать и засунул немые ноги в пару настоящих пиротских опинцев. Он умер, а мы так и не узнали, были ли ботинки ему впору и почему после похорон он снял их, не развязывая шнурки.

Мне тоже пришлось, после того как я овладел искусством надевания штанов и застегивания ремня, учиться завязывать шнурки на ботинках.

В детском саду шнурки моих ботинок были в руках нянечки – бабы Мары. Супер бабуся, в ботинках, которые она мне зашнуровывала, я нёсся домой, не чуя ног. Мама всегда, когда я прибежал, сначала смотрела на ботинки, потом на волосы, а потом говорила: «Господи, сыночек, ты хоть раз вернёшься домой в сухой обуви? Снова у реки бегал? Всякий раз, когда она говорила так, она думала о реке Отиня. Той, которая делила город на две части. Моя мать в девушках жила на стороне города, населенной турками. Папа жил напротив. Они познакомились на Каменном мосту, мосту, который соединял турецкую часть с нашей».

Да, так оно и было. Баба Мара шнуровала мне ботинки, чтобы я бежал домой, но мне больше нравилось в них плавать. И я всегда плавал до дома и всегда по той же реке, Отине, с широченным руслом, в котором было очень мало воды.

Все первые восемь классов я проходил в ботинках без шнурков. У меня не было шнурков на ботинках, а в старших классах я, когда был в компании девочек-однокурсниц, останавливался на улице, притворяясь, что завязываю шнурки. Сначала, якобы, на одной ноге, потом на другой, пока они не отходили подальше, болтая и не замечая, что я уже не иду с ними.

Когда они были достаточно далеко от меня, я пускался бежать по переулку, который вёл к входной двери старого дома. Я не хотел, чтобы кто-нибудь видел дом, где мы жили в то время. Шнурки от ботинок защищали меня от позора. Вот так-то.

Когда я учился в старших классах, а затем в университете, у меня не было никаких проблем со шнурками. В то время хитом была песня популярной группы «Грязный театр» «Всё хорошо, пока ты молод», а я был молод. Мои ботинки были цвета её глаз. Иногда я покупал туфли, которые подходили моему характеру. Больше всего мне нравились ботинки, которые могли бы быть мне автобусом и спальней. В них я переносился в сны извращённых мужчин и недоступных женщин. Мои ботинки были моей выпивкой. Крепкой самогонкой, тяжёлым похмельем. Депрессией, взглядом во тьму, стремлением к бегству. Страхом потеряться... На самом деле, не помню ни одной пары обуви тех лет.

Когда я женился, да и потом, во все годы брака, я замечал, что это так, я все время ходил с развязанными шнурками. С этим ничего нельзя сделать, даже если бы я ходил без обуви, всё равно у меня были бы развязанные шнурки. Судьба, как сказала бы моя мама.

Однажды, когда я перед дверью отцовской квартиры мучился, пытаюсь завязать шнурки на ботинках, папа заметил это, опустил на колени и зажал оба конца шнурка между пальцами. Завязывая этот Гордиев узел, он сказал: «Эх, сынок, ты так и не

научился завязывать шнурки на ботинках, а у тебя уже свой сын есть, которому ты должен показать, как завязывать шнурки».

После этого случая у дверей квартиры отца прошло много лет. Папы уже нет в живых. Я прочитал в одной книге, в которой собрано множество народных сказок и пословиц, что плохо, если у мужчины постоянно развязываются шнурки у обуви. У такого мужчины неверная жена.

Я скучаю по папе. Просто некому пересказать поговорку. Просто некому завязать мне ботинки.

Теперь, когда я встаю на колени в коридоре квартиры, в которой я живу с женой и двумя сыновьями, пытаюсь завязать шнурки младшему сыну, я слышу, как этот малыш упрекает меня: «Что ты за отец, что не умеешь завязать шнурки на ботинках сына?»

*Жена, как обычно, молчит.
Старший сын пока ещё маленький.
Я стараюсь быть мужчиной.
Народный гений не обязательно всегда прав.*

Перевела с македонского Ольга ПАНЬКИНА

Ольга Викторовна Панькина – родилась в 1957 г. – поэт-переводчик. Окончила с отличием МГУ им. Ломоносова. Переводит поэзию со славянских языков на русский. С македонского языка перевела стихи более 100 поэтов. В 2010 г. стала лауреатом II Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» за лучшие переводы македонской поэзии; получила награду «Золотое перо» – высшую награду Македонии за перевод. В 2011 году награждена литературной премией им. Чехова за достижения в области литературы и литературного перевода, наградой им. Глигора Прличева за художественный перевод (Македония).

Живёт в г. Скопье (Македония).

ПОЭЗИЯ

Алексей ЕВДОНОВ

Алексей Николаевич Евдонов – родился в Москве. Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей, именной стипендиат Президента Российской Федерации. Член Союза писателей России с 1997 г. Автор трёх книг стихов. Лауреат литературной премии имени Н.А. Некрасова. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2008–2010 гг.»

Живёт в Москве.

Душа – Феникс!..

На излуках речных, где впервые любовь пригубил,
Где – в стихах – столько вёсен! – её окликать не устанешь,
Тёплый ветер вздыхает: «Я светлым, я облаком был! –
Лёгким ветром весенним ты тоже когда-нибудь станешь».
Этой ночью морозной любимую к сердцу прижмёшь! –
Ты судьбою зовёшь, ты невестой её называешь!..
Оглашенный мечтою, ты с талой водой уплывёшь, –
И не взглянешь! И мимо пройдёшь – и её не узнаешь!

Может, завтра тебя по весенним лугам – без следа! –
Вдаль умчат!.. –
иль в зенит! – белогривые кони рассвета!
Если нынче слукавишь... – мечта отзвенит навсегда! –
Только знай: ты судьбою, ты жизнью заплатишь за это!

Тонкий месяц блеснёт над крестами забытых могил,
Томный луч озарит разрушенья унылую груду...
Лёгкий ветер вздохнёт: «Я влюблённым, я мальчиком был, –
А теперь тополя до метелей раскачивать буду!»

Я дивной музыкой разбужен был...
Она и в сон мой радостный проникла!
Прибрежный там песок... – он не остыл! –
Где ты – счастливая! – смеясь, ко мне приникла
Устами влажными...
... И я разбужен был
в слезах от счастья!
Я разбужен был той, нашей музыкой...

Элегия

Молча вышел... – Под звон струны –
Те же звёзды горят высокие!
Все законы природы верны,
Только есть среди них жестокие!
Что любовь?! – Лишь казалось: шаг...
И от песни не стать счастливым!
Мёрзлой жнивой застыла душа,
А была голубым разливом!

Первая любовь (Триптих)

Как во сне...
То ли был, то ли небыль...
Только помню: взглянул на тебя –
На мгновенье вознёсся на небо!..
И навеки погиб... – для себя!

Мы шептались:
– Пока живём?..
– Да, родимый!.. Навек вдвоём!
В гулком храме пустых аллей
Стало тесно любви моей, –
Поманила другая высь...
Только слышу: «Родной, вернись!»
Это там!.. – в глубине аллей –
Одиноко любви моей.

Смотришь в окно...
Но сквозь слёзы чужими ночами... –
Видишь, милая! – стынет звезда...
Я тянусь к тебе зимними снами! –
Зыбким светом по трещинкам льда.

Завет

Что нашли мы, – в любви неудачники, –
Средь случайных подруг? – Суета...
Пусть сердца ваши греет, мальчики,
Чистота... Чистота, Чистота!

Что мы видим, – надежд растратчики, –
В час зари? – Слепота, слепота...
Пусть в глаза вам струится, мальчики,
Красота... Красота, Красота!

Мы играли в любовь, – обманчики! –
Оставалась в душе пустота...
Пусть же вас не покинет, мальчики,
Высота... Высота, Высота!

К 85-летию со дня рождения протоиерея Александра Егорова

Духовная школа отца Александра

Известный московский пастырь протоиерей Александр Егоров (1927-2000) был духовным отцом сотен и сотен людей. Многие из них посвятили свою жизнь служению Богу и Церкви. Одна из его духовных чад, настоятельница Зачатьевского женского монастыря Иулиания, возглавила работу над книгой,

Владимир Филиппович Смык – родился в 1941 г. в городе Ейске Краснодарского края. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Поэт, прозаик, публицист. Печатался в журналах «Образ», «Наши современники», «Москва», сетевом литературном журнале «Камертон» и других изданиях. Автор книг «Встречи» (1990), «Приключение в библиотеке» (2008). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Дети тридцатых годов.
Внизу, в центре, Саша Егоров. Здесь ему восемь лет.

Этот элегантный юноша – молодой священник Александр Егоров

которым отец Александр просвещал своих чад, многим из них дал возможность увидеть свой путь и идти по нему, не уклоняясь, сверяя, как по компасу, выбранную дорогу с наставлениями, советами, жизненным примером духовного отца. <...> Судьба игуменьи Новодевичьего монастыря Серафимы (Чичаговой-Чёрной), настоятельницы Зачатьевской обители игуменьи Иулиании (Каледа) и ряда других лиц, прошедших перед нами в этой книге, сложилась под прямым влиянием батюшки. То же можно сказать и о священнике Константине Кобелеве. Предоставим ему слово.

<...> Один из моих друзей, с которым я поддерживаю связь с тех самых пор, привёл меня к моей будущей крёстной матери – Елене Владимировне Апушкиной. Она была духовной дочерью батюшки Александра Егорова. От неё я впервые услышал это имя.

– Вам нужен духовник, – сказала Елена Владимировна, – идите, пожалуйста, в храм Ильи Пророка во Втором Обыденном переулке, к отцу Александру. Он большой молитвенник.

Я последовал её совету. Узнав, кто меня направил, батюшка сказал: «Елена Владимировна – член Маросейской православной общины, духовное чадо московского старца отца Алексея Мечева, а затем его сына, убиенного протоиерея Сергия. Сама была в ссылке. Держитесь её». Батюшка вообще очень ценил связь крестника и крёстной матери и поначалу во многом отдавал меня руководству Апушкиной. После службы он

посвященной памяти отца Александра, «Обыденский батюшка протоиерей Александр Егоров». Выход книги, изданной к 85-летию со дня его рождения (автор Владимир Смык), приобрёл особую актуальность в связи с недавними событиями, повлекшими отстранение игумена Тимофея от должности настоятеля храма Святого пророка Ильи, где 48 лет беспорочно служил отец Александр.

«Смерть не разлучает». Этот вывод отца Константина Кобелева как бы итожит жизнь батюшки Александра Егорова <...>. Действительно, связь между духовником и его чадами не обрывается с его кончиной. На примере отца Александра такая связь прослеживается с достаточной убедительностью <...>.

Свет веры Христовой,

обычно спрашивал, куда пойду, и когда я отвечал, что – в гости к Елене Владимировне, всегда радовался: «Вот и хорошо, идите к своей духовной матери».

<...> Духовное усыновление – процесс постепенный. В моём случае он происходил и углублялся как бы сам собой по мере моего общения с батюшкой. Отец Александр большей частью служил по понедельникам, и я, порой даже не посещал воскресной службы, но в этот день обязательно приходил в храм Ильи Обыденного. Наше сближение постепенно переросло в дружбу, в которой отец Александр по отношению ко мне был, конечно, старшим <...>.

Батюшка предложил мне помогать ему во время службы. Я начал читать записки на проскомидии и на требах, потом – Шестопсалмие, вычитывал Часы на клиросе, разжигал и подавал священнику кадило и через три года (с батюшкой я познакомился в 1980-м) стал алтарником. Началась перестройка, люди потекли в церковь, было много крестин. На ранней Литургии я помогал в алтаре, а на поздней – готовил крестины. Для батюшки это оказалось немалым подспорьем: я знал, как подготовить крещающихся, и когда начиналось таинство, им было понятно, что надо делать, как себя вести; отцу Александру не приходилось тратить время на предварительные объяснения.

Батюшка готовил меня к тому, что мне предстоит служить вместе с ним, надеялся, что я стану его продолжателем на церковном поприще. Эта подготовка, в ходе которой я, можно сказать, проходил школу отца Александра, и которая определила всю мою дальнейшую жизнь, заняла немало лет <...>.

<...> Он меня, как и всех своих духовных чад, учил любить Россию. Его патриотизм не был абстрактным, теоретическим. Он основывался, прежде всего, на любви к русским людям, тем тысячам и тысячам, изливавшим ему свою душу на исповедах,

1974 год.

Сидят слева направо: Елизавета Петровна Тихомирова, жена о. Николая Тихомирова, Нина Сергеевна Егорова, жена о. Александра Егорова, Зинаида Карловна Смирнова, жена о. Владимира, о. Владимир Смирнов, о. Николай Тихомиров, о. Александр Егоров, староста храма Ильи Обыденного Макарий Никифорович Гончаров, о. Борис Уткин. Стоят слева направо: Василий Алексеевич Гришин, о. Пётр Дьяченко, его жена Надежда, о. Сергей Борздыко, алтарник Александр Николаевич Рытов

«Наше священноначалие, – вспоминал отец Александр Егоров, – говорило: «Не забывают, мы ваши прихожане»».

На снимке митрополит Крутицкий и Коломенский, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий с прихожанами и клириками храма Илии Обыденного. Рядом с владыкой слева о. Николай Тихомиров, далее стоят о. Александр Егоров и протоиерей Владимир Смирнов.

Справа от владыки староста Макар Никифорович Гончаров

нужды, заботы, страдания которых проходили через его сердце. Ему был открыт внутренний мир представительницы княжеского рода и уборщицы, академика и студента. В их судьбах ему была видна судьба страны, за которую он болел всем сердцем <...>.

<...> Любил русскую природу, русскую землю, любил на ней работать, украшать её лицо цветами, кустами, деревьями. Когда начал возрождаться Зачатьевский монастырь, он предложил заложить на его территории сад, сам руководил там посадкой яблонь <...>.

В 1991 году меня рукоположили во диакона, и в этом чине я служил с батюшкой семь с половиной лет. Чтобы стать священником, мне было необходимо заочно закончить духовную семинарию, и здесь мой духовник не оставлял меня без помощи. Он всегда интересовался тем, как я учился. Одним из предметов, по которому мне предстояло держать экзамен, было церковное пение. Требовалось знание знаменного распева, догматиков на восемь гласов. Я пожаловался батюшке, который очень хорошо пел и многое знал и прекрасно разбирался в вопросах церковного пения, что мне никак не удастся их выучить.

«Да что ж тут такого, – сказал отец Александр, – ну, давай первый глас возьмём». И начал петь. Спел примерно две трети догматика первого гласа. «А дальше, – говорит, – так же само». Когда я пришёл на экзамен, из двадцати билетов мне выпал именно тот, где был вопрос именно по догматику, причём догматику первого гласа. Я начал петь. Пою – в голове у меня звучит батюшкин голос, пою уверенно, но просто владею собой: как петь последнюю часть догматика, не представляю. Но как раз когда я дошёл до того места, которое мне подсказал батюшка, слышу: «Достаточно». И получаю пятёрку <...>.

В 1998 году я был рукоположен в иерея. Служить с батюшкой мне больше не довелось: я был направлен в храм Святителя Николая в Бирюлёве. Перед тем, как прийти начать в нём служить, мне выпало счастье совершить вместе с отцом Александром паломническую поездку на Святую Землю. С ним должен был ехать протоиерей Алексей Лапин, но отец настоятель отказался от поездки в мою пользу: «Поезжайте со своим духовным отцом», – сказал он мне.

<...> Наша группа выезжала рано утром из Горнего монастыря, где мы остановились, а возвращались поздно вечером. Матушка Георгия, игуменья, обычно поджидала нашего возвращения с некоторым беспокойством. А нам удалось посетить такие места, в которых даже монахиня этого монастыря, которая водила нас на экскурсию, ни разу не была (например, в том месте дворца Ирода, где была усечена честная глава Иоанна Предтечи). С участием батюшки на Гробе Господнем, в Вифлееме, и в Гефсимании были отслужены три Божественные Литургии <...>.

<...> Отец Александр как ребёнок был счастлив, что попал в Палестину. Он всё время повторял напев, с которым когда-то возвращались из Палестины русские странники:

*Во Иордан-реке мы от грехов омылись,
Господень гроб сподобились узреть,
Святым местам усердно поклонились –
Теперь спокойно можем умереть.*

Было в этом обращении к песне русских паломников что-то пророческое: на Святой Земле батюшка ненадолго исцелился, а затем болезнь быстро взяла своё.

Батюшка, конечно, расстроился, что меня перевели в другой храм, и мы не будем вместе служить. Мне тоже хотелось всегда оставаться рядом с ним. Но, с другой стороны, то, что я накануне своего служения сподобился такой поездки: воспринял благодать Святой Земли, «напитался» батюшкиным духом, служил с ним Божественную Литургию в Иерусалиме, сдал, можно сказать, экзамен в его духовной школе, – всё это способствовало тому, что моему священническому служению был дан хороший старт. Меня сердечно приняли в храме Святителя Николая в Бирюлёве <...>.

Служба в Никольском храме, конечно, не позволяла быть с батюшкой с прежним постоянством, но всё же при каждой первой возможности мы встречались. Однако земные сроки отца Александра быстро сокращались. Болезнь возобновилась, приближались его последние дни. Я старался как можно чаще навещать своего духовника в больнице имени Герцена, где его безуспешно лечили, и дома, куда его привезли умирать.

Вспоминая дни, предшествовавшие кончине батюшки, как духовный сын его и ученик могу сказать, что они стали для меня последним и, может быть, самым важным уроком, который я получил от своего учителя. Это был урок величайшего смирения и глубокого покаянного чувства. Я и раньше видел, как батюшка исповедуется: каждый священник, как правило, два раза в год ходит на исповедь к епархиальному духовнику. Тогда им был отец Владимир Жаворонков. И со стороны мне было видно, как глубоко каялся батюшка в своих грехах, насколько просвещённым и очищенным выходил после исповеди. Тогда я, конечно, не мог её слышать. Но когда болезнь перешла в последнюю стадию, и было решено причащать батюшку сорок дней кряду, мне довелось быть в числе тех священников, кто исповедовал и приобщал отца Александра Святых Даров. И вот батюшка, у которого было столько заслуг перед Господом, каялся, действительно, как последний грешник. Это раскаяние было самое искреннее, не по заученным фразам, вычитанным из соответствующих церковных книг – для него слова покаяния были страданием и мукой, сознанием своего недостойства. Своей болезнью, своей кончиной батюшка, по крайней мере для меня, показал пример того, как должен умирать истинный православный христианин, как готовить себя к встрече с Господом.

<...> Говоря о молитвенной связи с батюшкой, не могу не упомянуть о том, как он мне помогает исповедовать. Отец Александр обладал ведь великим опытом принимать многих кающихся не только во время Всенощной, но и Литургии, так чтобы они успели причаститься. Он имел дар правильно распределять время, тратить его ровно столько, сколько нужно на тех, кто пришёл в храм недавно, а то и вообще – на первую исповедь, и на тех, кто каялся недавно. На всенощной у него могло собираться несколько сот человек. У кого-то он принимает исповедь долго, а бывало, подойдёшь к нему, он спросит:

– У тебя есть что-нибудь новенькое?

– Да, нет батюшка, – скажешь упавшим голосом, – всё те же грехи – старые.

А духовный отец радуется:

– Ну, слава Богу, что новых нет...

И накрывает голову епитрахилью. Исповедь ведь не отчёт о проделанной работе: обо всех грехах не скажешь, хоть трижды подходи к священнику. Для него главное понять: готов ли ты к причастию, если нужно подсказать, помочь, при необходимости наложить епитимью (я однажды нёс её полгода, исповедовался, причащался и исполнял то, что мне было сказано). Батюшка видел наши грехи, чувствовал состояние человека, который к нему подходит.

который к нему подходит.

Конечно, мне далеко до такого замечательного исповедника, каким был отец Александр. Бывая на Немецком кладбище, я молюсь, чтобы батюшка вразумлял меня, что сказать кающимся, как помочь им раскрыть свои сердца Господу <...>.

Вот так батюшка уже за гробом помогает мне. И многие другие его духовные чада, с которыми я говорил, рассказывали, что получают от него поддержку и благодатную помощь. Душа отца Александра живёт с нами и, действуя через тех людей, которые были ему дороги, участвует в современной жизни Церкви <...>.

о. Александр у иконы св. прп. Серафима Саровского. Саровский чудотворец был любимым батюшкиным святым, его идеалом подвижника

ПОЭЗИЯ

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – родился в посёлке Петровское Ярославской области в 1946 г. Автор многих публикаций, в том числе трёх книг: «Белый цвет», «Душа согрета», «То, что в сердце давно берегу». Дипломант конкурса «Лучшая книга 2008–2011». Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью «А.П. Чехов», дипломами имени Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова. Член СП России. Живёт в Москве.

Россия, Русь – как пульс живое слово...

Русь

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

А. Блок

Да, скифы* мы, но мы не азиаты,
И взгляд наш прямодушен и глубок,
Русоволосы мы и бородаты,
И жадность ненавидим, как порок.
И любим Русь всего на свете боле,
От древних лет, заветный дар отцов.
Мы за неё на Куликовом поле
Рубили в прах разбойных степняков.
Россия, Русь – как пульс живое слово,
Нам за неё в бою неведом страх.
Она живёт в картинах Васнецова,
Она звучит в есенинских стихах.

Но сердце жаждет счастья, а не славы,
Но так близки заветные слова,
В лугах по-русски нежно шепчут травы,
В лесах по-русски шелестит листва.
И оттого, сквозь годы и утраты,
Нерусский край души не увлечёт.
Не так мы русы и не бородаты,
Но в жилах кровь славянская течёт.

Да, скифы мы, но мы не азиаты.

* Скифы были одним из союзов славянских племён. В Византии скифами называли вообще всех славян (Прим. автора).

Белый цвет

От ромашек белò,
К цвету белому глаз не привыкнет.
Доброй белой стеной
Обступили берёзы вокруг.
Что-то в чаще мелькнёт,
Что-то белое в роще возникнет
И исчезнет опять,
Словно тайный, неведомый друг.

Белый цвет, белый цвет –
Это празднество белого света.
Да хранит мою жизнь
Эта нежная, белая бронь.
Я в окошко смотрю –
Там в истоке беспечного лета,
Словно чьи-то надежды,
Стоит у ворот белый конь.

Оттого всё вокруг
Для души означает немало:
Дальний стук топора,
Скрип колодца, в низине – река.
Где-то свищет коса –
Это время покосов настало,
Но на бёлы ромашки
Подняться ли может рука?

Чувства времени нет.
Это счастье – решу я несмело.
Сколько ж там позади?
День сегодняшний или же год?
Усмотреть не сумел,
Как прозрачная даль загустела,
Не услышал, как вечер
В сиреневый колокол бьёт.

«Так вот жизнь и проходит», –
Мне бабушка как-то сказала.
А не верилось мне,
Я не чувствовал лет за спиной.
Но в окно я смотрю:
У старинной калитки устало
Грустно щиплет траву
Вместо белого – конь вороной.

Но ещё мне сиянье
От белого света осталось.
Но белеют приветно
Ромашки на сонном лугу.
Хорошо и покойно,
И хочется самую малость,
Чтоб осталось другим
То, что в сердце давно берегу.

Утро в Ростове Великом

И куда ни бросишь взгляд –
Ни движенья... Все уснули.
Только тополи не спят,
Словно рынды в карауле.

Этот ранний, летний час,
В нём особенное что-то,
Сокровенно будит в нас
Чувство детства и полёта.

Чувство светлое в груди,
Что и нас не минет радость,
Что ещё, там впереди,
В жизни главное осталось.

И легко на сердце так,
И душою славить Бога...
Запоздало вторит шаг
Удивлённая дорога.

Впереди трава, трава,
И блестит на солнце Неро,
Золотая ендова
Исполинского размера.

Воспоминания на Куликовом поле

Далеко, где безбрежье трав,
В небе сполохи вижу я.
Словно времени ход поправ,
Русь грядёт из небытия.

Здравствуй русая, здравствуй Русь!
Где ты пряталась до сих пор?
Отступает от сердца грусть,
Под мажорный славянский хор.

Нет печали в нелёгкий час,
В свято войске ушедших лет.
На хоругви, над ними Спас,
Это значит, что смерти нет.

Юность лиц, молодая цветь,
Это русская сторона.
Мало сможет кто уцелеть,
Но за Родину смерть красна.

.....

Голоса где-то у реки,
Словно памяти рвётся нить.
Нереальностью далеки,
Значит, можно их позабыть?

Значит, дело их, как траву,
Скосит время косою лет?
Но возникнет, как наяву,
Окровавленный Пересвет.

Ощуцаю параллели,
Помню май, легко в груди.
Одуванчики желтели,
Всё-то было впереди.

Это было, мимо взора
Пролетело дней не счастье.
Может нет уже задора,
Но зато раздумья есть.

И такое же приволье,
Но уже не прежний вид.
Отцвели цветы, и в поле
Ветер дунул – пух летит.

Невесомость обретает,
В мир неведомый спеша...
Так, наверно, отлетает
К Богу светлая душа.

ВЕРНИСАЖ

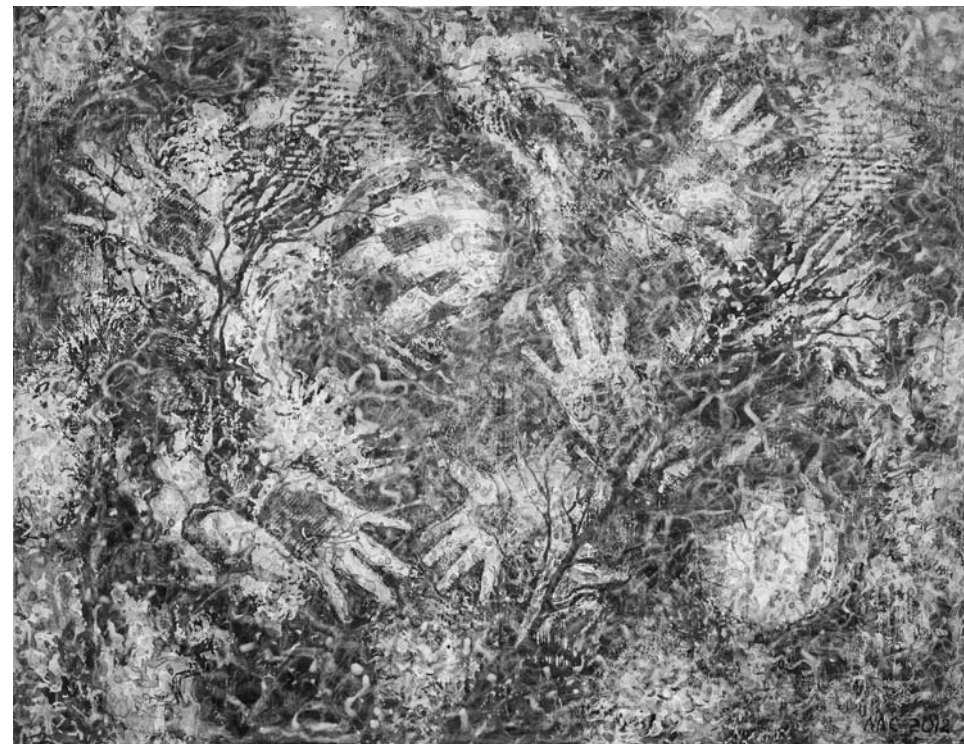
Александр ЛАПКО

Александр Степанович Лапко – художник-монументалист и живописец. Член Московского Союза художников. Родился 21 сентября 1946 г. на Украине. Окончил Днепрпетровское государственное художественное училище. В 1973 г. окончил Московское Высшее Художественно-Промышленное Училище (бывшее Строгановское) – отделение монументально-декоративной живописи (мастерская профессора В.Ф. Бордиченко). По собственным эскизам и проектам оформил ряд значительных объектов в городах России. С 1976 г. постоянный участник выставок. Состоялись три персональные выставки в Москве (2000, 2009, 2011). Автор серии тематических полотен по Новому Завету. В настоящее время работает в области станковой живописи и графики. Преподаёт академический рисунок и живопись в московской Школе архитектуры и дизайна.

Живёт в Москве.

**«Все́му своё время, и время всякой вещи под небом»
(Еккл. 3:1)**

Среда обитания. Картон, смеш. техника, 2012 г.

Зов предков. Картон, смеш. техника, 2012 г.

Отзвуки былого. Картон, смеш. техника, 2012 г.

ПОЭЗИЯ

Сергей ЛЕБЕДЕВ

Сергей Александрович Лебедев – родился в 1949 г. в Рязанской области в семье офицера. Окончил в 1972 г. Куйбышевский политехнический институт по специальности химик-технолог. Отдельные стихи были напечатаны в 2008 г. в журналах «Книжный клуб» и «Предупреждение», с 2009 г. стихи публикуются в тольяттинских газетах, в международном сетевом альманахе «Литературная губерния», сетевом литературно-историческом журнале «Великороссы», межрегиональном литературно-художественном журнале «Приокские зори». Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н.А. Некрасова. Стихотворения опубликованы в сборнике ГБУК г. Москвы «ЦУНБ им. Н.А. Некрасова» – «Венок Некрасову». Живёт в Тольятти.

Дорогу верную Россия обретёт...

Кондовая Русь

На горизонте сочная сосновость,
И волны бледных зеленей.
Люблю тебя, Руси кондовость*,
И горький дым, и ширь полей.
Люблю тебя, Руси кондовость
В тиши забытых деревень.
Частушечный гармони голос,
Летящий вольно за плетень.
Частушечный гармони голос,
Стихи Рубцова, как завет,
Ржаного цвета спелый колос,
Люблю есенинский рассвет.
Ржаного цвета спелый колос
Был в гербе Родины моей...
Люблю тебя, Руси кондовость,
И горький дым, и ширь полей.

* Кондовый – 1. Исконный, сохранивший старые обычаи, устои (словарь Ожегова). 2. Старинный, прочный, основательный (словарь Ушакова).

Двоюродному брату
Александру Шумилову

Мы из одной деревни,
Её название – Русь.
И потому, наверно,
К истокам снова рвусь.
Грущу по зову пашни,
По крикам петухов,
Мне снится хлеб вчерашний,
Мычание коров.
Приехал лишь однажды
К минувшей жизни я,
И на могиле каждой,
Я вспомнил имена.
Здесь избы, как слепые,
В глазницах чернота,
И «журавли» немые,
В колодцах сухота.
Мы из одной деревни,
Её название – Русь.
И потому, наверно,
К Ветлуге я вернусь.
И снова, как в былое,
Навстречу голоса.
И избы крыты новью,
И на стекле роса.

Вернисаж в Козьмодемьянске

Художнику С.А. Жирову

Местный художник Серёга Жиров,
Стоявши, оценивал антураж.
Мимо идущим, он предложил нам
Зайти посмотреть вернисаж.
В рамках картины уездного быта,
Шатры колоколен, зелень листвы,
Ливнем осенним деревня умыта,
Лубочная правда лесной стороны.
Вдруг, что-то близкое и родное;
Изба и колодец, рябина, сарай.
Будто бы детство рядом со мною,
Ветлужский, варнавинский край.
Мне показалось, к деду приехал,
В деревню, где выросли мать и отец,
Ласточка юркнула ловко под стреху,
А за окошком биенье сердец.
«Просим продать нам эту картину,
На домик с рябиной плату назначь».
Тянет Серёга с ответом, и видно;
Заветная память, а время – не врач.

Нам говорит, что дороги рамы,
 Не дешево их обивать полотном.
 Домик остался. Но нет в этом драмы,
 Картина висит, как печаль о былом.
 Берег песчаный далёкой Ветлуги,
 Невзрачные избы деревни родной,
 Пойменный лес за окраиной луга,
 Остаются долго в мыслях со мной.

Письмо родителям

*Светлой памяти Александра
 и Валентины Лебедевых,
 моих родителей, посвящаю.*

Я был в деревне вашей, дорогие,
 Приехал от Ветлужской по шоссе.
 Шоссе взаместо гати проложили,
 Вокруг леса, по-прежнему, в красе.
 Деревня тихой улицей открылась,
 Берёзы старые над избами шумят.
 И ласточки над крышами носились,
 В лугах не слышно зова жеребят.
 Венцы вросли, заметно почернели,
 На крышах доживает старый тес.
 В полях и птицы радостно вам пели,
 Сегодня по бурьяну – ветер-пёс.
 Деревня ваша – грустная картина.
 Идешь, как после бегства по селу,
 Не ждешь уже мычания скотины,
 Топор молчит, не слышно и пилу.
 Коровники с упавшими дверями,
 С пробитой крышей, без окон.
 Тоска, родные, с нашими царями,
 И страшно то, что вижу я не сон.
 На кладбище, у деревянной церкви,
 Бродил я среди елей и кустов.
 Нашёл могилы. Рядом из деревни
 Прорвался крик немногих петухов.
 Холмы могил, заросшие травой,
 Печали тихой оставляют след.
 И радость, что увидел я былое,
 Своих корней не позабыл я, нет.
 Наверно, вам родные передали,
 Печаль мою, и радость и любовь.
 Умерших, с дядей, стоя поминали,
 Добром сердец за родственную кровь.
 Придет ещё и на Ветлугу счастье,
 Дорогу верную Россия обретёт.
 Перегаранить страшные напасти,
 Река призывно струями зовёт.

К 20-летию возрождения храма святителя Николая в Толмачах

Музей-храм

Наш храм – первый в России домовый храм-музей, он является неотъемлемой частью знаменитой Третьяковской галереи, хранителем заступницы Руси – чудотворной Владимирской иконы Богоматери.

Ещё в 1991 году начались разговоры о передаче храмов Русской Православной Церкви. В том числе и нашего храма, который был запасником галереи.

Галерея тогда реконструировалась, были построены новые депозитарии и залы. Храм освободился и несколько лет пустовал. К сожалению, он сильно обветшал и фактически был руинирован: стоял без крестов, колокольни, интерьера, пола. На 70 процентов была потеряна живопись внутри храма.

Возникла идея, что он будет храмом-музеем с концертным залом при Третьяковской галерее.

*Протоиерей Николай Соколов – настоятель храма святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее, декан мистерионского факультета Свято-Тихоновского богословского православного университета.
 Живёт в Москве.*

Храм святителя Николая в Толмачах

Посоветовались с Патриархом Алексием II, и он предложил директору ГТГ, чтобы тут была своя христианская община. За это активно выступила часть сотрудников галереи. Благодаря благословию Святейшего община сложилась и существует. При храме действует воскресная школа.

В 1992 году, после почти 65 лет перерыва, по благословию Святейшего Патриарха Алексия II, я стал первым настоятелем храма святителя Николая в Толмачах.

Патриарх очень внимательно наблюдал за развитием отношений с Третьяковской галереей. Неоднократно, иногда 2-3 раза в год, он приезжал, смотрел, как идут дела, как преобразуется храм. Если не ошибаюсь, это первый пример доброго сотрудничества между Церковью и музеем.

У нашего, как и у многих других московских храмов, есть географическая привязка: «в Толмачах».

«Толмачами» когда-то называли переводчиков. Россия всегда поддерживала дипломатические и торговые связи с другими государствами, значит, требовались люди, владеющие иностранными языками. Понятно, что это были особы образованные, чаще всего приближённые к высшим властным сферам. Но как и простые ремесленники, они старались селиться среди людей своей профессии – так, наряду с Кузнецкой, Гончарной и другими слободами в Москве появилась слобода толмачей.

Первое упоминание о деревянной «Церкви Великого Чудотворца Николая, да в пределе Иван Предтечь, что за Москвою-рекою в Толмачах» содержится в Приходской книге Патриаршего приказа за 1625 год.

Каменный храм был возведен в 1697 году «гостем», прихожанином церкви Воскресения в Кадашах, Лонгином Добрыниным, и главный престол храма был освящён в честь Сошествия Святого Духа, а Никольский перенесён в трапезную.

Однако только с 1697 по 1770 годы церковь в деловых бумагах и книгах именовалась «Сошестввенскою», а затем стала опять прописываться «Николаевскою».

В 1770 году в трапезной был сооружён Покровский придел на средства вдовы купца 1-й гильдии И.М. Демидова. В 1834 году, по прошению прихожан и «согласно с мыслию Митрополита Филарета», была перестроена трапезная по проекту архитектора Ф.М. Шестакова и возведена новая колокольня.

В 1856 году был обновлён четверик и перестроен главный алтарь. Средства на обновление храма были пожертвованы, в числе других, Александрой Даниловной Третьяковой с сыновьями.

Один из них, Павел Михайлович, основатель картинной галереи, был ревностным прихожанином храма. Здесь у Павла Михайловича было своё постоянное место, ныне отмеченное тёмной мемориальной плитой. Известно, что он был глубоко, искренне верующим человеком, очень усердным прихожанином, и не только сам исправно посещал церковные службы, но и требовал того же от своих служащих.

«В моём сознании встаёт образ человека, служившего примером трезвенной, сосредоточенной жизни., сочетавшего владение богатством внешним с нищетой духовной. Это проявлялось в его смиренной молитве», – так вспоминал о П.М. Третьякове диакон Фёдор Соловьев, прослуживший в храме 28 лет, впоследствии старец Зосимовой пустыни схииеромонах Алексей. Скончался Павел Михайлович незадолго до Николина дня, 4 (16) декабря 1898 года. Москва прощалась с ним в Никольском храме, и отпевание совершил его настоятель протоиерей Дмитрий Косицын.

В истории Москвы, да и всей России, имя этого купца, коллекционера, мецената и просветителя занимает особое место – ведь это он собрал и подарил столице огромную галерею картин русских художников. И до сих пор называется галерея в память своего основателя – Третьяковкой.

Храм удостаивали своим посещением Первоиерархи и иерархи Церкви. В 1924 году в храме совершил богослужение Святитель Тихон, патриарх Всероссийский, жребий на патриаршее служение которому вынул старец Алексей Зосимовский перед Владимирской иконой Богоматери.

Храм в 1985 г.

В 1980 году Третьяковская галерея была поставлена на реставрацию. Тогда же встал вопрос о реставрации храма, в котором предполагалось открыть концертный зал. К 1990 году были восстановлены главы и второй ярус колокольни.

В 1993 году, когда зал древнерусского искусства был ещё на реконструкции, по просьбе Патриарха Алексия II в инженерный корпус, в котором тогда работала эта экспозиция, вынесли из хранилища чудотворную икону Божией Матери Владимирскую, и многие верующие наконец смогли прийти ей поклониться. И первый раз после революции Патриарх совершил перед ней молебен. С ним молился причт нашего храма и пел детский хор нашей воскресной школы.

Была ли это та самая икона, к которой прикоснулся сам евангелист Лука, – вопрос веры. Икона имеет несколько записей, относящихся в том числе и к XIV–XVI векам. Мы верим, что эта икона по преданию написанная евангелистом Лукой, являет Покров Царицы Небесной над всей Русской Землей.

1993 год памятен и тем, что перед Владимирской иконой, которая была перенесена из Третьяковской галереи в Богоявленский кафедральный собор, коленопреклонно молились, чтобы предотвратить гражданскую войну. Смута была прекращена во многом потому, что и Святейший Патриарх Алексий II, и все молившиеся с ним москвичи получили возможность этого заступничества.

Второй раз Патриарх совершил здесь молебен в 1994 году, и с ним приезжали сотрудники Патриархии, некоторые священники и представители общественности.

Праздничные богослужения проходят в нашем храме с участием знаменитого камерного хора Третьяковской галереи под руководством А. Пузакова, причем в день памяти П.И. Чайковского исполняется его «Литургия», а в день рождения С.В. Рахманинова – его «Всенощная».

Храм снова стал местом служения Святейшего Патриарха. В 1997 году, в день празднования иконы Владимирской Божией Матери, 8 сентября, Патриарх Алексий II

Восстановленный храм

освятил храм святителя Николая в Толмачах великим освящением. За счёт Третьяковской галереи и прихожан храма была заново возведена стройная колокольня и восстановлено пятиглавие четверика. Воссозданы три иконостаса, пристенные киоты, полностью восстановлена настенная живопись.

Значительная часть убранства храма – экспонаты из собрания музея: заалтарные кресты, литургическая утварь, иконы главного и боковых иконостасов, в том числе «Святитель Николай», «Сшествие Святого Духа на апостолов»... (все бывшие в нём раньше иконы XVI–XX веков, их около 150).

Удивительно, как Господь благословил за-

кончить реконструкцию именно в год 300-летия храма. Предстоятель увидел преображённый храм. Это была и для Святейшего, и для всех нас большая радость. Наш Первоиерарх не ожидал, да и никто не ожидал, что удастся отреставрировать храм так быстро – с 1992 по 1997 годы.

Храм преобразился просто чудом. Это молитвы о нас Божией Матери через чудотворный образ Её Владимирский, Её благословение.

И с тех пор Патриарх Алексей II приезжал каждый год в дни Владимирской иконы, один, два или даже три раза и совершал литургии, а если не мог, то хотя бы молебны. Эту традицию ныне продолжает и Святейший Патриарх Кирилл.

Праздновалось под сводами храма и 150-летие со дня основания Третьяковской галереи, причём торжество пришлось на престольный праздник храма 22 мая 2006 года. После окончания литургии Святейший Патриарх совершил благодарственный молебен по случаю юбилея.

Храм стал первым в России домовым храмом-музеем, которому выпала честь хранить такие величайшие святыни Православия, как Владимирская икона Богоматери (находится постоянно в храме в специально оборудованном киоте) и Святая Троица предподобного Андрея Рублёва (приносится в храм с 1997 года на праздник Святой Троицы).

В 1929 году рублёвская «Троица» поступила в собрание Государственной Третьяковской галереи. Ныне она постоянно хранится здесь в зале древнерусской живописи, в специальном стеклянном шкафу, в котором поддерживается постоянная влажность и температура, и который защищает икону от любых внешних воздействий.

В Троицком соборе Лавры (после революции на её территории был открыт Загорский историко-художественный музей-заповедник, лишь к концу прошлого века икона вновь была передана Церкви) в иконостасе – список, сделанный Николаем Андреевичем Барановым. Им же она окончательно и была отреставрирована в Третьяковской галерее.

В 1941 году, когда фашисты наступали на Москву, рублёвская «Троица» вместе с Владимирской иконой Божией Матери и другими шедеврами Третьяковской галереи были эвакуированы в Новосибирск, где они размещались в здании Оперного театра.

9 октября 1944 года – издан приказ о реэвакуации. 17 мая 1945 года – «Троица» вновь выставлена в открывшихся после ремонта залах Третьяковской галереи.

Дело не ограничилось простым перенесением Владимирской иконы в домовый Никольский храм: необходимо было обеспечить особый музейный режим в храме, которому официально дан статус храма-музея. Оттого войти в церковь можно лишь через двери Третьяковской галереи со стороны Малого Толмачёвского переулка (рядом с колокольней) и, прежде чем подняться по лестнице в храм, положено обязательно оставлять в гардеробе верхнюю одежду.

Ежедневно, кроме понедельника, с 12 до 16 часов храм открыт как экспозиция галереи (вход через Третьяковскую галерею). Оборудованный как музейный зал с передовыми технологиями, с искусственно созданным климатом, температурным режимом и сигнализацией, он в то же время остаётся самостоятельным храмом, где по праздникам и выходным дням проходят богослужения, возносится молитва и даже теплятся свечи.

Для Владимирской иконы изготовили на заводе Минатома РФ особый пуленепробиваемый киот с поддерживаемой внутри необходимой температурой.

Главное же теперь – можно не только взирать на эту святыню, но и помолиться перед ней. И даже оставить ей свечу, которую зажгут во время богослужения.

В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе в храме Христа Спасителя старец Алексей Зосимовский (1846–1928) был причислен к лику святых. А в марте 2002 года решением Священного Синода был канонизирован как священномученик протоиерей Илья Четверухин (1886–1932), последний настоятель храма перед его закрытием в 1929 году. Так у Никольского храма появились свои небесные ходатаи. Их образы помещены на правой стене храма.

Престольные праздники нашего храма в дни памяти святителя Николая – для меня личные праздники: ведь я ношу его имя, находясь под покровом его молитв.

Что я могу сказать о самом святом? По его молитвам всё в нашей жизни устраивается. Когда искренне обращаешься к нему, он помогает. Он всегда рядышком, если мы искренно переживаем и ведём себя достойно. Чудотворец заступает за нас в самых непредвиденных ситуациях.

Одна из наших прихожанок рассказывала, что в послевоенные годы в Третьяковской галерее проходила выставка картин, которые возвращались в Дрезденскую галерею. Попасть туда было невозможно, люди стояли в очереди целыми днями. И вдруг к ней обратился старичок, который позвал за собой. Он провёл её через кордоны, где у них не спросили ни билета, ни приглашения. Когда, подойдя к Сикстинской Мадонне, она обернулась, чтобы поблагодарить провожатого, его уже не было. Вот так, когда совсем не ждёшь, святой помогает.

Очень большой радостью стало для меня паломничество к месту его жизни – в Миры Ликийские и к его мощам, которые находятся в городе Бари.

А после жизнь сложилась так, что я стал настоятелем Никольского храма в Толмачах при Третьяковской галерее. По Промыслу Божию частица мощей святого была передана в наш храм

ПЕСНЬ СЛАВЯНСТВА

Генка БОГДАНОВА

Генка Богданова (Болгария) – родилась 22 июня 1950 г. Поэт, прозаик, переводчик. Главный редактор альманаха «Тракийская лира». Живёт в г. Ямбол.

Царица-ведьмица

*Розы головки склонили. Тени узоры скрестили.
Вот уже смолкли птицы. Только листам не спится.
Но потерти немного. Сна не проси у Бога.
Нежно тебя поцелую. Сказку припомню другую...*

То-то дочка у царя –
Что рассветная заря!
Но царевна хоть красива,
Да печальна, молчалива.
Не обманут зеркала,
Жаль, судьба к царевне зла...
Сиротой росла девица –
Рано умерла царица.
Царь поплакал, а затем –
О жене забыл совсем!
Зажил он, не зная грусти,
Время расточая впусте,
И о дочке позабыл –
Дряхлой няньке поручил.
Только ворон – старый, чёрный –
Друг царевне непритворный.
Так живёт она одна,
Словно кем полонена.
Да ещё мышонок серый
Правдой ей служил и верой.
Он царевне наперёд
Все известия несёт.
Он расскажет понемногу
Обо всех балах в чертогах,
О шиньонах, париках,
Украшениях, шелках,
О нарядах и мундирах,
Играх, танцах и турнирах...

Служ разнёсся по дворцу:
Снова царь идёт к венцу.
Что ж, задумал царь жениться –
Счастлив с новою царицей.
А царица хороша!
Но черна её душа.
Ух, она горда, надменна!
Пожелала непременно
Подношенье от царя.
Да, по правде говоря,
Уж такого запросила –
Повторить не хватит силы!..
У царя у самого
Сердце дочери его
Попросила без стыда!
Царь жене ответил: «Да».
Снаряжён палач к царевне,
Дан наказ ему: в трёхдневный
Срок царевну извести
И сердечко принести!
Царь царице, коли надо,
Жертвует родное чадо!
Но мышонок тут как тут:
Не прошло и двух минут –
Палача опережая,
Что послала ведьма злая,
Он царевне передал,
Что отец ей «завещал».
Нянька тут заголосила:
«Чтоб ей, ведьме, пусто было!..
Это чарами её
Покусились на дитё.
Изуверка!.. Сердцеедка!..
Убегай скорее, детка.
Ведьма хитрая, но всё ж
Ты спасение найдёшь.
Ведьму ты не бойся даже,
Ворон путь тебе укажет
К дому, где из года в год
Крёстная твоя живёт.
Расскажи ей, что случилось
Без утайки, сделай милость!
Поклонись ей до земли
Да о помощи моли».
В тот же день царевна тайно
В спешности необычайной
Собралась. И наконец
Свой покинула дворец.
Тяжело идти пешечком,
Бьётся бедное сердечко.
От темна и до темна
К дому крёстной шла она.
Стукнула едва в ворота,
Как из дома вышел кто-то.

Засветили огонёк,
И царевну на порог
Тут же крёстная заводит.
Уж и силы на исходе
У царевны в этот час,
Но о ведьме без прикрас
Крёстной всё же рассказала.
Та задумалась. Немало
Царь с царицей натворили.
Наказать их надо! Или...
Надо бы как в старину:
Объявить царю войну!
Войска нет – не в этом дело,
Ворожить она умела.
Но недолго шла война:
Царь пленён, его страна
Воевать уже не тщится,
А прекрасная царица
Враз исчезла в никуда,
Не оставив и следа.
Без царицы, без державы –
Так пришла к царю расправа.
Плачет царь и день, и ночь.
А во сне родную дочь
Видит и пред ней винится.
Безответная девица
Всё простила навсегда:
Кровь родная – не вода!
Сказка кончилась на этом
Не запретом, а заветом:
Кто не хочет помнить зла,
У того душа светла!

Перевела с болгарского Светлана ЗАМЛЕЛОВА.

ПРОЗА

Светлана НАУМОВА-
ЧЕРНЫШОВА

Из цикла «Анна: рассказы о матери»

Ванька с Манькой

– Мой руки и ешь. Ужин на столе, – говорит мать, лёжа на кровати ко мне спиной. На правую руку оперлась щекой, в левой держит перед собой книгу. Слова выговаривает отрывисто. Страницу перевернула резко и шумно.

Внутри всё сжимается от её отстранённой, чужой интонации. Так она ведёт себя со мной провинившейся. Но я не чувствую за собой никакой вины! Разве что... Сегодня в школе было родительское собрание, интуитивное ощущение связи с ним, но учительница хвалит меня.

Недоумение.

Пытаюсь заговорить с матерью ласково, осторожно, издалека – понять, откуда ветер дует. Стойкое молчание с её стороны. Неуютно. Ковыряю вилкой в тарелке. Аппетита нет. И вдруг – мать заплакала...

Мы живём в посёлке Мельчевка Дмитровского района. Я хожу в первый класс. Детей школьного возраста в посёлке мало, поэтому первоклашек учат совместно с третьеклассниками, а второй класс совмещён с четвёртым. Сначала учительница объясняет тему одной группе учеников, затем переходит к «параллельной». Я заворожённо внимаю всему, о чём вещается. Интересно! Задание успеваю выполнять тоже на двух фронтах.

– Кто мне скажет... – спрашивает Татьяна Ивановна.

Тяну изо всех сил руку.

– Тебе нельзя отвечать. Это вопрос для третьего класса.

Странно! Не понимаю! Ведь я знаю ответ! Тогда пойду домой. Сидеть без дела скучно.

– Ты куда? – останавливает меня Татьяна Ивановна.

– Всё сделала, пойду домой.

– Но урок ещё не окончен. Осталось 10 минут, надо досидеть до конца.

Не понимаю! И теперь, уже взрослая тётя, не понимаю – зачем!

...Мать плачет. Оказывается, на собрании зачитали вслух наши сочинения на тему: «Кого я люблю больше всех», или что-то в этом роде. Перед тем, как приступить к работе, учительница нам пояснила:

– Например, «Я люблю свою маму, свою бабушку за то, что она готовит мне обед, стирает, убирает» или «Люблю папу. Папа работает на станке, он хороший рабочий, его все уважают».

Дети в классе писали о мамах и бабушках, которые стирают и убирают, о папах, уважаемых на работе.

Светлана Евгеньевна Наумова-Чернышова – психолог, окончила Гуманитарную академию. Работает экскурсоводом в городском музее Лобни. Путешествует, пишет рассказы, статьи и сценарии праздничных мероприятий, ведёт концертные программы. Живёт в Лобне.

Я написала о том, что люблю свою двоюродную сестру Любу, которая летом в пионерском лагере ходила в кружок, где из разноцветных ниток научилась делать забавных куколок. Смастерила Ваньку с Манькой и подарила мне...

Мы переехали из посёлка в Дмитров. «Выбрались из захолустья». Купили в центре города крошечный старенький домишко с бабушкиной помощью. Во второй класс я пошла в новую школу. Училась хорошо, а самое главное – с удовольствием. Так мне это занятие нравилось – хлебом не корми! Учительницу начальных классов, Нину Ивановну, вспоминаю с теплотой и благодарностью. Столько от неё получила тогда – до сих пор пользуюсь! Матери присылали из школы благодарственные письма за воспитание дочери. Она радовалась и гордилась. Для меня это было самой большой наградой. Но. Нет-нет, да и вспомнит злополучных Ваньку с Манькой, упрекнёт...

В средних классах задали по литературе домашнее сочинение о самом дорогом человеке. Естественно, примой моего произведения стала мать. Я рассказала о её красоте. О том, какие у неё прекрасные, густые, белорусые волосы. Нелли Давыдовна поправила: «белокурые». Да, знаю, что «белокурые» правильно, но – неверно! Цвет волос у неё от природы русский, красится под блондинку, вот и получается – белорусые!

Я писала о красоте, о замечательном голосе моей мамы, о том, что она любит стихи Есенина и великолепно их декламирует. А какая она хорошая хозяйка! Последнее – спорный вопрос. Много чего написала, восхваляя свою мать.

Только... Я не написала: «Мама, обрати на меня внимание! Мама, мне катастрофически не хватает тебя! Мама, мне больно и страшно! Я чувствую себя одинокой. Мне не с кем поговорить. Мне холодно, мама!»

Чувства можно скрывать. Делать вид, что всё в порядке, главное, чтобы не узнали правду-истину одну... Скрывать. До поры, до времени. Пока не разорвёт... И – сколько бы не прошло этого самого времени, хранит память былые воспоминания, и ноют они как застарелые боевые раны в непогоду. Но – ничего-ничего... Хорошо, что память, хорошо, что ноет – живое!

С тогдашним периодом связаны две ассоциации. Первая – песня. Вернее, строки из песни о матери дельфинихе и дельфинёнке, попавшем под корабельный винт и погибшем. О том, как мать услышав стон, бросилась на волны, пересекая... А рано утром...

«рыбаки нашли на берегу,

мать-дельфин, а с нею дельфинёнка...»

Второй момент: в тогдашнем возрасте я начала мастерить из мулине всевозможных куколок. Внимательно слушая радиоспектакли и переживая за героев, крутила за кухонным столом из цветных ниток разнохарактерных человечков. Это были дедушки и бабушки, папы и мамы, мальчики и девочки, женихи и невесты. Каждый имел отдельную историю, особый характер, судьбу. Порой им было очень-очень нелегко, но они преодолевали трудности и обязательно находили своё счастье!

В коллекции видное место занимала озорная смешливая парочка – Ванька с Манькой. Хотя, какая коллекция? Игрушки не задерживались. Я их раздавала!

Лампа

В посёлке стали появляться первые многоэтажные новостройки-высочки, но в основном были частные дома и старые двухэтажные с паровым отоплением. Отапливались торфом, благо завод по его производству – главная достопримечательность здешнего края. Во дворах домов стояли сараи, где содержались чёрные продолговатые брикеты.

Подъезжал самосвал, вываливал из кузова огромную торфяную кучу, и начинали вёдрами перетаскивать её на недолговечное хранение. Помощь хозяевам частенько оказывали соседи. А как же! Люди помогали друг другу. Было принято. Ребятишки с радостью включались в общее дело, за что их потом угощали чем-нибудь вкусеньким.

Вот и сегодня детская орава активно участвовала в уборке. По несколько брикетов ухватывали и бегом в сарай. Шустренько, друженько: туда-сюда.

– Ну, хватит! Устали, ступайте по домам, – говорит хозяйка, доставая из кармана передника горсть карамели. – Ой, а перепачкались-то, батюшки! Достанется нам с вами от матерей. А ты чего не идёшь? – обращается тётя Валя ко мне.

– Да-а, мне ещё рано.

Утром я разбила лампу. Она стояла на подоконнике. Как так вышло? Только грохнулась лампа на пол, зазвенела, во все стороны разлетелись брызгами осколки. Я зажмурилась крепко-крепко. Внутри меня что-то оборвалось, заныло в животе, и уже потом больше не отпускало...

Мать работала в Дмитрове. Я всегда с нетерпением дожидалась её, подолгу проводя время на автобусной остановке. Но сегодня не пошла. Торфяная отсрочка оказалась к месту: страшилась возвращаться домой.

– Светка, тебя мать обыскала! – кричит соседский мальчишка Витька.

Полоснуло. Пора! Обречённо вздохнув, собираюсь восвояси. Дорогу, само собой, выбираю подлинней. Шаг – вперёд, два – назад. Выражение лица кислое. Думаю думаю, как дальше жить, как быть с лампой. Может, сделать вид, будто знать не знаю, ведать не ведаю ни о какой такой лампе? Или свалить на кошку Мурку? Лазала, мол, по окнам, зацепила, зараза. Или лучше больной сказаться? Ещё и пожалеют! Вслушиваюсь в себя: где болит? Ага... Кажется голова... И нога... Правая. Нет, левая! Глаз? Ухо? Мизинец!

Медленно отворяю входную дверь, бочком пробираюсь в коридор. Слышу звук мощно бьющейся струи о жестяную поверхность раковины. Осторожно приближаюсь к кухонному проёму. Затаив дыхание, заглядываю. Мать – спиной ко мне, лицом к раковине. Притаившись за дверью, ногтём колупаю зелёную краску на стене. Вода перестала шуметь. Тишину нарушил равномерный стук ножа о разделочную доску: тук-тук-тук. Как дятел стучит.

– Мамясегодняразбилалампу! – выпаливаю скороговоркой, собравшись с духом.

Мамина спина чуть напряглась, рука на мгновение замерла на весу.

– Во-первых, не лампу, а лампочку. И вазу. Сама не поранилась?

– Нет! – кричу радостно, влетая на кухню и бросаясь к матери.

– Ну и слава Богу. Аккуратней, видишь у меня нож в руке? – говорит мать нарочито сдержанно и немножко сурово, сдвинув брови. Но меня-то не проведёшь! Я вижу, что она не сердится! – Скоро обедать будем. Умывайся, – и снова: тук-тук-тук.

Эх, хорошо на свете жить!

– Мурочка! Мурёнышка! – в переизбытке чувств горячо прижимаю к себе нашу мягонькую, податливую, трёхцветную кошечку, позабыв, что совсем недавно хотела сделать из кошки козла. Отпущения! И, ещё не ведая о том, что Мурке вечером ох как горько придётся пожалеть о слизанном мороженом, таявшем на чайном блюдечке. Мне ведь можно только тёплое. Из-за частых ангин.

ПАМЯТЬ

Лариса НАЗАРЕНКО

Вечная память

Вовка

Майский весенний день выдался по-летнему тёплым.

Молодая поросль источает тонкий аромат свежести, который, мешаясь с запахом согретой солнцем земли, не вдыхается, а скорее пьётся, пьётся каким-то божественным нектарным напитком. И душа при этом разворачивается, растёт, единится с чем-то незримым, но явно желанным и до боли родным. И нет ничего слаще этого мига благодати – ощущения Вечности!

Я шагаю по полю одна, одна во всей Вселенной, под голубым небесным шатром и реву, реву в голос, как раненый зверь, как мать, потерявшая детёныша, как...

Хватит! Реву я оттого, что нет больше под этим голубым шатром моего единственного, верного друга. И не ощущаю он со мной благодати, не пьёт божественного напитка, не видит нашего с ним Ярила.

А ведь это он показал мне лесные, путаные тропинки, крутые песчаные берега реки Вори. Это он привёл меня в Радонежский Храм, в Абрамцево.

Это он пристрастил меня к деревенской бане с берёзовым веником, к походам за грибами по утренней росе. Он, и только он, ознакомил меня со всеми окрестными достопримечательностями. Рассказал о каждой могилке на «бугре» – кто в ней, что случилось...

Он, он, он...

Как колокольный поминальный звон.

Быть может, повторяюсь, ну и пусть!

Сквозит в строках моих немая грусть.

Я вечной памятью, пока жива, дышу –

Себе забыть его не разрешу...

Колесов Владимир Анатольевич

17.03 1952г. – 05.03.2005г.

Эти скупые сведения запечатлены на овальной металлической фотографии, прикреплённой к кресту небольшого могильного холма. Под ним покоится прах моего друга, соседа по даче, о котором пойдёт речь в этом небольшом повествовании, посвящённом его памяти. А что подвигло меня на его написание, станет ясным в дальнейшем.

Лариса Ивановна Назаренко – родилась в Москве, по специальности – экономист. Серьёзно увлеклась поэзией с 1995 г. Член поэтического клуба имени Н.К. Рериха при Литературном институте имени Горького, Творческого клуба «Московский Парнас», а также ЛИТО «Отрада», где ведёт общественную работу по наставничеству начинающих поэтов. Выпустила два сборника стихов: «Осень лет» и «Пока держу связующую нить...». Член Союза Писателей России.

Живёт в Москве.

Деревня Репихово расположена между двух станций Ярославского направления железной дороги – Радонеж и Абрамцево и тянется параллельно железнодорожному полотну. Днём в летнее время поездов практически не слышно. И лишь ближе к ночи, когда к низине реки спускаются туманы, или в тоскливые осенние дни, когда воздух становится плотнее, слышен перестук колёс быстро проходящего поезда. И в этом есть своя прелесть. Сама деревня красуется на высоком холме, который постепенно переходит в луг, а по лугу петляет неширокая, холоднющая и зимой, и летом, ключевая речка Воря. За лето она почти зарастает прибрежной травой, а в остальное время года виден её быстрый, непрерывающийся бег. Береговые заросли черёмухи навсегда облюбовали соловьи, и их весенние концерты проходят с привычно-надёжным успехом.

Надёжно кукуют кукушки, надёжно неспешно пасутся коровы и козы, надёжно стоят дома и колодцы... Как-то всё в деревне очень предсказуемо, неторопливо и надёжно.

И вместе с воздухом, напитанным в разное время года своим ароматом, царит необыкновенный покой и умиротворение. Именно так, болезненно-сладостно, я ощущаю деревню, будто сама, какими-то незримыми корнями, переплелась с ней ещё до появления на свет.

В этой самой деревне и родился мой друг Володька Колесов, в доме отцовской тётки-вековухи, которая пустила в свой дом молодую, быстро пополнившуюся двумя сыновьями, семью племянника.

Сама тётка когда-то прислуживала в имении Абрамцево у известного мецената Мамонтова то ли горничной, то ли поварихой. Была очень набожна. В углу её просторного дома помещалась икона с изображением Спасителя, Божьей Матери и Святителя Николая Чудотворца. Перед иконой возжигалась чудесная серебряная лампадка. Пока тётушка была в состоянии обслуживать себя и помогать по хозяйству, жизнь протекала своим чередом, как у всех: внуки, старший – Женька и младший – Вовка, ходили в детский сад, затем в школу. Их мать – Мария и отец – Анатолий, работали, сажали приусадебный огород. Короче, ничем особенным не выделялись. Правда, невестка оказалась довольно смыслёной – хорошо освоила бухгалтерское дело, но оно явно не пошло ей на пользу: как-то незаметно пристрастилась к спиртному, а мужу, что работал на красильном заводе, вообще выдавалась положенная за вредность алкогольная жидкость, что тоже сделало его изрядным выпивохой. К тому же, со времён войны он был болен туберкулёзом.

Возможно, со смертью строгой, набожной тётушки, порядок в доме дал пока не явную, но коварную трещину. Подрастали сыновья. Женька – красавец, хороший специалист электрик, но та же беда – пьянство. Женился, развёлся. Дочь в интернате. А у самого – ранняя болезнь лёгких... Не было и пятидесяти, как схоронили.

Вовка долго сопротивлялся такому образу жизни: окончил Хотьковский сельскохозяйственный техникум, отслужил в армии, поступил в Автодорожный институт, занимался спортом, играл в духовом оркестре. Но вот единственный пробел в жизни: не встретил ту единственную, о которой мечтают, которую берут в жёны. Институт окончил, да почему-то не повезло с работой по специальности. Работы не боялся никакой. Шёл туда, где хорошо платили, мать в этом только поддерживала. А для него она была неоспоримым авторитетом. Здоровье было отменным – спортсмен, не курящий. В саду, в огороде, по дому – главный работник: копать, сажать, колоть дрова, ремонтировать дом... Да мало ли дел в хозяйстве?

А время шло. Со своей холостяцкой жизнью Вовка смирился. Да и дел было невпроворот – некогда задумываться о личной неустроенности.

Свои сокровенные мечты он запрятал в самый отдалённый уголок сердца. Отрастил волосы по плечи, по деревне ходил в какой-то невзрачной казённой одежде, чуть не босиком, со всеми старыми и малыши заводил ни к чему не обязывающие разговоры, был весёлым, с виду вполне довольным своей жизнью. В общем, юродствовал. Мать возмущалась, а он только отшучивался. Более лёгкий и миролюбивый характер трудно себе представить. И этим пользовались все, кто каким-то образом с Вовкой сталкивался. Ни одни похороны не обходились без его помощи – расчистить место, выкопать могилу, помочь донести покойника и т.д. – это святое дело он исполнял ловко

и совершенно бескорыстно. Бабки в нём души не чаяли: кому воды принести, кому сук спилить, снег с крыши почистить, кому в магазине что-то прикупить, отказа никому не было. На всех его хватало, как солнышко – всем светит, греет и не убывает при этом.

Таким я его узнала, когда мы с мамой переехали в Репихово. Приехали мы туда поздно осенью, вернее перевезли мамины вещи, а поселились, как дачники, уже по весне.

Вовка как-то быстро прибился к нашей семье. Давал дельные советы по посадке огорода, показал, где можно добыть навоз, выписал нам дрова, качал для полива воду из своего колодца в бочки. Когда мы, мамины дочери, уезжали в Москву по делам, Вовка оставался для нашей мамы надёжным помощником. Мама так прониклась к нему, что без моего разрешения дала ему мой московский адрес и телефон. А что?.. Молодая вдова, почему не приударить?

Сестре некогда было заниматься хозяйством. Все хлопоты по переселению и посадкам легли на мои плечи – сын уже служил в армии, да и не служил бы, разве молодёжь будет заниматься такой ерундой? У них свои интересы. А мне нравилась дача – есть куда выбраться летом из душной городской квартиры.

И вот однажды, Вовка остриг в парикмахерской свои длинные патлы, надушился одеколоном, надел свой выходной вельветовый, вполне приличный, костюм, прихватил букет цветов и так, при полном жениховском параде заявился ко мне домой. Я растерялась, а отец мой, страж порядка, такой наглости потерпеть уж никак не мог! Не помню, как именно Вовке удалось найти подход к отцу, но отец на удивление быстро расположился к новому знакомому. А Вовка взялся сходу за обычные мужские дела – где-то что-то починить, подбить, подклеить. А уж каким он сделался внимательным собеседником, скорее слушателем длинной и полной приключений отцовской биографии, которую я не могла слушать за неимением времени. Оставалось дело только за мной...

Как-то, за год до описываемых событий, я вышла на балкон. Была полная луна и звёздное ночное небо. И так мне вдруг стало лихо и тоскливо, что я взмолилась: «Господи, как я устала, ну дай ты мне помощника, попутчика в этой жизни, неужели я совсем не заслуживаю хоть капли сочувствия!» И настолько, видимо, сильна была моя отчаянная просьба, что Господь услышал и внял ей, и послал помощника в виде того самого Вовки, о котором я и пытаюсь здесь рассказать.

Это ли не чудо? После долгого вдовьего одиночества у меня появляется такой верный и преданный друг!

Правда, одно я выпустила из виду в своей просьбе к Господу, чтобы мой попутчик не был пристрастен к спиртному, ну да поздно спохватилась – что осталось, то и осталось...

Есть такой тип людей, которым спиртное вообще противопоказано по натуре.

К такому типу принадлежал и Вовка. Когда к его неуёмной энергии добавлялось сорок градусов спиртного, он, не теряя физической трудоспособности, терял контроль над собой. И тогда шутил, гогоча над своей же шуткой, устраивал гонки на своём полуразвалившемся велосипеде с иномарками, нырял в ледяную реку с разбега, стоял на голове, ходил на руках – одним словом, это неутомимое веселье становилось настоящей пыткой для окружающих!.. И что интересно – наутро от этого беса не оставалось и следа. Он становился кротким, деловитым, уравновешенным, внимательным, услужливым до мелочей. Мне не надо было заботиться вечерами об ужине. Сбегать в магазин, вытрясти дорожки, вынести ведро с мусором – это вообще были любимые Вовкины занятия. Мы ходили в театр, на концерт, в бассейн, в лес – да куда угодно! В электричке или автобусе он не давал мне держаться за холодные поручни – подставлял свою руку, не давал нести ни одной сумки...

В деревне все жители знали, что я пишу стихи, Вовка мной подаренную книгу читал в магазине, во всех доступных дворах, потом без всякого зазрения совести выпрашивал цветы для автора, то есть для меня... Вся деревня знала обо мне всё: чем я занимаюсь, когда я приеду на дачу в следующий раз, что дома в Москве у меня идёт ремонт. Без цветов я ни разу не оставалась на даче – Вовка их приносил к каждому

моему приезду! И если у соседей не удалось выпросить, рвал полевые. Однажды я приехала на дачу после ночной смены. Дверь у нас никогда не закрывалась – кто-то всегда был возле дома: мама или сестра с ребёнком.

Почувствовала во сне такое благоухание, что невольно проснулась, а по обоим сторонам от меня цветы. Подумалось вначале – не в гробу ли я? Нет, это мой нежный друг украсил моё ложе!

Вовка вовсе не был простачком. На мои обоснованные и не очень нападки и грубости он вообще не реагировал. Я как-то незаметно, выпустив пар, успокаивалась, и поругаться мне с ним никогда серьёзно не удавалось. А самое удивительное, что Вовка всегда был рядом.

Деньги для него мало что значили. При его нищете, он был щедр. На последний рубль мог купить для меня шоколадку или мороженое. Бог дал ему крепкую физическую силу, поэтому он мог заработать как угодно и где угодно. Например, разгрузить в магазине машину с продуктами, вскопать кому-то землю, помочь в постройке дома... Работал он и на железной дороге, и заведующим гаражом, и автослесарем. В последнее время я и работать его пристроила рядом с собой, несмотря на то, что репутация моя от такого чудака-друга трещала по всем швам. Со временем у Вовки я научилась не обращать внимания на людскую молву – на каждый роток не накинуть платок! У него многому чему можно было поучиться. Ах, если бы не водка!..

Это зло ему передалось, видимо, по наследству. От него ни под каким видом он отказываться не собирался. Правда, бывали и длительные просветы. Тогда наступал настоящий праздник. Вовка был тих, покладист и лёгок на подъём. Мы с ним любили уходить далеко в лес, когда за грибами, когда просто полюбоваться природой. Он показал мне все местные достопримечательности: красивые крутые берега реки, родники, песчаный пляж. Показал бугор, местное кладбище, где упокоились позже и мои близкие – мать, отец, сын. Рассказал про каждую могилу. Да не один раз, а будто добивался, чтобы помнила всегда. Так оно и вышло: иду теперь одна без Вовки и повторяю пройденный когда-то с ним урок. А вообще у нас с Вовкой было много общего. Мы с удовольствием работали в огороде, не ленились сделать ремонт дома или на даче, любили просто идти по пыльной столбовой дороге, куда глаза глядят. Однажды нас догнала запряжённая в повозку лошадь, и мы попросились у возницы нас подвезти. Какое это было наслаждение! А лес вообще был нашим вторым домом...

Случалось, он надоедал своей пьяной болтовнёй, и я просила его: «Ну дай птиц послушать, шум ветра в листве, помолчи!» Он ненадолго смолкал, но потом снова принимался за своё.

На природе я напивалась впечатлениями, которые потом собирались в сборник стихов. Я чувствовала себя странницей, идя по дороге, русалкой, окунаясь в ледяной реке, растворяясь и летела ветром по открытому простору полей. Сколько раз гроза и ливень заставляли нас в пути, но мы ничего не боялись. Даже зимой – ни метель, ни мороз, не могли помешать нам в наших нескончаемых прогулках. По сей день я полна благодарности Вовке за подаренную мне возможность почувствовать в себе присутствие всех четырёх стихий!

Перед ним мне не надо было наряжаться. Обычно, приезжая на дачу, я одевалась просто, как все дачники. И он это одобрял такими словами: «Как мне нравится, когда ты вот такая – простенькая. Никто не знает, Ларинька, какая ты на самом деле, только я один, Махатма моя!»

Он знал и по особому уважительно относился к моему пристрастию – ночному звёздному небу с полной луной. И сам предлагал идти на высокий холм, где стояла лавочка и, как в обсерватории, было видно всё вокруг. Мы часто сидели там, беспечно болтая обо всём на свете, а заодно и наблюдая за падающими метеоритами. С Вовкой я вела себя совершенно естественно и просто.

А он не уставал признаваться мне в любви, чмокал при первом удобном случае то в щёку, то в голову, я же отмахивалась от него, как от назойливой мухи. Вовка сделал из меня идола для всей деревни. Многие смотрели на меня с нескрываемым любопытством, и я читала в глазах немой вопрос: «Что её с этим дурнем связывает?» А Вовка, знай себе, блажит гордо на всю деревню про свою любовь!

Многие, наверное, меня ненавидели тогда. А у меня не было другого выхода, как только не обращать внимания на всякие пересуды за спиной, главным для меня были наши чистые взаимоотношения. С Вовкой я чувствовала себя любимым избалованным ребёнком. Могла капризничать, дерзить, требовать... И он всё-всё с радостью принимал и исполнял, кроме одного...

Если ко мне в дом приходили гости, Вовка оживлялся от предчувствия щедрого застолья с выпивкой: накрывал на стол, чистил, мыл, нарезал, подавал, и всё это с такой лёгкостью, прибаутками, поцелуйчиками на ходу, что я только диву давалась его нескончаемой энергии.

Вовка вообще любил людей. О его доброжелательность злопыхатели просто ломали зубы. Я не помню, чтобы он мелочился, осуждал кого-то. В нём изначально было заложено так много положительного, христианского. Однажды он рассказал мне очень интересный сон, будто он находится на какой-то возвышенности, на самой её вершине, а к нему снизу тянется вереницей народ. И весь этот народ, по очереди, обращается к нему со своей просьбой. Он никому не отказывает – даёт и даёт из своих рук, уже устал давать, а очередь всё не кончается. На том сон и прервался. Этот сон настолько прозрачен...

Никогда он не жаловался ни на какие проблемы, болезни, не навязывал своё мнение, не хамил, не матерился. В транспорте ни за что не усидит перед женщиной или стариком. Если он брал в долг, то непременно возвращал, да ещё с лихвой. Я каким-то внутренним чутьём ощущала его высокую порядочность и прощала ему его пьяные выкрутасы, которые творила в нём известная тёмная сущность. Как могла, я пыталась вытащить его – устроила на работу, купила машину, отмаливала в Церкви – ничего не помогло. Может, я молилась без достаточного рвения, старания, раз моя молитва о нём не была услышана. Что теперь гадать!..

Последние десять лет мы были с ним только братом и сестрой. Я просто поставила ему ультиматум – я или бутылка, он, не комментируя, выбрал второе. За это время я пыталась устроить свою личную жизнь, но когда во время сватовства приехала по весне в деревню, поняла, что Вовку предать не смогу. Он провожал меня до станции, я ему рассказала о своих намерениях, а он всё твердил, как любит меня, что так любить больше никому не дано, но я вольна поступать так, как считаю нужным. Мы с ним прощались и у нас обоих по щекам катились слёзы, будто мы не властны были над происходящим. И я всё оставила без изменений, хотя на Вовку это не повлияло. Он только твердил, что будет любить меня всегда в любом качестве. Я же воспринимала его как нерадивого родственника, скорее, брата, от которого никуда не деться и которого придётся терпеть до конца своих дней.

А конец приближался и был уже не за горами...

Сделаю небольшое лирическое отступление, дабы убедить читателя в том, что просто так, случайных встреч в жизни не происходит. Пусть в подтверждение этого я приведу только увиденный мною сон... Старая Москва. Брусчаткой выложена мостовая, по которой я – юная девушка, в белых носочках, с косичками, в простеньком платьице иду за руку с Вовкой – молодым солдатом, в галифе, заправленных в кирзовые сапоги, и мирно о чём-то беседую. Проходим мимо красивого здания – Музея изобразительных искусств и я по высоким ступеням тащу туда за собой своего друга – Вовку. Рассматриваем картины. И уж больно одна мне приглянулась, о чём я и сообщая попутчику, мол, мне бы в доме такую иметь. Он, недолго думая, срывает картину со стены, крепко хватая меня за руку и бегом пускается вниз по лестнице из этого музея. За нами свист, погоня! Хотим перебежать на другую сторону улицы, но перед нами возникает длинный лошадиный обоз. Я перепугана, возмущаюсь неожиданной выходкой друга, говорю, что нас посадят за это в тюрьму, а между тем обоз всё идёт и идёт... На этом сон обрывается. Видимо, я проснулась от страха.

А вот другой сон. Вижу, будто Вовка ведёт меня в свой дом познакомить со своей матерью и просить её благословения на женитьбу. Дом стоит на том же месте, что и теперь, но имеет совершенно другое обличье. Это старинная, довольно крупная постройка, но очень ветхая, запущенная – дом разорившихся господ. Высокие, покосившиеся деревянные ворота, неприбранный двор, в доме полумрак – огромная, массивная

бронзовая или серебряная люстра свисает с высокого резного потолка. Как-то неуютно, холодно.

Нас встречает Вовкина мать: надменная статная старуха, под стать всей окружающей обстановке – в каком-то невзрачном сером наряде, но с таким высокомерием: мол, кто ты такая, чтобы я тебе позволила быть женой моего сына, мы хоть и обедневшие, но из знатного рода. Кто мы и кто ты? Как ты вообще посмела сюда прийти? Я чувствовала себя побитой собакой и на этом мой сон, слава Богу, оборвался.

При жизни Вовкина мама ко мне неплохо относилась, угощала вареньями, соленьями, пирогами. Но по характеру действительно была независимой горячкой. И в доме своём никакой снохи бы не потерпела. «Два медведя в одной берлоге не живут», – её коронная фраза.

Но никто и не собирался лезть в их берлогу.

Вовка тяжело перенёс смерть матери. Всё поднимал её после смерти и пытался усадить на стул, пока соседи не вызвали из психушки машину.

Мне пришлось и Вовку выручать оттуда, и денег дать на её похороны.

Помню: зима, мороз, Вовка растерянный – и могилу надо копать, и мать как-то собрать в последний путь, и горе душит, и денег нет...

Я дала денег, в деревне недорого можно схоронить. Когда мы уезжали с сестрой в Москву, Вовка встал посреди дороги на колени и давай мне кланяться в благодарности пред всем честным народом, так и кланялся, пока наша машина не скрылась за поворотом. До сих пор эта картина стоит у меня перед глазами. Деньги-то он мне потом вернул – заработал. Он вообще никому не остался должен, со всеми рассчитался.

Со смертью матери он запил сильнее. Один – сам себе хозяин. На работе, куда я его устроила, уволили за прогул по статье. Вовка очень сильно переживал. Ведь он работяга, с высшим образованием... Но свои переживания он тщательно скрывал. Только по порванной трудовой книжке я догадалась, что творится у него на сердце. Жил он тогда случайными заработками. Ну а помогать безвозмездно бабкам, соседям, в магазине, на похоронах – это само собой!

На помощи такой он и пропал. Зима в тот, две тысячи пятый год, была холодной и снежной. В деревне кто-то умер. Надо копать могилу. К кому, как не к Вовке, обратиться в первую очередь? Жгли старые резиновые покрышки, найденные при дороге, землю долбили ломом. Ясное дело – без внутриутробного подогрева долго не проработаешь! Схоронили. Утром похмелиться бы!.. Но раздобыв зелье, он, не доходя до дома, упал. Упал посреди деревни, рядом с магазином, по пути – баня, куда в субботний день идёт и идёт народ. Каждая собака знает Вовку. Мимо едет соседка на машине в баню – внучка везёт: «Ой, глянь, Вовка, кажись, сковырнулся, вот дурень, замёрзнет!» И мимо... Возвращается через час или полтора: «Ой, всё лежит, на другой бок только перевалился!» И опять мимо... А сколько людей прошло в магазин и обратно? Только к вечеру, уже полукоченевшего, его довели до дома, да так и бросили. А нужна была немедленная помощь – растереть, растолкать, дать что-то горячее! Нет, до Вовки никому никакого дела не было! Утром кто-то, видимо, из собутыльников обнаружил труп. Лицо было объедено крысами...

Пятого марта я хоронила своего родного дядю, его тоже звали Владимиром, а вечером мне позвонил сосед по даче и сообщил, что умер Вовка Колесов.

Утром я поехала в деревню, но, слава Богу, его уже увезли...

Соседи попрятались по домам, мне толком не у кого было и спросить.

Зашла я к соседке, которая ехала в баню. Вовка у неё всю зиму чистил от дома снег, воду таскал, печку затапливал, дрова носил. Она живо так, без зазрения совести мне поведала обо всём, что знала: как Вовку по дороге в баню увидела из окна машины, как его крысы... Всё как на духу рассказала! Но я поняла, что к советам взывать бесполезно. Надо было узнать теперь главное, когда будут похороны, и нужна ли помощь.

У Вовки была какая-то родственница. Она ещё при его жизни пыталась поселиться у него, но Вовка, как мать когда-то научила, пояснил ей про медведей и берлогу. Тем более что у этой родственницы была своя семья – трое детей и муж. Вовка такой неволи терпеть бы не смог.

Как я догадывалась, Вовкины родственники богатыми не были, а мне хотелось что-то сделать для друга, достойно проводить его в последний путь. Не буду описывать своё состояние... А дальнейшие события стали для меня настоящим испытанием на прочность, на выживание! Никто Вовку хоронить не собирался! Родственница въехала в дом прямо на следующий день после смерти Вовки со всем своим семейством.

Но про похороны – тишина! Я поехала в морг. Там мне подтвердили, что родственница приходила взять справку об умершем, чтобы в дальнейшем вступить в наследственные права. Но они были возмущены такой наглостью и циничностью, и справку до похорон давать отказались. Я спросила, могу ли я похоронить. А они мне: вы кто? Я – соседка, подруга. Нет, родственники отказа письменного не дали, нам неприятности не нужны. Я ходила по соседям, просила воздействовать на родственницу, но бесполезно...

В общем, я отпела Вовку заочно, купила крестик, отдала денег, чтобы его привели в порядок, и всё отпустила на волю Божию. И стала ждать, читая и читая по нему псалтырь... Не хочу вспоминать и поднимать всю муть со дна, только хочу сказать – это было мне испытание. Я осталась совсем одна. Вовка был единственным человеком, которому я была нужна. Да, я чувствовала свою вину, что не уберегла, не удержала его возле себя. Разве могла я подумать, что с Вовкой в деревне может что-то случиться? Это в городе он мог попасть в милицию, под машину... А в родной деревне? Дома и стены, как говорится, помогают. Нет, дело случая!

Незадолго до этого он приезжал ко мне в Москву. Это был день Святого Валентина. В ту, последнюю встречу мы как-то очень тепло с ним расстались. Будто предчувствовали – больше не свидимся.

Вовка, даже померев, умудрился отпраздновать свой день рожденья – семнадцатого марта – на Земле. Его похоронили за казённый счёт только девятнадцатого числа. Он пролежал в морге две недели. Наверное, там ждали, что у родственников проснётся совесть – не проснулась. Положили в глину в простом тёсаном гробу.

Мне сказали номер захоронения. Вовка, который копал могилы чуть не всей деревне, лежал теперь на чужбине, слезы по нему уронить некому было. Ноги не несли меня туда, на чужое кладбище, не могла я это видеть, может со временем...

Я возненавидела всех деревенских жителей, всё это равнодушное сонное царство! И решила хоть как-то реабилитировать друга. Написала статью о том, как всё случилось. Написала о том, что родители его были заслуженными фронтовиками. Каким был сам Вовка, как Человек, как Друг, как Сосед. И о равнодушии людей в наше мирное, сытое время. Много чего написала. И отвезла в местную их газету. Потом отправилась в Троицкую Лавру к преподобному Сергию, просила его о помощи, в чём – и сама толком не помню, тяжело мне было тогда. Только принял он молитву мою, услышал! Это можно назвать чудом – на статью откликнулся бывший Володин однокурсник, в настоящем – бизнесмен, сам разыскал меня, обо всём подробно расспросил и пообещал мне перезахоронить Володю на его родное кладбище – в Радонеже.

Господи, какое ещё нужно свидетельство, что Ты есть, что Ты слышишь нас, что Ты справедлив по отношению к обиженным и оскорблённым?

Я терпеливо ждала, иногда позванивая и напоминая об обещании. В свою очередь, я обязалась принять в этом деле прямое участие, ведь перезахоронение стоит немалых денег, не говоря уже о других хлопотах. И ровно через девять месяцев Володю привезли «домой»! Какой для меня это был незабываемый день. Всё шло, как по маслу. Мужа той самой родственницы друзья заставили найти место и выкопать могилу. Место нашлось на центральной аллее, как будто ждало его. Собрались друзья, довольно много, купили новый приличный гроб. Сразу и крест поставили, тут же и помянули. Моей благодарности не было конца. Я сказала главному организатору: «Многие грехи вам простятся за это благое дело». И это правда, иначе и быть не может!

Вот так закончилась история моего друга, Вовки Колесова. Теперь я хожу на свои родные могилы, которые у меня в одном месте, на бугре, на высоком берегу реки Пажа, возле древнего поселения Радонеж. Там стоит памятник преподобному Сергию, высеченный из серого гранита в виде старца, монаха.

Ему я несусь цветы и свой низкий поклон: «Святой Сергий, моли Бога о нас!»

На память Вовка оставил мне две дорогие для сердца вещи: это икону, что висела у них в доме и была им разобрана на части, так как он боялся, что её украдут. При этом Божью Матерь он оставил в углу, а Спасителя и Николая Чудотворца припрятал. А когда Божью Матерь у него всё-таки украли, он принёс мне в разобранном, очень плачевном состоянии, оставшиеся части триптиха. Я увезла их в Москву, договорилась с подругой о реставрации, купила недостающую икону Казанской Божьей Матери в антикварном магазине. После реставрации, икона ожила. Я поместила её дома, как положено, в восточном углу комнаты, затеплила лампадку, сочинила ей стихи, молилась перед ней. Жаль, Вовка не увидел её во всей красе!

Другой дар мы с ним вместе отыскали на чердаке его дома. Это была разорванная в нескольких местах хорошая копия картины Васнецова «Алёнушка». Я перенесла её к себе в дачный дом, скрепила разодранные места, смазала маслом, и она просто заиграла. Так до сих пор и висит там.

По поводу этих двух даров, у меня, после Вовкиной гибели, написались такие стихи:

*Ты «Алёнушку» мне оставил
Для того, чтоб грустила я?
А икону в углу поставил,
Чтоб молилась здесь за тебя?
Будь спокоен – молюсь и плачу,
Твой подарок всегда со мной:
Приезжаю ли я на дачу,
Возвращаюсь ли я домой...*

Подходит к концу моя печальная повесть о друге. Возможно, кто-то с осуждением скажет: «Нашла героя – пьяницу, было бы о ком писать!» Неблагодарность – страшная вещь. Неблагодарным людям вряд ли что-то можно объяснить. Бог им судья!

В деревне никто не осудил меня за написанную статью. И вообще тема о Вовке была закрыта. Я никогда ни с кем в деревне о нём не говорю. Мне кажется, им стыдно передо мной. Правда, соседка, что проехала мимо него в тот роковой день, часто горюет о нём, как о надёжном помощнике, добром малом.

Может мне только так кажется, но без Вовки деревня будто опустела. Я стараюсь не смотреть на его дом, он для меня стал совсем чужим. Вообще, я просто не могла себе представить, как приеду весной на дачу, никто меня не встретит, не притащит из колодца воды, не затопит печь...

Но мною было пережито и пострашнее этого – сын...

Заставила себя впервые приехать, впервые переночевать в пустом доме, впервые одна копала землю, сажала грядки. Впервые без Вовки пошла одна в лес, в дальний поход. Шла и редела в голос, благо просторы, раздолье – никто не слышит. Ничуть не боялась. Вовка будто присутствовал где-то рядом, охранял меня. Я чувствовала его буквально в каждом дуновении ветра, в ласковом прикосновении тёплых, весенних лучей. Мне было и больно, и благостно. Ледяная река Воря быстро привела меня в чувство. Без страха простудиться, перекрестившись, я трижды окунулась в её родниковый поток. И это было моим боевым крещением – с этих пор я смело ходила в лес, на кладбище, по изученным мною Вовкиным тропам.

Прошло несколько лет. Я по-прежнему одинока, даже ещё больше, потому что почти ни с кем не общаюсь. Но меня жизнь настолько закалила, что я всё принимаю, что посылает Господь, как испытание. Молюсь за недоброжелателей – жизнь сама расставит всё по своим местам.

Через два года после Вовкиной смерти его родственница, что въехала в его дом, погибла под колёсами автомобиля. Осталось трое детей, не совсем здоровых. Её похоронили в одной оградке с Вовкой.

Таков финал моей печальной повести о друге, о Вовке Колесове, о небольшом отрезке пути, который мне пришлось пройти с ним.

А жизнь продолжается. И как бы она не стегала до крови, не сгибалась в бараний рог, надо идти вперёд, не оглядываясь, и при этом оставаться, прежде всего, Человеком!

Ты был таким родным и близким,
А стал далёким и чужим.
Туда сменил свою прописку,
Где делать нечего живым.
Но я тебя повсюду чую –
В полях, на речке и в саду,
И в доме, где одна ночую,
Беседу мысленно веду.
И даже знаю, что ответишь,
Когда пожалуюсь в сердцах.
Лишь на могиле скупо встретишь
С печатью вечной на устах.

ПРОЗА

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью и многими другими правительств – венными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веки» (2011).

Живёт в Москве.

Судьба ко мне благоволила...

Герань

*Матери моей – колхознице военных лет –
Уваровой Анне Ивановне посвящается*

Моя мама любила герань,
Ею полнились наши оконца.
И в закат, и в рассветную рань
Те цветы добавляли нам солнца.

Целый день, от зари до зари,
Придавали всем силу и бодрость
Огневые цветы-снегири –
Неподдельная мамина гордость.

Даже в трудные годы войны,
Когда смерть над землёю витала,
Когда снились тревожные сны,
Та герань всё равно расцветала.

Кто б ни ехал и кто бы ни шёл
Мимо нашей избы деревянной –
Своим сердцем, своею душой
Прикасался к красе несказанной.

И надеждой светились глаза,
И сияли улыбками лица.
Слово тёплое маме сказав,
Люди шли вдохновенно трудиться.

И алела герань за стеклом,
Словно знамя грядущей победы,
И трудилось, и жило село,
Несмотря на невзгоды и беды.

Пронеслись, прошумели года,
Но никто и ничто не забыто:
В моей памяти живы всегда
Те оконца, геранью обвиты.

Цвет герани – подобье огня,
Нет прекрасней его в целом мире!
И сейчас он горит у меня
Постоянно в московской квартире.

Медаль

*Отцу моему – солдату, погибшему в 1941 году
под Москвой – Уварову Василию Михайловичу
посвящается*

Есть несколько медалей у меня,
Дала их Родина за сохраненье мира.
Они, как блики солнечного дня,
Блестят на лацкане военного мундира.

Я с гордостью ношу их на груди,
Но не для форса и служебного приличья,
А по велению и сердца и души,
И как свидетельства военного отличья.

В них – служба безупречная моя,
По городам и весям, поместилась:
Судьба армейская, с которой слился я,
Навек в медалях этих отразилась.

Но есть среди них заветная одна –
Дороже всех других она медалей.
Нетленной памятью наполнена она
О людях тех, с кем вместе воевали.

На ней – солдат с карающим мечом
Изображён над свастикой разбитой.
Он с девочкой, приникшей на плечо,
Встал в полный рост, для вечности отлитый.

Его немеркнущие ратные дела
Для всех людей земли святыми стали.
История их в списки занесла
На самые почётные скрижали.

Бессмертный образ воина, борца
Живёт в народе памятью былинной.
Я, например, в нём узнаю отца,
Другие – брата, мужа или сына...

Для всех он самый близкий и родной,
Его деяния повсюду ощутимы.
Страной не забывается Герой,
Отчизна и Герой – неразделимы.

А я, защитник Родины своей,
Ношу медаль лишь по такому праву,
Что сохранить обязан для людей
Солдатский подвиг, честь страны и славу.

Почётной и священной для меня
Является навек награда эта.
Она – частица Вечного огня,
Сосредоточие отцовского завета.

Судьба

Судьба ко мне благоволила:
Она не строгою была,
Она мне землю подарила
И небо с солнцем отдала.

Она дарила мне немало,
Подарков всех не перечеть,
И никогда не отнимала
От сердца Родину и Честь.

Ценнейшим из её подарков
Был для меня желанный труд,
А, как известно, сильно, ярко
С ним люди на земле живут.

Она любовь в меня вселила
Ко всем живущим на земле,
И часто в космос уносила
На фантастическом крыле.

Я не был обойдён друзьями,
Любили женщины меня:
Немало было между нами
Чувств и душевного огня.

Судьбы бесценные старанья
Хранили бережно меня
От многих бед и наказаний,
От наводнений и огня.

На все мои пути-дороги
Светила добрая звезда,
Преодолевал я все пороги
С душевной бодростью всегда.

За все её предназначенья,
За жизни светлую струю,
Всей силой своего сознания
Судьбу мою – благодарю!

Бродячее горе Рассказ

На ставропольских просторах, под защитой высоких гор, среди скал и деревьев приютились две деревеньки – Большая Красновка и Малая Красновка.

Утро только наступило, а на вершине холма – визг, смех, весёлая трескотня ребятишек. И только восьмилетней Настеньке с вымазанными в цветочной пыльце щёчками не до веселья. Она мечется от кустика к кусту в поисках котёнка, которого привела с собой. И вдруг застыла на месте – по тропе, ведущей к деревушке, поднимался мужчина.

Ей мерещится или правда – приложила руку ко лбу, прищурила карие глаза – и тут, издав ликующий вопль:

– Мой папа! Это мой папа! – она сломя голову бросилась бежать по склону.

Ветерок, нагретый солнцем, пропитанный запахом трав и цветов, пустился за ней вдогонку. Из-под ног катились камешки, а на русой головке дрожал, словно подсолнух, жёлтый бант.

Между деревьями уже можно было различить домик, где она жила, когда услышала смутный отдалённый плач – он нарастал, приближался. Вот и настезь распахнутые ворота. Запыхавшись, Настенька радостно кричит:

– Ма...ма. Дедушка... Папка наш приехал, – и ... застыла.

У ворот на топчане сидел её дед с палкой в руках и плакал. А из раскрытых окон – крики, вопли.

Напуганная девочка тут же юркнула в кусты. Через просвет листвы она видела, как в ворота входили женщины, мужчины.

Плачет, убивается мать Настеньки, с рассыпанными по плечам волосами. Ее худые руки то складываются в мольбе, то взлетают вверх и тут же обессилено падают.

Да. У неё горе. Как прожить ей без мужа все эти мёртвые годы. Додушили её все эти бесконечные горячие точки. Разум потеряла её судьба, раздурчилась.

А в кустах озадаченная Настенька. Она вот-вот заплачет – но не успела. Огромная птица вылетела неожиданно из-за кустов и резким криком своим заставила её выскочить из укрытия. С бьющимся сердцем проскочила девочка мимо людей, что небольшими группами стояли во дворе, вбежала в дом и бросилась в объятия матери.

Анжела Георгиевна Мкртычян – родилась в Тбилиси. Окончила филологический факультет Тбилисского института им. Пушкина. Долгое время жила и работала в Сибири. С 1991 г. живёт в Москве. В 2000 г. издала сборник сказок «Тайны королевского замка». В 2008 г. – сборник рассказов «Антикварная картошка». В 2012 г. – сборник рассказов «Ангелы из чёрного джипа». Член Союза писателей России, член клуба профессиональных писателей Москвы «Московитянка». Лауреат литературной премии им. А.П. Чехова. Живёт в Москве.

– Ма...ма... Мамочка. Почему ты плачешь? Папа приехал!
 Стало тихо-тихо. Все взоры устремились на девочку. Кто-то всхлипнул. Кто-то одиноко промолвил:

– Бедные-бедные дети.

– Не бедные мы! Мой папа совсем и не умер. Правда! Я видела его!

Мать, в смятении поцеловала её испачканные землёй руки и тихо спросила:

– Настенька, доченька моя. Ты это придумала, что видела папу?

– Нет, мамочка, не придумала.

– Так это правду ты сказала?

– Да, да, мамочка! Он поднимается по тропе, у него рюкзак за спиной.

И прежде чем присутствующие успели прийти в себя от слов девочки, мать резко вскочила и бросилась к двери.

За ней, мал-мала меньше, вытянувшись в ряд, подобно утятам, увязались ребята-тишки. Самая маленькая поскользнулась, упала на животик и, уткнувшись носом в порывшую от солнца траву, заливалась в плаче.

Мать не оглядывалась.

Едва поспевав за ней, тихонько всхлипывала Настенька.

А вот и извилистая тропка. С того места, где она стояла, далеко внизу зияло ущелье, и доносился гул стремительно несущегося потока. Взгляд её в поисках мужа спешил от куста к кусту, от дерева к дереву. Глянула она и вниз, где зелёным морем раскинулась и плескалась листва густых зарослей. Никого. А сердце уже выпрыгивало из груди.

Ни...ко...го... Никого...

И Настенька вроде как виновато оглядывалась по сторонам.

Крик обезумевшей от горя женщины прорезал тишину, полетел над горами, пропав в зияющей пропасти. И в тот же миг из-за деревьев вышел высокий в камуфляжной форме мужчина и торопливо повернул в их сторону.

Узнав его родное, всплывшее из «того мира» лицо, она захлебнулась в новом крике:

– Ва...ди...му...шка!..

И тут же бросились они друг другу в объятия. Обвив руками его шею и почти теряя сознание от счастья, она все твердила – ты жив! Действительно жив! Боженька, спасибо тебе!

В порыве благодарного счастья хотела броситься ему в ноги. Но он бережно удержал её.

– Так это правда?! Ты жив, жив!

И смеялась как сумасшедшая.

– Не плачь, родная. Это почта ошиблась. Убитый парень – из Большой Красновки, он мой однофамилец. И ребяташек у него трое.

Стоя в кольце его рук, приложив его ладонь к своей влажной щеке, она снова плакала навзрыд. Теперь уже от жалости к той женщине, беду которой она только что пережила как свою.

А в Малой Красновке родственники, узнав, что горе миновало их, на радостях соединяли во дворе столы, выносили стулья. Немного утомившись, выпили и за упокой души убитого парня.

Вечерело. Лучи солнца неохотно покидали двор. Возле костра, где на шампурах жаривались куски мяса, резвились в своих обновках ребята-тишки. И каждому входящему во двор они дружно сообщали:

– Наш папка приехал!

А ветер иногда доносил из Большой Красновки чей-то жалобный и протяжный плач.

Нечто удивительное

Новелла

На одном из берегов реки Селенги за раскидистыми деревьями притаились, аужаясь между собой, словно девушки в белых сарафанах, домишки, мазанки.

В одном из них жила баба Шура. Одинокая и несчастная. Жила у самого леса, где задиристый ветер безжалостно дёргал дверцу её калитки.

Кто думал? Кто знал? Что в тот летний воскресный день, когда по всему берегу перекатывались радужными волнами смех и визг детворы, налетевший из ниоткуда безумец-смерч протащит на середину озера лодку, где сидели её дети и внуки, и, шаманя над ними, с присвистом, извиваясь и кружась, умчит их в мрачную безвестность.

Так и осталась она одна в доме, словно в пустом бочонке. И как часто, истосковавшись по своим, она в дождливые дни, не выдерживая тоски, выбегала из дому и опалённым обручем подкатывалась в ту сторону двора, где за годы одиночества посадила и вырастила цветочные клумбы и где каждой из них дала имя своих внуков. Давая цветочкам напиток, она смешивала капли воды со слезами и, задыхаясь, выговаривала окружающей тишине:

– Вокруг меня всё цветёт, заливаются пичужки, а я, как засохший прошлогодний лист, застряла на цветущей ветке. Как же мне теперь быть?

Вот так и ползли, медленно, умершие для бабы Шуры дни, разбрасывая вокруг её глаз охапки морщин.

Вот и весна. Вот и солнце ластится ко всем. Не забыло коснуться и синих глаз бабы Шуры, оттаивая примерзшую в них тоску и печаль.

Как-то воскресным днём, когда первый лучик предрасветного утра едва успел поприветствовать на перепутье дорог уходящую ночь, баба Шура вышла из дому и пошла в сторону электрички, стремясь попасть в монастырь на воскресную службу.

Шла по городу медленно, никого не примечая, и только глядела себе под ноги. Седые волосы заплетены в косу, чёрная длинная юбка, застёгнутая на все пуговицы – белая сорочка. Только собралась обойти припаркованный автомобиль, который вылез чуть ли не на середину тротуара, как из раскрытого окошечка детский голосок, такой тёплый, будоражаще знакомый. Он ворвался в её душу, эхом отозвался в её памяти из дальней дали прошедших лет, золотя всё вокруг.

– Ты моя бабушка? Ты меня ищешь?

Тут дверца автомобиля медленно приоткрылась, и девочка лет четырёх, чьи каштановые кудри были украшены божьими коровками, корабликами, сердечками, бросилась ей на грудь. Тоненькими ручками обхватила её за шею, устраиваясь удобно, в её руках. В какой-то миг баба Шура потеряла ясность суждения. Случившееся горе с её семьёй в эти минуты ею воспринималось как ночной сон, а обнимающая девочка – как внучка. Она! Это её внучка! Её кровинушка! Стало быть, предчувствуя беду, она не пустила её на речку. И крепко-крепко притянула девочку к своей груди. «Твоя, твоя я бабушка».

Всё вокруг ожило, ширилось. Её страдавшая душа наполнилась помыслами, намерениями, разгоняя застывшую в горечи кровь.

Неожиданно девочка выбралась из рук бабы Шуры и с криком «Папа, папочка!» бросилась бежать в сторону киоска, где отец собирался купить сигареты. Высокий молодой человек в смокинге, на воротник падали каштановые пряди волос, подхватил девочку и, держа высоко над головой, пошёл в сторону автомобиля.

Протяжно, глубоко вздохнула баба Шура. И осталась стоять бледная, растерянная, прислонясь к автомобилю.

Ах, я, старая дуреха! Мне ли обманываться. Поверила надежде-обманщице. Я... как... я, но я... – Всё закружилось вокруг неё, и она, оседая, растянулась на земле.

Тем временем девочка взволнованно объяснялась с отцом.

– Папа, наша бабушка приехала.

– Не фантазируй, Арина. Мы тебе не раз говорили, что твоя бабушка уехала в Америку и не собирается приезжать.

– Папа, ты что? Приехала бабушка наша. Приехала. Она стоит возле нашей машины. – Отпустив отцовскую руку, она побежала.

Найдя бабу Шуру на земле, закатила такой рёв, что собралась толпа. Отец приводил в чувство женщину, брызгая ей в лицо воду из бутылочки, а Арина, всхлипывая, упрашивала:

– Не умирай, бабушка! Пожалуйста, не умирай! Папа, папа! Я хочу бабушку!

Очнулась баба Шура в салоне лимузина на заднем сидении. Молодой человек со строгим лицом стоял снаружи и спрашивал в приоткрытую дверцу:

– Вам лучше? Это хорошо. – Хмурясь, со скрытой горечью подумал: «А виновата во всём моя жена. Не ужилась с моей матерью».

– Я рада, бабушка, рада, что ты приехала! Я каждый день с папой буду приходить к тебе в гости. Правда, папа?

И при виде Арины, обнимающей чужую бабушку, отец о чём-то задумался, а затем промолвил:

– Правда, доченька. Довезём мы её до дома. Ты должна знать, где живёт наша бабушка.

Приметив на носу у бабушки две слезинки, он поспешно добавил:

– Разве я сказал что-то не так?! Вы плачете?

Баба Шура молчала, боясь спугнуть то удивительное, что случилось с ней.

ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Йорданка ГОСПОДИНОВА

Йорданка Теофилова-Господинова (Болгария) – родилась в г. Авсеновград. Член клуба Пловдивских писателей и поэтов. Автор трёх стихотворных сборников. Активная участница и победительница поэтических конкурсов. Врач по профессии.

Живёт в г. Пловдив.

Южанка

Цыганское лето

Позднее солнце минувшего дня.
Это бывает у каждого, с каждым.
Знойное лето позвало меня
гроздьями дней перезревших однажды.

Площадь цыганский ковёр распахнув,
все обозначила действия в деталях.
Ты закричал: «Без тебя не усну!..»
Песней озвучил зовущие дали.

Давним преданьем аукнулась даль.
Будто бы сна поволока упала.
Это в зрачках отразилась печаль,
ночь расставаньем во тьме зарыдала.

«Я тебе снился?» – Ну что за вопрос.
Я за твоею мечтою шагала,
в тёмную полночь звезде доверяла,
дождик смывал мои капельки слёз...

Солнце уходит, а табор – идёт.
Двигается время к закату, к закату.
Сердце минувшим, далёким живёт,
сердце хранит то, что было когда-то.

Между небом и землёй

Горизонт. Земля и небо.
Разорвало громом тишину.
Свет надежды – был и не был...
Я же знаю – в речке не тонуть.

Как же долго я плутала, –
не всегда довольная собой –
шла, терпела. Стынь терзала...
Защитил и помог Ангел мой.

И метался злобно дьявол –
холодны усмешка и рука.
Он же видел, видел явно:
жизнь моя – что чистая река.

Посылал огонь. И пламя
прожигало каждый шаг пути.
Пересохшими устами
я молила: «Ангел, защити»...

Победила!.. Надо верить:
в день, когда беда над головой,
из ЛЮБВИ рождается ВЕРА,
а молитва – послана судьбой.

Здесь мои земля и небо,
Ангел мой хранит и быт, и кров.
С ВЕРОЙ и НАДЕЖДОЮ – ЛЮБОВЬ.
Речка жизни боль уносит в небыль.

Ветер и зарница

Я людской глазастостью ошпарена –
мне от боли впору закричать.
Как же мне с тобою разговаривать? –
закрываешь ставни по ночам.

Я лечу израненною птицею,
а кругом – ночная тишина.
Ты – мой ветер! Я – твоей зарницею
быть по этой жизни суждена.

Я лечу к тебе! И что огласка мне,
если слёзы счастья на щеке?..
От любви не спрятаться, мой ласковый,
за тяжёлой дверью на замке.

Вопреки

Когда нет никакого понимания,
чего искать измученной душе?
Нет верности, зачёркнуты желания,
мы вместе шли к разлучнице-меже.

Бывало, что скандалили. Всё – искренне.
Была любовь? Была ли я права,
когда все доверяла тайны истово
и в ласках забывалась без стыда?

Делила страсть, зажгла в тебе желание.
Огонь страстей – безумия цена.
И ты не верь, что это – наказание:
была одна особа влюблена.

Южанка

С прадедовских времён несу в себе я
поверия минувших древних лет.
Язык любви моей всех слов мудрее,
он как вино... Лозы заманчив цвет.

Напиток светел... Вольно иль неволью
блестят твои желанием глаза.
Давай нальём. Давай себе позволим...
Тела обнимет пьяная лоза.

Увлёкшись, друг мой, разом не упейся.
И будь разумно вежлив и учти:
цветут глаза мои, как эдельвейсы,
попынь моя осенняя горчит.

Перевёл с болгарского Алексей СЕЛИЧКИН.

Алексей Прокофьевич Селичкин – родился 15 января 1952 г. в д. Мурачёвке Калужской области. Окончил с отличием ГПТУ-44, Копейский горный техникум. Работал на первых атомных реакторах. Работал инженером на объектах Минатомэнерго и Минобороны. Участвовал в работе литературного клуба «Светунец» при Челябинской писательской организации. Учился в Литературном институте. Автор шести поэтических сборников. Член Союза писателей-переводчиков.

Живёт в Калуге.

Прозрение

Как быстро в этом году свершилось самое священное из священных таинств природы. Буквально за несколько дней, практически из ничего, благодаря небывалому теплу, возникла новая жизнь. Из мизерных почек проклюнулись малюсенькие листочки, и весь лес, сначала осторожничая, запушился нежно-салатной зеленью, а потом как «рванул» во всю свою зелёную мочь... и в результате весь процесс обновления, который обычно растягивается на несколько недель, произошёл за каких-то три дня.

И вот теперь не поймёшь, то ли весна, то ли лето на дворе. Яблони, вишни в садах, черемуха в оврагах – всё успело расцвести, да уж и отцветает. А вот сирень и одуванчики ещё буйствуют вовсю кругом.

– Какая гармония в природе, и какой диссонанс в душе. Откуда это безотчётное волнение, откуда эта щемящая тревога в груди? Почему, почему мне опять так плохо? Ведь должно же быть хорошо! Вот опять я брожу, как неприкаянная, от куста к кусту, от куста к кусту, а могло бы, вероятно, быть по-другому, – думала она наклоняясь за ландышем, вдыхая его нежный аромат, любуясь его чистой девичьей невинностью, – да, могло бы быть по-другому, но к сожалению, не всё зависит только от нас. Да. Да. Это мне наглядно показал Сергей. Он преподавал мне урок на всю жизнь. Он. Он самый. Больно ещё вспоминать об этом. Но надо, надо вспомнить. Может быть, повторно пройдя через боль, получу облегчение. Да. Ну, так с чего всё началось? Помню, тот год был тоже богат на ландыши. В лесу от их благоухания у нас с Диной кружились головы. Вот, вот. С Динки-то всё и началось. С ландышей и с Дины. С тебя, с тебя, роднулина моя ненаглядная, – она ласково потрепала по загривку очаровательное пушистое существо белого цвета с чёрными стоячими ушами и с кокетливой «бабочкой» из чёрной шерсти поперёк белой спины, преданно семенящее рядом, – помнишь, кого ты в первый раз, да, пожалуй, в первый раз, по-серьёзному облаяла? Он бежал по тропинке. А мы с тобой нос в нос (я – на коленях) нюхали ландыши. Как ты взвилась, помнишь? Тявкнула ещё по-щенячьи, и чуть не вцепилась ему в пятку. Помнишь? Я испугалась. Не за него, а за тебя. Разные ведь люди бывают. Кто любит животных, кто – нет. А вдруг ударит? Но он очень мило с тобой побеседовал, сумел-таки тебя расположить к себе, и через несколько минут ты уже весело и доверчиво размахивала перед ним хвостом, помнишь?

Алла Александровна Синьковская – живёт в Подмосковье.

Он ведь тебе тоже сразу вскружил голову? Ну, признайся, вскружил?» – она ласково заглянула в умные собачьи глаза.

Да, так отменно всё начиналось: весна, радость, любовь...

Сергей как раз в то время решил заняться земледелием. На опушке леса, среди прочих огородных любителей он «застолбил» участок и начал осваивать его. Вот туда-то он и бегал по лесной тропинке в свободные дни по утрам.

Спустя некоторое время после их знакомства и она была посвящена в земледельцы. Раньше она как-то не замечала за собой особой тяги к земле. Но чего не сделаешь ради любимого человека и вместе с любимым человеком. И она вместе с Сергеем вскапывала землю, делала грядки. А потом они вместе построили избушку, чтоб было хоть где спрятаться от дождя, самую что ни на есть простую, из деревянных досок и фанерных планок. Она при строительстве, естественно, была в роли подмастерья – принеси, унеси, подай, поддержи, не путайся под ногами. Ей было так хорошо и весело, что она иногда хохотала просто до упада. Сергей, глядя на неё, веселился тоже. И Дина, вторя им, заливалась громким лаем. Что за лето прожили они втроём у Сергея на «даче»? Эта избушка, с любовью построенная и обихоженная ими обоими, стала для неё чуть ли не дворцом, вернее, храмом, храмом любви. И так было хорошо и отрадно у неё на душе, словно, они уже жили общей семейной жизнью. Она знала всех соседей по участку. Общалась с ними с удовольствием. Все они считали их с Сергеем женихом и невестой. Некоторые даже интересовались, когда свадьба. Сергей же не спешил, словно растягивая удовольствие досемейной жизни. Он даже шутил: «Вроде бы, женат, и все же холост».

Она не давила, ждала. Конечно, её удивляло, почему они встречаются только здесь, на участке, можно сказать, тайком. Ведь она же любит его, и он очень ласков и нежен с ней. Ей казалось, что они созданы друг для друга, и она рассчитывала со временем стать неотторжимой частичкой его самого. Поэтому она не тормозила Сергея расспросами. Желание мужчины – закон. Если он так хочет, значит так надо. И нечего своими вопросами и требованиями досаждать ему. Насилие в любом случае не приведёт ни к чему хорошему. И она принимала всё как есть. Лишь бы только он иногда назначал ей свидания. По первому его зову, она устремлялась через весь лес в их избушку. Так было и зимой. Вместе ходили на лыжах. В избушке отогревались – оборудовали в ней печурку-временку. Она радовалась каждой их новой встрече, как будто первой, и огорчалась при расставании, будто эта встреча была последней.

И вот наступил день, когда Сергей впервые не пришёл на свидание. Назначил. И не пришёл. Это было зимой, ближе к весне, где-то в конце февраля. Стояла страшная распутица. Серая безысходная хмарь сгустилась над лесом. Ноги проваливались в мокром осевшем снегу. Но она всё-таки добралась до избушки, предчувствуя, что вот сейчас, скоро, наконец-то ступит на сухой надёжный пол, напьётся теплого чая – Сергей притащил откуда-то самый настоящий самовар, и они кипятят воду для чая по-старинке, в самоваре – это ли не романтика – раздувать огонь сапогом!? Но дверь избушки оказалась запертой. И никаких следов поблизости не было. Она прождала у избушки весь день. Напрасно. Уже в сумерках, дрожа от холода и от каждого шороха за каждым кустом, через весь лес побежала домой вместе со своей тоже продрогшей хвостатой спутницей – Диной.

Около месяца Сергей не звонил ей ни на работу, ни домой, не искал встречи с ней. Всё это время она регулярно бегала к их избушке. Он там не появлялся. Что случилось с ним, оставалось для неё загадкой. Эта неизвестность выматывала ей душу. Она сама не своя от горя, не знала, что и подумать. Никого и ничего не замечая, она теперь курсировала только по одному маршруту – от перекрёстка, что у шести сросшихся берёз, через весь лес до избушки и обратно. Ей даже уже не было страшно. Шуршало что-то за кустами, хрустело – да ей-то было что? Какое-то странное оцепенение охватило всю её душу, прорвать его не могли ни шорохи, ни хрусты за кустами. Ей всё было нипочем, даже встретиться она сейчас с самим серым волком. Но...

– А! АА! ААА! – как-то испорол воскресные сгущающиеся сумерки душе-раздирающий вопль, пронзительной освежающей струёй всколыхнув лесные

окрестности. – Кто кричит, где кричит? – А! А! А! – да это же кричит она сама, потому что навстречу ей мчится самый настоящий матерый серый зверюга. Вынырнув откуда-то из-за куста, в два прыжка, разбрызгав мощными лапами квёлый снег, притормозил перед нею.

– А! А! А! – ещё истошнее закричала она.

Дина, то ли от её крика, то ли тоже от страха перед зверюгой поджала хвост и, пятясь, пятясь, пятясь назад, старалась спрятаться за хозяйку.

– Он не укусит, он не укусит, не бойтесь! – мужчина лет пятидесяти пяти с деревянным красиво отточенным посохом в одной руке и миниатюрной книжицей в другой, спешил к ней на выручку.

– Дик, прекрати. Разве можно так пугать женщин!? Он, наверное, решил покуражиться перед вашей собачкой – ведь она дама? – голос мягкий, нежный, какой-то обволакивающий. Глаза огромные, тёмные, ласковые, лицо круглое, мягкое, доброе – очень похож на Сергея Бондарчука или Пьера Безухова в бондарчуковском исполнении.

– Вообще-то, он очень добрый пёс.

– А зачем Вам такая палка? Вы всё-таки иногда охаживаете его ею?

– Нет, что Вы!? Я и мухи-то не могу обидеть. А палочка? Хороша палочка?

– Да.

– Эту палочку я выстругал сам для того, чтобы легче ходить было по лесу, опираясь на неё. Особенно сейчас. Снег-то, сами видите, какой. Чуть в сторону от дорожки и так провалишься, что без посторонней помощи и не выберешься. Но всё равно хорошо, ведь, правда, в лесу? Чувствуется приближение глобальных весенних событий. Вы заметили, травка вон уже выбивается из-под снега на проталинах под берёзами? А воздух?! Воздух?! Пей – не хочу!

Она огляделась по сторонам. Да, природа уже оживает. И как это до сих пор она не заметила? Весь этот месяц ходила словно слепоглухонемая. А сейчас вон слышно и птички начирикивают.

– Какая милая книжица, маленькая, аккуратная, – сказала она, чтоб поддержать разговор. Не хотелось показаться невежливой.

– А? Да вот подарили мне коллеги на юбилей собрание сочинений графа Льва Николаевича Толстого. Все томики точно такого формата. Шрифт мелковат, конечно, особенно, для старческих глаз, но зато удобно. Взял с собой, можно даже положить в карман, и перечитывать.

– Любите классику?

– Каюсь, грешен в этом.

– Странно, мужчины обычно предпочитают детективы или военную тематику.

– Не знаю, я считаю, чтение детективов потерянным временем. А классика – это сама жизнь. Взять хотя бы «Войну и мир». Этот роман до сих пор актуален. Человек ведь меняется мало, ну, то есть его чувства, его психология со временем почти не меняются совсем. Я часто перечитываю и наших, и зарубежных классиков и каждый раз как будто попадаю в дом родной, каждый раз нахожу в их произведениях созвучие своим мыслям, желаниям, чувствам... Вот, например, сейчас, сейчас открою, я читаю: *«Весна, и любовь, и счастье! – как будто говорит этот дуб. – И как не надоест вам всё один и тот же бессмысленный глупый обман. Всё одно и то же, и всё обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья...»*

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, – думал князь Андрей, – пускай другие, молодые вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, – наша жизнь кончена!».

Целый новый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея.

Во время этого путешествия он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришёл к тому же прежнему, успокоительному и безнадежному заключению, что он должен дожить свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая».

– Ну, что Вы скажете? Кто из нас не обдумывал заново свою жизнь и не приходил к таким вот успокоительным и безнадежным выводам, как князь Андрей? Я не знаю, с чем это связано, но переосмысливать свою жизнь тянет именно весной,

может быть, потому что весной происходит обновление природы, новый виток в развитии всего живого? Не знаю. Но вот «Войну и мир» я перечитываю обычно весной, Чехова, Пушкина хочется читать осенью под аккомпанемент осенней лёгкой грусти, Достоевского – пыльным знойным летом...

– Интересно, интересно, – она во все глаза глядела на незнакомца.

Мысли о Сергее ушли куда-то вглубь, затаились где-то на самом дне черепной коробки, сжавшись в запасной комок. Всё её внимание было поглощено незнакомцем. За несколько минут он загипнотизировал её полностью. Ей казалось, что этот незнакомый мужчина был знаком ей с незапамятных времен, словно бы с самого её рождения.

Они больше не говорили ни о чем. Молча дошли до перекрёстка, и распрощались.

Всю неделю она находилась под впечатлением этой встречи. Её душа словно бы, отогревалась в тёплой ауре, перешедшей на неё с незнакомца. Его гипноз всё ещё продолжал действовать.

Два последующих выходных она провела в лесу в одиночестве, только лишь со своей «дворяночкой». Ни Сергея, ни незнакомца не было.

Постепенно светлые воспоминания о незнакомце померкли в её памяти, и со дна её черепной коробки поднялся тот самый запасной комок мыслей, мыслей о Сергее. Она снова начала ломать голову над внезапным его исчезновением. Куда же он делся, на самом деле? Болен или как?

На этот раз в лесу серый пёс опять внезапно выбежал наперерез ей и её собачке, снова напугав их до полусмерти. А за псом появился и он, незнакомец со своим добрым бондарчуковским лицом, со своими добрыми бондарчуковскими глазами и со своим волшебным берендеевским посохом в руках.

Она обрадовалась ему, как родному, но виду не показала.

– Что-то Вы сегодня не читаете, – сказала она вместо приветствия, не видя в его руках книги.

– Да как-то засуетился при выходе, Дик рвался сюда, словно чуял, что увидит вас сегодня.

Она улынулась в ответ – ей был очень приятен этот косвенный его комплимент – но промолчала.

– Весна уже, – продолжал он без особого воодушевления, – надо бы радоваться, а никак не получается: то одно, то другое приключается, да к тому же то тут кольнёт, то там – старость, знаете ли, не младость.

– Ну, что Вы?! К Вам это не относится!

– Спасибо, спасибо, Вы очень любезны, но... Да что говорить, лучше пройдемся немного.

И они пошли, аккуратно выбирая местечки посуше, молча, словно бы сосредоточившись только на дороге. Говорить не хотелось. И так было всё ясно. Она знала, что он, если и скажет, то скажет именно то, что она сама чувствует, сама знает, и сама может сказать. Это не раздражало её, наоборот, успокаивало. Опять она на время забыла о Сергее, вернее, не о нем забыла, а о проблемах, связанных с ним, забыла. У неё было такое ощущение, что всё будет хорошо. Она снова поддалась гипнозу.

Добрый взгляд огромных, тихих, мягких бондарчуковских глаз, полный сочувствия и понимания иногда тихо, без особого нажима, проникал в её глаза и каким-то умиротворяющим теплом обволакивал её душу.

– Ну, до следующего свидания, – сказал он, протягивая на прощание ей руку.

– До следующего, – ответила, потупившись, она.

Это следующее свидание состоялось ровно через месяц, когда уже всю по всему лесу среди глянцевиной зелени гонялись друг за другом солнечные зайчики.

Он был грустен необычайно.

Она читала, сидя на пенёчке, Дейла Карнеги «Искусство быть собой».

– Вот, – показала она ему название книги, – Вы перечитываете Толстого, а я учусь у американцев.

– Ну и что? Главное, чтобы помогало жить.

– Да, я теперь изо всех «лимонов» по совету Карнеги постараюсь приготовить «лимонад». И... Да мало ли чего я натворю после этой брошюры.

– Нет. Нет. Вы поосторожней. Всё хорошо в меру, а пока суть да дело, пока Вы не занялись производством «лимолада», может быть, пройдёмся чуть-чуть?

– Да, конечно, пройдёмся. Тем более, что моя «дама» засиделась совсем вместе со мной.

И они опять пошли. Собаки бежали впереди бок о бок, а они шли сзади, на почтительном расстоянии друг от друга, но связанные между собой каким-то внутренним унисонным настроением, безграничным молчанием.

Он улыбался ей, она улыбалась ему. Просто так, без всяких «задних» (во всяком случае, ей так показалось) мыслей, просто потому, что им было хорошо вдвоём. Вот просто хорошо и всё. Бывает же такое! Они ведь совершенно не знали друг друга. И, что удивительнее всего, им и не хотелось друг друга узнавать. И ничего им было друг от друга не надо, только вот так, изредка увидиться в лесу, перемолвиться парой фраз, улыбнуться друг другу, и, молча, как теперь, пройти рядом по тропинке. Они шли и шли, а время, как будто остановилось на какой-то высокой завораживающей ноте. Каждая минута обрела какую-то необъяснимую значимость на грани пророчества, словно кто-то незримый пытался вселить в неё уверенность в благополучном исходе событий: «Не зря же ведь всё в этой жизни совершается! – в каком-то возвышенном экстазе думала она, – вот и с Сергеем познакомилась я не зря и влюбилась в него не зря – всё это во что-то да выльется. А его внезапное исчезновение? Это так, просто так. С кем не бывает? Он объявится, объявится, непременно объявится, всё объяснит, и жизнь потечёт по-прежнему».

– Ну, до свидания, – внезапно спустил её с заоблачных высот хозяин Дика.

Она и не заметила, как они уже развернулись и пришли к начальной точке своего путешествия.

– До свидания, – как-то рассеяно отозвалась она.

Подали на прощание друг другу руки.

Собаки расцеловались, то есть Дик своим большущим мокрым языком лизнул Дину в носик.

– Да, до свидания, – снова повторил он, – а дуб-то зазеленел.

– Какой дуб? – удивленно вскинула брови она.

– Да помните, я Вам зачитывал из «Войны и мира»?

– А?! Ну и хорошо! Значит, всё отлично будет и у Вас и у меня, – загадочно улыбаясь, ответила она.

– Да? Вы уверены в этом? – испытующе-настороженно заглядывая в её глаза, спросил он.

Она утвердительно кивнула.

Всю дорогу домой она неслась, как на крыльях, и только успела переступить порог, как услышала телефонный звонок – пулей подлетела к телефону, схватила телефонную трубку. Это был Сергей.

– Милая, любимая, ненаглядная, соскучился, соскучился, соскучился! Прости, что долго не звонил. Только что вернулся из командировки. Летали чёрт-те куда. Очень хочу тебя видеть. В следующие выходные жду тебя на прежнем месте.

Какая женщина не растает от таких слов, тем более, после долгого ожидания.

Еле дождавшись выходных, она со своей собачкой помчалась к избушке. А на перекрестке их уже ждал Дик с хозяином.

– Извините, извините, извините, – радостной скороговоркой приветствовала их она, – придётся вам сегодня погулять вдвоём, мы спешим, спешим, спешим по делам особой важности, пока! – даже не останавливаясь, проворковала она и ещё прибавила ходу, успев, правда, заметить растеряно-расстроенное бондарчуковское лицо и какую-то извиняющуюся его улыбку. Она ощутила лёгкий укол совести, но через несколько минут уже не думала об этом.

Целый месяц она была невероятно счастлива. Они с Сергеем словно навёрстывали упущенное. Таким ласковым, нежным, внимательным он никогда ещё не был. Их любовь словно бы пошла по второму кругу. Разлука всё-таки идёт влюблённым на пользу. Она забыла обо всём на свете, полностью отдала себя в руки любимого человека, а Сергей держал себя посдержанней и как-то слегка виновато. И то! Чуть ли не полгода

не было от него ни слуху, ни духу. Ясное дело, чувствовал себя виноватым. Виноватым, да, но, как оказалось, не в том.

До сих пор она содрогается от унижения, когда всплывает в её памяти тот день. Прелестное солнечное летнее утро не предвещало ничего плохого. Теплынь. Безоблачность. Запахи. Чувства. Рай земной, да и только. Деревянные хоромы, а в них самовар: фыр-фыр-фыр – уютно. За самоваром она и её Сережа. Ритуал чаепития, чуть ли не как в Мытищах. Ей весело, хорошо и никого, кроме Сергея в этой жизни не надо. Длился бы этот миг вечно, и ничто бы не мешало их счастью. Но в крохотном окошке промелькнул вдруг чей-то затылок, быстро, словно тень пробежала. «Может быть, не к нам, может быть, пронесёт, – напряглась она в ожидании, но... через несколько секунд дверь распахнулась настужь: «Здрасьте!», – на пороге сияющая молодая женщина лет тридцати с большущим арбузом в руках. О, Господи! И чего только не померещится в полусвете. Присмотревшись внимательно, она поняла, что никакого арбуза не было. Просто зелёный сарафан на животе у женщины бугрился округло. «Мальчик будет, – отметила она про себя, – месяцев на семь, если не больше беременности».

– Здравствуйте, Сергей Иванович! Не ждали?

– Нина?! – Серёжа медленно поднялся со стула и шагнул к женщине. Лицо его окаменело, – когда ты приехала?

– А прям сейчас, – как-то уж слишком беззаботно ответила Нина, – соскучилась очень. Да и что там делать без тебя? И Наташка капризничает, извела меня всю. Только твои руки и признаёт, как и я, – женщина буквально сгребла Сергея в охапку и смачно чмокнула его в щёку.

– Подожди, подожди, – вырвался из её объятий Сергей, – мы не одни.

– Да-а-а, – нараспев протянула Нина, – простите, а я сначала и не заметила.

– Садись, вот сюда садись, – суетился вокруг неё Сергей, – а мы вот тут чай пьём с соседкой. Знакомься Нина, это, Таня, – Нина вопросительно смотрела на неё. Татьяна молчала. А Сергей тараторил и тараторил без умолку, – вот, без тебя Таня мне иногда помогает управляться с огородом. Сейчас посмотришь, как там всё хорошо, всё чисто, как ты любишь.

– Да уж, мир не без добрых людей, – заметила Нина, в упор разглядывая Татьяну, – кто-нибудь как всегда поможет, а моему Серёжке всегда нужна помощь. Он такой несобранный, такой..., – не найдя нужного слова, Нина махнула рукой.

– А у Вас давно здесь участок? – обратилась она к Татьяне.

– Нет, нет. Они только в этом году начали осваивать землю, вон там, с той стороны поля, собираются ставить домик, вот Таня и пришла ко мне за консультацией.

– Да уж, ты наконсультируешь. Неужели Вам нравится эта хибара?

Таня молчала, что она могла сказать?

– Жаль, что я в том году не могла участвовать в строительстве. Когда мы поженились, я уже была беременная, очень плохо себя чувствовала – сильный токсикоз, знаете, – да ещё угроза выкидыша. Практически всю беременность провалялась в больнице. Вот он, мой супруг, – Нина гордо и в то же время как-то снисходительно-ласково глянула на Сергея, – и хозяйничал в то время один, вот и настроил.

Татьяна слушала Нину, а разглядывала в это время Сергея: волевой, но не квадратный подбородок, нетолстые, красиво очерченные плотно сжатые губы, прямой нос, миндалевидный разрез глаз, открытый большой лоб с небольшими залысинками на висках – на всех чертах лица печать благородства. Разве может человек с таким благородным лицом солгать, обмануть, предать? Невероятно, но может.

Врал, врал, врал и тогда, и сейчас, и мне, и ей врал... Как захотелось Татьяне нахлобучить на его красивую голову его красивый самовар и заодно вlepить пару горячих оплеух его толстой супруге!

Но сдержалась. Сдержалась. Бог свидетель, чего ей это стоило! Вежливо поблагодарила за чай, распрощалась, пожелала им всего хорошего.

Земной рай превратился для неё в крошечный ад. Привычной дорогой бежала она по лесу домой и плакала. Рыдания с каким-то треском вырывались из неё наружу, слёзы текли в три ручья, но от них не становилось легче, а, наоборот, чем сильнее они

лились, тем сильнее закаменевало у неё в груди, словно узник в каменной крепости, замуравывалось сердце. Больше всего ей хотелось сейчас нырнуть с головой в омут, чтоб и не выныривать уж, или погрузиться взглядом в бондарчуковские глаза и найти в них покой и утешение.

Но, ни омота, ни «Бондарчука» ей не встретилось по дороге. Так что она сама, без посторонней помощи вынуждена была выкарабкиваться из той жуткой душевной сумятицы, в которой оказалась, благодаря предательству Сергея.

Да, помощи не было, но осознание того, что она могла бы быть оказана, делала ее боль переносимой, опять вселяя в неё надежду на то, что все как-то само собой образуется. Бондарчуковские глаза, спасительным маяком застывшие перед её внутренним взором, своим тёплым, тихим сиянием согревали её душу, помогая дожить до следующих выходных, когда бы она, наяву глядя в эти глаза, смогла бы, может быть, найти ответ: «За что, за что, за что же Серёжа – этот милый, весёлый, обаятельный человек, оказавшийся вовсе не её женихом, а чужим мужем, так жестоко посмеялся над ней? Разве она заслужила этого? Разве она не любила его? А он, он кого любит? Кем же она была для него?»

Надежда на облегчение держала её на плаву всю неделю. Но, когда наступили выходные, незнакомца в лесу она опять не встретила.

На лесных тропинках, по которым обычно гулял он со своим Диком, было пусто и тихо.

Лишь ветер с таинственным шелестом путался меж ветвей, да птицы перекликались друг с другом. Кто знает, может быть, им тоже бывает нужно сочувствие и понимание. Не всё же у них упирается в инстинкты. Может быть и любовью они болеют? И от неё мучаются? Кто знает, кто знает, кто знает, может быть, зря нам, людям отдаётся приоритет в этом?

Ей же тогда казалось, что только она, она на всём белом свете одна невероятно страдает. Птицы раздражали её своим пением. И чему только они радуются? Хорошо им! Их никто не обманывает, не предаёт. Им бы только полетать, почирикать...

Сергей – предатель. Как же он обманул её. А глаза, глаза такие ясные, чистые... Вот и второй, с бондарчуковскими глазами, где он? Ходит уже по другим дорожкам и беседует с другими женщинами? Где он? Вот и верь после этого мужчинам! На одну её боль наложились вторая. И уже неясно было, от которой она страдает сильнее. Голова её раскалывалась на части. Она силилась что-то понять, объяснить себе: что-то очень важное пробивалось сквозь сумбур её мыслей, пробивалось, но никак пробиться не могло. Ей хотелось разбить свою голову о какое-нибудь крепкое дерево. Сколько же можно, на самом деле?! Когда же, наконец, всё это кончится? Она обхватила берёзу руками и прислонилась к ней пылающим лбом. Закрывает глаза. Тихо. Хорошо. Хоть какая-то опора.

– Вы что, решили заняться лесоповалом? Или сил от дерева набираетесь? – вдруг еле слышно раздалось у неё за спиной.

Она повернула голову на голос. Какой-то бородатый мужчина улыбался ей.

– Да оторвитесь же Вы от дерева, пожалуйста! Я Вам ничего плохого не сделаю. Вы не узнаете меня?

– Ой! Это Вы?! На самом деле не узнала. Борода?! Для конспирации?

Он смущенно улыбнулся:

– Да нет. Просто я приболел немного. Три недели уже отлежал в больнице.

– Вас выписали уже?

– Нет, я сегодня сбежал. Так захотелось побродить по лесу, Вас увидеть.

– Ну, из-за меня не стоило сбежать. Здоровье дороже! Что же с Вами приключилось? Что-нибудь серьёзное?

– Да нет. Так, ничего особенного, сердчишко чуть-чуть прихватило.

– Даже сердчишко? Тогда Вам нужно быть поосторожнее.

– Я знаю, но сегодня я не мог находиться в больнице. Что-то тянуло сюда.

Она пристально смотрела на него. Он отвёл глаза и пожал плечами.

– Пройдёмся?

– Пройдёмся!

Ей заметно полегчало, словно увесистый камень свалился с её души. И она в этот раз щебетала, щебетала, уподобляясь птичкам, не умолкая, весело и беззаботно.

Он слушал молча, иногда кивал головой, глаза его улыбались. Они гуляли больше обычного.

На прощанье он задержал её руку в своей руке и сказал: «До свидания! Теперь-то уж мы будем видеться часто».

Что он имел в виду? Она не поняла. Но ей очень не понравился его тон и его излишняя самоуверенность.

– И этот туда же! – с досадой думала она, – интересно, а для него кем я буду? Ишь! Мы теперь будем видеться часто! Ещё чего! Посмотрим! Не на ту нарвался, – всё в ней клокотало от возмущения.

В следующий выходной она из какого-то упрямства или лучше сказать, духа противоречия, сменила свой маршрут: «Вот тебе! А то придумал – мы теперь будем видеться часто. Ха! Все зависит от меня, от меня, а не от вас, мужчины».

И всё! Больше она его не видела.

В последующие выходные, когда ярость её перегорела, поутихла, и к ней вернулась способность рассуждать, она поняла, что дала маху, что сделала что-то не то, и она даже начала искать его, того мужчину с бондарчуковскими глазами, с берендеевским посохом в руках и с серым волком в охране. Но тщетно. Ни его, ни Дика не было нигде. Правда, один раз ей показалось, что за кустами мелькнула серая «волчья» шкура. Обман образовалась невероятно, бросилась туда. Но за тем кустом никого не было. Обман зрения? Галлюцинация? Ну и пожалуйста! Если и он не хочет её видеть – хорошо! Есть и другие мужчины на свете. Главное, не «зацикливаться»! Не паниковать! А влюбиться можно в любого, только стоит отыскать в нём хоть одну симпатичную черточку и развить её в своем воображении до невероятных размеров.

Так и получилось.

Как-то раз она случайно встретила своего давнего знакомого – одноклассника, за одной партой в школе сидели; нахлынули воспоминания, вызвав добрую атмосферу доверия.

«А он ниче» – думала она. Да и тогда ещё в школе, было в нем что-то привлекающее, она была почти влюблена в него.

«И почему она не замужем? – задался вопросом он, – такая обаятельная женщина?!»

Некоторая симпатия с обеих сторон, любопытство с его стороны, отчаяние и желание доказать что-то себе и тем двоим с её стороны, притянули этих двоих друг к другу, как бумажный мячик на резиночке притягивается к ладони.

В результате между ними возникли кое-какие чувства, похожие на влюблённость. Проверять, перепроверять их они не стали, а просто-напросто поженились, усмотря в их неожиданной встрече некое предопределение, словно там, в небесах кто-то дал «добро» на их союз.

Год промчался для неё в один миг. Поначалу сторяча ей показалось, что все у них замечательно. Он любит её, она любит его. Любит, конечно же, любит, пусть в отместку, пусть на зло, но любит же его.

А теперь вот хоть караул кричи – все хуже и хуже и ему, и ей становится, и нет для этого никаких видимых причин, но... Она запуталась окончательно, потеряла себя – хоть и замужем, а по-прежнему в одиночестве... Постоянно её гнетёт какое-то беспокойство, какая-то безысходная тоска разъедает ей душу. Муж раздражает её своими разговорами, своим поведением, каждое его слово выводит её из равновесия, хоть разводишь. Мало того, её со страшной силой тянет в лес. Организм рвётся, что ли, к исцелению? Не в силах совладать со своими желаниями, она взяла двухнедельный отпуск в начале мая и почти не вылезала из лесу – бродила, бродила, бродила по уже знакомым тропинкам, словно ища чего-то или кого-то.

Весь лес был наполнен какой-то вселенской благодатью. В каждом трепетном нежном листочке, в каждой зыбкой нежной травинке был заключён какой-то высочайший смысл. Она силилась понять, отчего в природе такая гармония и отчего у неё в душе такой диссонанс, и что такое предпринять ей, чтобы диссонанс превратить

в гармонию? Ещё капельку, ещё чуть-чуть и откроется нечто сокровенное, не хватает только самой малости. Чего же, чего не хватает ей?

Так, бродя от куста к кусту, в невероятном усилии она пыталась отыскать малейшее зёрнышко истины. Эти поиски измучили её всю до самой последней черты, до самого предела и, вероятно, от физического перенапряжения, ей вдруг что-то стало мерещиться – несколько раз какое-то серое облако мелькнуло за кустами. Она устремилась туда. Там – ничего, ей было жутко и интересно: «Что это? Обман зрения? Может быть, газ какой-нибудь выходит из земли и играет так на солнце? Да вон, вон то облако! Сегодня даже с примесью чего-то голубого. О! То голубое, то серое! То голубое, то серое, то голубое, то серое... Интересно, и далеко эти облака могут завести нас с Диной? Не иначе, как нечистая сила над нами куражится? А, может быть, у меня просто-напросто “крыша поехала”? Одиночество ведь до добра не доводит», – рассуждала она, пробираясь сквозь густую чащобу за таинственными цветными пятнами, мелькающими впереди неё то тут, то там за кустами. Впрочем, они не петляли, как зайцы и не возникали вразброд, а придерживались какой-то определённой линии и были связаны друг с другом. Вдруг пятна исчезли. Она остановилась в замешательстве.

– Куда идти? Вправо? Влево?

Решила: «Будь что будет, пойду прямо». Метров через десять упёрлась в ограду... вот тебе и на! Кладбище! Мистика! У неё задрожали колени. Знак! Это знак Оттуда... Она осторожно дотронулась до ограды. Настоящая... Невероятно, но ей казалось, что кладбище, как и пятна, мелькавшие перед ней в лесу, сейчас исчезнет. Нет, могилы оставались на своих местах. Да как много! Уже и в лесу хоронят! – Как замороженная она переходила от могилы к могиле. Ограды, памятники – всё как положено. На фотографиях лица молодые... все молодые... знать, молодым не хватило места на городском старом кладбище, а впрочем, вот и ...

– Гав, гав, гав, – раздалось из-за ограды, к которой она подходила...

– Собака на могиле?! Нельзя же!

– Гав! Гав! Гав! – продолжал надрываться пес.

– Дик?! Дик! Дик! Что ты тут делаешь?

Узнал, завилял хвостом, распластался на земле и, тихонько поскуливая, словно жалуюсь, пополз к ней.

– Мы приходим с ним к дедушке, – мальчик лет десяти в голубой курточке показал рукой на памятник...

– Боже мой! Боже мой! – у неё оборвалось всё внутри – и сердце, и желудок, и почки – всё ухнулось куда-то вниз, а в голове зашумело – добрые ласковые бондарчуковские глаза глядели на неё с фотографии.

– Бабушка у нас на другом кладбище, а дедушка просил, чтобы, если он умрёт, его похоронили здесь. Вот мы с Диком и ходим сюда. Дик очень тоскует. Он так сильно любил деда. Дедушка с ним часто гулял по лесу. Когда умерла бабушка, дед был грустный, грустный. Папа говорит, Дик спас дедушку от тоски и смерти. А тем летом, дедушка и вовсе повеселел. Шутник такой стал. И меня, и Дика разыгрывал. Приходил из леса такой весёлый. А потом вдруг сразу пришёл домой такой хмурый, хмурый. Не разговаривал ни с кем. А вечером его увезли в больницу. Там его полечили немного. После этого лечения, он такой хулиган стал, прям как я. Иногда я сбегаю с уроков. А он сбежал из больницы. И с Диком – в лес. Оттуда пришёл весёлый, довольный. Вечером ушёл в больницу – надо же было долечиться. Через неделю его выписали. И он опять в лес. Нарядился, рубаху новую надел. Папа говорит: «Дедушка, никак на свидание собрался». А дед: «А, что, может быть, я ещё и женюсь!». И ушёл.

Пришёл вечером, поздно. Мы уж беспокоиться начали. Папа хотел идти его искать. Пришёл таким, как после смерти бабушки. А на следующий день его опять забрали в больницу. Дик уже тогда затосковал. Даже был несколько раз страшно. А когда дед умер, Дику совсем плохо стало. Ничего не ел. Убежал сам в лес. Мы его обыскались. Думали – пропал. Пошли на дедушкину могилу, смотрим, а Дик лежит рядом с ней. Никак ведь не хотел уходить. Еле-еле увели его отсюда – мы его на поводок, а он упирается. Сейчас вот ходим вместе навещать деда. Иногда Дик и один убегает, ляжет

и лежит здесь, пока за ним не придешь. Плохо нам с ним без деда, – мальчик нежно потрогал рукой фотографию и прижался щекой к ней.

– Боже мой! Боже мой! – она тихо сползла вниз по ограде. Ей хотелось, как Дику, выть от невыносимой боли и тоски. Отчаянное прозрение, как удар молнии, пронзило ее мозг: «Что я наделала?! Что наделала?! Вот ведь, где моя истина зарыта, а я...»

Она прижалась лбом к ограде, ухватилась руками за её прутья и сквозь них снизу вверх, глотая слезы, не отрываясь, смотрела в ласковые, добрые, всепонимающие бондарчуковские глаза на фотографии, мысленно умоляя их о прощении...

Она каялась и просила простить её за всё: за то, что не поняла его, за то, что плохо в него всмотрелась, за то, что дуб его теперь уже так и не зазеленеет вновь...

ПОЭЗИЯ

Александр Ганин (Александр Васильевич Гниненко) – автор поэтических сборников «Не забывай и не прощайся...» (2005), «Нескончаемое прощанье, нескончаемая любовь...» (2007), «Ожидание» (2010), текстов и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Член Российского Авторского Общества и Союза писателей России. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

Александр ГАНИН

Мы света ждём...

А жизнь моя почти прошла.
Любови вечной не случилось.
И гаснет синяя звезда,
И дверь за мной почти закрылась.

«Я не жалею ни о чём...» –
Давно известна фраза миру.
Наивный и простой приём,
Пригодный только дезертиру...

Осень ожидает в будущем,
Дремлют дни сомненья в прошлом.
И в уме по дальним улочкам
Я иду к судьбе с вопросом:

Почему меня ты тянешь,
Словно куколку за ниточку,
То пригасишь, то запалишь,
Словно маленькую спичечку...

Почему меня качаешь,
Словно ветер сильный веточку:
То прижмёшь, а то расправишь,
То посадишь белкой в клеточку...

Афган, ты молодость в погонах!
Ты чёрная змея гюрза!
Погибших на скалистых склонах
Вовек нам позабыть нельзя.

Кукушка всем им куковала,
Всем отсчитала дни сполна.
Судьбою пуля пролетала,
И жизнь звенела как струна...

Гитара в пыльном «бэтээре»
Ребятам пела про любовь,
А впереди ждал бой за веру,
А на земле – дымилась кровь.

Струна рвалась от пули чёрной,
Жизнь улетала в облака,
Летела птицей непокорной
Светла, печальна и легка.

Пришла весна, коты запели,
Умчались белые метели.

Прошло и лето. Снег с дождём.
А мы чего-то ждём и ждём...

Как зачарованный лунатик,
Как оловянный тот солдатик,
Мы таем в огоньке от свечки
И тлеем угольком у печки.

Мы света ждём в конце туннеля
Длинною в жизнь, но как неделя,
Увы, идёт за годом год:
Без нас уходит пароход...

Что будет дальше? Кто же знает?
Что суждено мне на земле?
Как случай ветром разметаёт
Колоду на большом столе?

И на сукне, зелёном, гладком
Россия – главный приз кутил.
И главный шулер глазом гадким
Уже добычу ухватил.

А пятый туз колонной пятой
 Давно решает всё в игре,
 И Сатана, в церквях проклятый,
 Давно стоит на алтаре...

Бесы кружатся, бесы выюжатся,
 Бесы ходят в Москве напролом,
 И в толпе громогласной мне чудятся,
 Как Раскольниковы, с топором.
 Подбираются ближе и ближе,
 Замахнуться готова рука
 На Россию, на Русь... Словно вижу,
 Как взлетает душа в облака.

В моём доме заснеженном тихо,
 Отбиваются часики в лад.
 Цифры, стрелки бегут очень лихо,
 Но бегут всё как будто назад.

Всё бегут и бегут, отставая,
 Хоть гони их вперёд – не гони.
 Мастерская моя часовая,
 Почини мои худшие дни.

А часы эти, будто качели:
 То качнутся вперёд, то назад,
 То капли стучат, то метели,
 То гроза, то идёт листопад.

Замени батарейки с просрочкой,
 И колёсики мне замени.
 Проведи мне ремонт очень срочный,
 Мои худшие дни почини...

Я от тебя иду по улочкам.
 В дожде горят огни ночные.
 Разбросаны по закоулочкам
 Свиданий наших дни шальные.

Мела метель, дождевики капали,
 И падал лист осенний медленно.
 Кошачьими подкрался лапами
 Конец любви непреднамеренно.

Любовь нам райской птицей пела,
 Но не заманишь её в клеточку.
 Вспорхнула пташка, улетела
 И села на другую веточку.

Судьба моя качает ножкою,
 Как на канате акробатка.
 Скребёт на сердце чёрной кошкою
 Простая мудрость и догадка –

Что всё проходит, всё кончается.
 Пойду в снега дорожкой узкою,
 Любовь твоя с моей прощается –
 С улыбкой понимаю грустною.

Я от тебя бреду по улочкам,
 Грустят со мной огни ночные,
 Растеряны по закоулочкам
 Слова любви моей хмельные.

Иду дорожкой запорошенной,
 Тень от меня за мной качается,
 Слова любви звучат непрошено
 И мне не надо в чём-то каяться.

Я проснулся нынче утром ровно в восемь,
 Посмотрел в окно, а там – бушует осень.

Снег с дождём холодным, жёлтый листопад,
 Листья мокрые летят, летят, летят.

Незнакомый парень на простой гитаре
 Во дворе играет загулявшей паре,

В куртке лётной он на ангела похож.
 Он когда-нибудь придёт ко мне, ну что ж...

Эта осень и ко мне вдруг прилетела
 И на руку рыжей птицею вдруг села.

Крылья распустила, прямо в душу смотрит,
 Всё поймёт та птица, ничего не спросит.

Ничего плохого я тебе не сделал.
 Может, жил нескладно, может, неумело,

Не нашёл себе я в жизни сладкой доли,
 Ни любимой, ни свободы и ни воли.

Может быть, о том сейчас слегка жалею,
Что в слова пустые часто так верю.

Был я беззащитно прост перед тобою,
Но с судьбою больше я не спорю.

Неужели жизнь мне только снилась...
Всё, что было, не со мной случилось...

Ветер стылый больше мне не даст ответа,
Стаи птиц озябших улетают в лето.

Я проснулся нынче утром ровно в восемь,
Посмотрел в окошко – там бушует осень,

Снег с дождём и жёлтый-жёлтый листопад,
Это наши дни с тобой летят, летят, летят...

Он там, где свет

Живописное полотно знаменитого русского художника-пейзажиста XIX века «Грачи прилетели» Алексея Кондратьевича Саврасова знают в России все. Кто не смог побывать в Третьяковской художественной галерее в Москве, где оно занимает почётное место среди работ художников-передвижников, тот, конечно, знает эту картину по школьным учебникам.

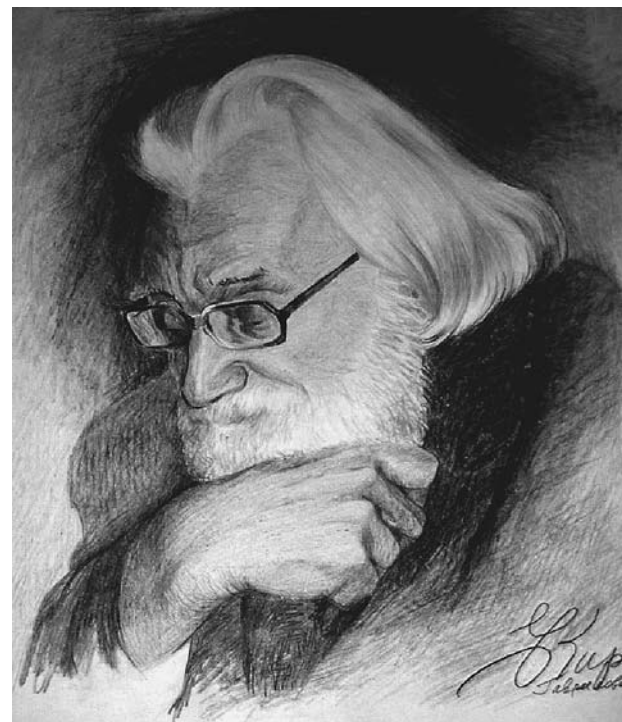
Запечатлённый Саврасовым пейзаж – это родная природа, это знакомые места, это любимые лики Родины. Саврасов, как и многие русские художники, оставил нам богатейшее духовное наследие. Кроме созданных гениальных лирических пейзажей, он воспитал плеяду учеников, в числе которых Константин Коровин, Исаак Левитан и другие.

«Ступайте в природу. Там красота неизъяснимая. Весна. Надо у природы учиться. Видеть надо красоту, понять, любить. Если нет любви к природе,

Кира Тимофеевна Гаврилова – член Московского Союза художников, член Союза писателей России. Участница многих выставок, в том числе в музеях Москвы, Куйбышева, Саратова, Казани. Автор произведений монументально-декоративного искусства (мозаика, фреска, витраж) для общественных зданий в городах России. Занимается станковой живописью и графикой. Автор сборника эссе о художниках «Единственные». Член Литературного объединения при Центральном Доме учёных РАН.

Живёт в Москве.

Портрет Олега Борисовича Павлова
Худ. К. Гаврилова. Бумага, цветной карандаш. 2012 г.

то не надо быть художником. Природа вечно дышит, всегда поёт, и песнь её торжественна. Нет выше наслаждения созерцания природы. Земля ведь рай и прекрасная тайна. Прославляйте жизнь. Художник – тот же поэт. Нужно любить. Форму любить, краски... Без чувства нет произведения». Такое вдохновенное, воистину поэтическое напутствие Саврасов адресовал не только своим ученикам, но и своим непосредственным потомкам.

Природа разумна. Наделяя человека талантом, она зачастую стремится передать свой дар и потомкам избранника.

Это произошло и в династии талантливых художников. От Алексея Кондратьевича Саврасова талант перешёл к его сыну, внуку, а затем и к правнуку.

Сын Алексея Кондратьевича Саврасова – Пётр Петрович Павлов рос среди художников, актёров, музыкантов. Эта среда сформировала его. Профессиональный фотограф, он создал фотолетопись Москвы рубежа XIX – XX вв. Кроме многочисленных снимков московской архитектуры, он запечатлел почти весь литературный, артистический и художественный бомонд Российской Империи того времени. Многочисленные портреты знаменитых художников, в том числе и своего отца Алексея Саврасова, актёров МХАТА, членов абрамцевского кружка.

Внук Алексея Кондратьевича Саврасова – Павлов Борис Петрович – агроном и пчеловод по профессии, по призванию – художник и философ. Как художник он создал целую серию живописных работ, а как философ написал работу «Целеустремлённость жизни».

А правнук Алексея Кондратьевича Саврасова – это наш современник – Олег Борисович Павлов – талантливый художник, опытный педагог, исследователь, философ, достойный наследник знатной родни. Имена великих предков и вдохновенное напутствие прадеда-художника и педагога стали для Олега Павлова камертоном жизни. Уже после окончания художественной школы, на просмотре работ выпускников, его талантливые работы отметил известный искусствовед и художник И.Э. Грабарь, пригласив Олега учиться в Художественный институт им. Сурикова, где сам Грабарь был ректором. Повезло Олегу и с учителями: Н.М. Чернышёв, С.А. Чуйков, Л.А. Казенин оказали влияние на формирование его как художника. После окончания Института Олег много путешествует. Смена мест и впечатлений вдохновляет его на создание многочисленных пейзажей и портретов.

В своей творческой мастерской он проводит для гостей «экскурсии»,

Худ. О. Павлов. Портрет матери.
Холст, масло. 1940 г.

Худ. О. Павлов. Среди цветов. Алтай.
Холст, масло. 1953 г.

Худ. О. Павлов. Алтайка в национальном костюме.
Холст, масло. 1957 г.

И конечно третий цикл работ Павлова – юг России.

Про Олега Борисовича можно говорить бесконечно: это художник, это педагог, который проработал в Художественном институте им. Сурикова 23 года, это учёный исследователь древне-русской живописи, это изобретатель, имеющий свой патент на создание уникальной монументальной фосфатной живописи.

Мне хочется сказать самое главное – правнук великого лирического живописца Алексея Саврасова, Олег Борисович унаследовал от своего прадеда духовную силу, мудрость, необыкновенную поэтичность и духовную чистоту творчества. Как и его великий прадед, Олег Борисович – всю жизнь во вдохновенном общении с природой, в поэзии странствий и в напряжённой творческой работе.

Очень точно охарактеризовал его творчество, его личность, его состояние души и образ жизни известный искусствовед, профессор, действительный член Академии художеств СССР Михаил Алпатов. На одной из персональных выставок Олега Павлова, Алпатов

Худ. О. Павлов. Охотник у дерева. Алтай.
Холст, масло. 1964 г.

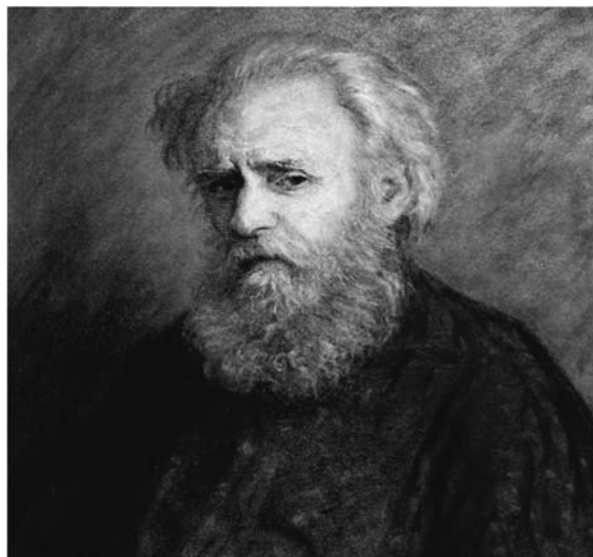
показывая работы своих творческих этапов. «Эти работы написаны на Алтае. Это Алтайский период. Алтайская серия. Я восемь раз ездил к отцу на Алтай, там и были написаны эти работы. А здесь работы Заполярья. Я совершил путешествие к Баренцеву морю. Завораживает суровая красота. Бушующее море, скалы, синие волны, а небо будто притихшее»...

В его рассказах о природе невольно выплывают из памяти вдохновенные, поэтические слова его прадеда – Алексея Кондратьевича Саврасова – сказанные о природе: «Ступайте в природу. Если нет любви к природе, то не надо быть художником»...

сказал: «Одно из основных впечатлений от выставки – это душевное благородство человека и художника. Эти качества – благородство, чистота, какая-то душевная скромность – потому так сильны, что выражены художественно, эстетически. Слово “выставка” содержит в себе что-то другое: “выставлять” себя, показать себя, понравиться публике. Это абсолютно отсутствует здесь. Как будто вы слышите песню, которую человек поёт для себя. Не актёр, который ждёт аплодисментов, а человек, который один где-то находится... Может быть, в лесу поёт, и вы случайно подслушали его песню. Это, мне кажется, драгоценное свойство его искусства, и мы к этому не привыкли...»

Всё творчество Олега Павлова пронизано восторгом бытия, любовью к простору, тишине, свету.

Он там, где свет! И это стремление к свету проходит через всё его творчество.

Худ. О. Павлов. Портрет кинооператора В.Е. Павлова.
Холст, масло. 1984 г.

Худ. О. Павлов. Храм в Великом Устюге.
Холст, масло. 1999 г.

ПОЭЗИЯ

Таисия ГУСЬКОВА

Таисия Владимировна Гуськова – родилась в Белоруссии. Окончила Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина, филологический факультет. Печатается с 2010 г. Автор трёх книг. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Обними меня, ночь, да покрепче...

Моему лучшему другу

Я звала стихи,
И они приходили
Под утро
И говорили:
Вот мы и пришли
Из тех глубин,
Где мы не можем
Жить вместе с
Рифмой,
И поэтому мы пришли
Без неё,
Чтобы рассказать,
Что Рифма не всегда
Бывает доброй соседкой,
И что она скупа,
И что у неё нельзя
Одолжить даже «ы»,
И что в тех глубинах,
Откуда приходят
Рифмы –
Белые волны
Играют на
белой
траве.

Н.С.

Не перебивай,
 Не перемеряй,
 Не перебирай
 Ситцы.
 Не зазывай,
 Не замечай,
 Не забывай
 Лица.
 Не восклицай,
 Не вопрошай,
 Не восхищай
 Зря.
 Во имя Августа-отца
 И сына-Сентября –
 Имя твое святится!

А сегодня мне не пишется...
 И близки слова, да не слышатся.
 Свет скользит над обрывом дня;
 Ночь придёт – обними меня.
 Обними меня, ночь, да покрепче;
 Я – послушная дочь –
 В подвенечном!
 В новобрачном Союзе с Любимым;
 С ним восторг и слеза – воедино!

Хочешь, я подарю тебе небо, –
 То, на котором ты не был?
 Ни наяву не летал, ни во сне –
 П р и н а д л е ж а щ е е мне!
 «Подумаешь, небо», – ты можешь ответить.
 «Но это же лучший подарок на свете!
 Пусть не пугает моё бескорыстье, –
 Осень щедра всеми красками листьев.
 Что мне одной замирать от восторга,
 Что здесь решать так мучительно долго?
 Я и восторг свой с тобой разделю...
 Пользуйся даром. Дарить я люблю».

– Я уезжаю в пять.
 Сказал – отрезал.
 – Прошу не провожать...
 Как нежен
 Звук
 Захлопнувшейся
 Двери!
 Пророчила. А ты не верил.

Свято верила:
 Обрела.
 Жизнь мерила –
 И отдала.
 Отделила. Оторвала.
 В море синее
 Кораблём пустила –
 Светлым именем
 Назвала.

Пустота. Покой. Прохлада.
 – Я люблю тебя...
 – Не надо...
 Всё сгорело, умерло...
 Немая сцена, как в кино.
 Огни. Арбат. Сочельник. Город.
 И мы вдвоём.
 Из полымя – да в холод...

ПРОЗА

Татьяна ЛЕТНЕВА

Татьяна Александровна Летнева – родилась в Москве 6 августа 1952 г. Поэт, член МГО Союза писателей России. Постоянный автор сетевой литературы, участник литобъединений и проектов, участник литературных студий. Печаталась в литературных альманахах «Третье дыхание», «Литературные россыпи», «Венок Некрасову», «Куликовские были», «Парадоксы любви», «Инкарнация счастья», «Золотая строфа». Автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Многообразие любви...». Произведения были отмечены дипломами О. Манделштама, М. Цветаевой, Ф. Тютчева, памятной медалью «А.С. Грибоедова 1795–1829».

Живёт в Москве.

Признание без капли лжи

Посвящения из цикла «Поэт поэту...»

Течением Гольфстрим... (Мой Пушкин)

А с Пушкиным сознательно молчу и в посвящениях откровенно не кричу. Всё оттого, что с именем Татьяна меня соединив с собой, вошёл в мой век, в мою поэзию упрямо своею невесомой красотой, свободой, истиной, как кинолентой, кадрами с экрана.

По-прежнему – Онегин и Татьяна.

«Я вам пишу, чего же боле...»

«За что ж виновнее Татьяна? За то ль, что в милой простоте, она не ведаёт обмана? И верит избранной мечте?»

«Мечты, мечты, где ваша сладость?»

О, устремлений младость! Воспоминания лишь прошлым хороши – в них мудрость и дыхание души. Я не жалею добрых слов! Их, условно, слишком мало... Недоуменно не сгибаю бровь, не отмахнусь, сказав: устала, но повторений, дифирамбов не хочу, поэтому коплю в себе Его.

Молчу.

Не вычищаю выгодой мосты, ловлю словами слов мечты и отмечаю траекторией души молчанья многогранного посты. Барьеры безучастием не ставлю, а если говорю, что хороши стихи, заслуженно зализываю раны, как невесомые печали, всепроникающим наитием души.

Восторгом слов перекрываю, тушую свои – чужие скрытые грехи. Не звук пустой слова, не пустяки. Я жизнью их в душе искала. Вернее, в холодной белоснежности течением Гольфстрим...

Я прошепчу так искренне: «Любим...»

ТАТЬЯНА ЛЕТНЕВА

Любим созвучием, значением и глубиной, и силой чувств... Жаром костра, отточенной игрой и искрами из пыла букв, соединяющих в неиссякаемость... О, вдохновенная река – слова водой, потоком струй стекают вдруг и берегами, нитью неподдельности влекут, зовут: сюда, сюда!

Мой милый Саша, мой Арап, мой брат, мой Ангел, друг! Ты был со мною много раз нетленностью восторга фраз. Мне говорят: опасная стезя, восторгом множиться нельзя! Но эту нить не разорвать, лишь приумножить можно...

Свою Любовь к поэзии твоей словами слов и искренность делить не сложно!

Я расскажу опять Любовь...

О, Александр! Милый Пушкин! И в двадцать первом веке ты – кумир кумиров, слишком русский... Мы вместе именем навечно.

Отец Поэзии, звезда Вселенной, Полярная звезда на необъятности дорожки Млечной... И отчество твоё во мне нетленно. В соединении с именем Татьяна мгновением наделяешь данным... В лучах твоей известности бессмертна именем – Татьяна. Я чувствую родство нанизанных веков, как ожерелье будущих стихов.

О, Саша, живёт и жил в тебе Евгений... Тебя века не усмирили! Ты согреваешь мысль души словами чувств, горением... Но и Татьяна... Что греха таить, Татьяну невозможно не любить! И в двадцать первом веке, как ни странно, живёт непревзойдённой Онегин, неразделимостью с тобой и образом и именем Татьяна!

«Я вам пишу, чего же боле...»

Не звук пустой слова, не пустяки. Я жизнью их в душе искала. Вернее, в холодной белоснежности... течением Гольфстрим...

Я прошепчу так искренне: «Любим...»

Только тихой любовью никогда не умру... (Памяти С. Есенина)

На ладонях Вселенной на нас смотрит Есенин. Слов души его тени оживают из тленье огнём танца словесным, откровенно чудесным, вдохновенно дыханием на безбрежье небесном... Он шептал на ветру: «Только тихой любовью никогда не умру...»

Флибустьер и художник, капитан, волк морской, мальчуган, грустный мальчик, прилетевший домой, акварельный затейник и земной – неземной хулиган и отшельник закружил в небе синем рдяно-рыжей красой. Строчкой памяти светлой предложил танцевать и ветрами ненастья в бесконечность влюблять.

Кистью слов ожерельем малевал – вот кураж! Окунал в беспредельность сон... реальность? мираж? Собирал круг фантазий, оживлял чудеса... Согревал без камня – звёзд огненных лавиной... Жемчугами, как клином, птиц соцветий, дюжин стаями метил. Грустным росчерком пленниц, как горящих полениц, гроздьё ягод рябин рисовал...

Только сердцем-душою разливал синь морей, а в глазах слёз слиянием, полутенью зверей округлял безысходность, уносил грусть-тоску и острейшим мгновением сад предзимний осенний согревал на ветру. Бахромою седою небеса расписал, воздух жаркой прохлады вновь листвою закидал, серебристой, как иней, и изяществом линий он узорил взаплёб. Лоб горами морщирил. Наваждением, старанием и мороза дыханием в рыжей осени страстной вновь разлил синеокость, бесконечность морей, васильковость, масштабность, разнотравье полей, бесконечную россыпь, звёздно-синюю грусть... И словами, и сердцем пожелал утонуть. Вдохновенно рассыпал и шептал на ветру: «Только тихой любовью никогда не умру...»

Почему вдох – как птица? Крыльев взмах наяву. Дрожь желанья клубится и туман на ветру. Почему дух полёта – как мираж, а не явь? Мир живых, мир ушедших переплыть надо вплавать... Ты границу раздела не разделишь теперь...

Мир Вселенной огромен, в нём – от космоса дверь. *Синь морей синью неба разводит на земле, вездесущность лавиной затвердел и в песке.* Акварельный затейник и земной – неземной хулиган и художник удивлял красотой. Листья, сонно кружащие, заставлял поспешить, страстью памяти прежней без конца ворожить, словом чувств настоящих поражал, возрождал и Любовью бескрайней, глубиной изумлял...

На ладонях Вселенной на нас смотрит Есенин. Слов души его тени оживают из тленья огнем танца словесным, откровеньем чудесным, вдохновенья дыханьем на безбрежье небесном...

Он шептал на ветру: «Только тихой любовью никогда не умру...»

Сердце полнится вологодским кружевом... (Плач по Рубцову)

«Поверьте мне: я чист душою»
Николай Рубцов

Не была я в Вологде, не была и в Мурманске, только сердце полнится вологодским кружевом... И снежинки падают, как стихи небесные, и снега узорчато вьюжат думы кружевом, слёзы и кручинушка в завываньи кружистом. *Голос ветра северный смыслом одиночества и губами холода шепчет стужей-памятью сироте детдомовской, сироте средь волока.*

Лихо, горе-горькое собирал, как ягоды, бедность, обездоленность, отчий дом вне времени, лишь снегами Севера да слезами тайными и стихами светлыми наполнял дыхание.

Всё богатство пламени – сердца стук и искренность, свет Любви в безбрежности – «колыбельный плач». И стоит навечно он в середине Вологды бронзой – глыбой памяти над судьбой тишь просвета возносясь в веках. *Ему мать суровая – Сухона пресветлая, и отец – сияние – инеем Самылкова, да мороз Архангельска в серых облаках.* Шарф, что Тотьмой-Тотьмушкой связанный, завязывал, что дорогу-пустыню, словно жизнь далёкую, да пальто потёртое, чёрное и длинное – беспризорность мук. Ох, ты, горе-нужда, жизнь бедна да впроголодь, лиходейка-смертушка от любимых рук.

Исчерпал Никулушка нищету телесную, только белым золотом был поэта дух. И любовь – печаль к снежной его Родине, что летит душою – эхом в стынь морозную, а ответом истинным – предсказанья слух.

Эх, страна безбрежная, несказанность русская, кружевная Вологда – чудная краса! На Земле бесчувственной трудно быть поверженным, если сердце страстное верит в чудеса! *Молчаливой пристанью, лодкою стыдливою, словесами светлыми ты Любовь безбрежную в Небесах хранишь.*

Стала смерть крещением, страшным испытанием – жизнь в снегах недолгая, да тоска по матери, по отцу заступнику, по любви – участию, как сестрою – Толшмою плачем разлилась. Под волной ударами гулким песнопением, словно церкви колокол о холодный, нордовый, безучастный берег бьётся сердце русское. *Растеклась безудержно, расплескалась брызгами, моряка беспечного разлиха душа.*

Из копирки голубем самолётчик поиска символом мистическим ввысь взметнулся истою, но гонимый ветрами закружил в безвременьи сажею печной. И пропал в

безбрежности, снежных настах Вологды, во полях молчания, будто бы чужой. Сколько было выпито горя – лиха скорбного, терпким ожиданием – думами скитания...

Только светом полнится песнь любви и в снах: и к природе северной, и к дождю, и просекам, к листопадам осени, серым тучам Родины, красной «сомородине», туманным небесам.

Бесприютность долгая да тоска печальная, да огонь – несбычивость расписала даль. Так откуда свет такой и тепло бескрайнее в ледяных, сверкающих, голубых снегах? Вновь летит над пропастью яркой искрой памяти ночью чёрной, звёздной, словно рысь неистова по сугробам крадёт, так пурга метельная не страшна и в днях. Вихрь души завьюженной, как огонь во стуже он, сердцем чистым дюжинным растопил снега.

Столп стихов останется, на ветру не склонится, через лихолетия затвердел в веках. *Торжествует радостью и над страшной бездною северным сиянием его «Диво дивное» и звездой-пристанищем в мыслях и мечтах, и тепло ответное рвётся вдаль бескрайнюю – во сердца стучит опять Русь узорным кружевом.*

Грусть-печаль растоплена и позёмкой стелется чистота безбрежная, забывенье нежное слёз соборно пролитых. *Да в тиши Отечества сквозь морозность лотую шепчет ветер памятью имя Николай...*

На крыльях памяти... Любовь... (Памяти Марины Цветаевой)

Вороной белою влетела в мир Хрусталя, Сваровски, стекла Богемии и чешского граната. *Не золото искала – тепла. Души и сердца злата...*

Среди липовых аллей, архитектурных стилей, среди объединённых зданий, цепочкой слитых водоедно, сверкающих витрин, многообразием дразнящих и красотой слепящих, среди разнообразных, нескончаемых кафе, гостиниц, ресторанов, бутиков и банков, и мега-магазинов кружила, созерцала, дух времени вбирая. И видела: идиллия, «рай на земле», вещами торжествует, богатством удивляя.

А что же мне? Что мне?

Летала, погружаясь, в пространство красных черепичных крыш, вписавших в историю мира, частями соединяя, мозаикой эпох, периодов, времён и стран. Но в чём же изобилия изъян?

И видела там красные леса и землю цвета красного в лучах хмельного солнца. И осень пламенем рыжела на полях, присутствием «железным» изумляя. Не каркала, как подбаивает птице – «воронице», блуждая, по сторонам «глазела», вбирая воздух чужеземный зрела. Красу садов и парков приумножила размышленьем: как одиночество понять – унять или потерять? Как расплескать его?

Среди спокойной роскоши, благополучия – контрасты... Душою обнимала всех и вся. Искать – искала... Не нашла... Устала, впечатленья множа. Вернулась утомлённая домой. *И стряхивая пыль веков, вдруг обнаружила на крыльях памяти – опять всё тоже – Любовь...*

Передо мною Карлов мост на Влтаве, где Ян Непомнящий, пройдя через века, молчанием поведает, намёком нерассказанную тайну королевы. Где тысячи людей касаются его надеждой ожидания ещё несбывшихся желаний. *Но память камня и железа всё же не заменят тепла живых влюблённых на мосту и их взаимного, простого поцелуя.* И музыки, рождённой на краешках бокалов, наполовину наполненных водой,

прикосновением единственным и сердца, и души, что каплями воды мелодией дрожат на кончиках чувствительной и творческой руки.

На крыльях памяти... Любовь...

Разбрызгивает вновь напоминаям крупинки настоящего золотого счастья – способность чувством проникать в холодный, мёртвый камень, касанием к стеклу водой – божественной мелодией звучать, желанием поверить в чудо! Что будет? Будет всё, пока живёшь и чувствовать способен...

Жить и любить, как в прошлом, умирать... от силы, страсти и любви, всё же не предав, высокой степени искусства. Лишь жизнь сильнее камня чувством, способностью творить, дышать, любить и мыслить, хотя во времени всё ж долговечней каменное русло...

Не золото ли разве – Любовь и чувство? О, сколько их, коснувшихся с любовью и с потаённым желанием мечты... Святой, ведь это ты молчаньем принимаешь тайны и, вечностью благословляя, даруешь исполнение мечты.

И Карлов мост – как переход в другое измеренье. Как мост души из настоящего – в века, из прошлого – в реальность. *Живёт здесь потаённость и любовь, вода и кровь, твердыня и неуловимость, дух времени и быстротечность, мгновение и вечность, молчание и музыка столетий...* Но только верность, преданность Любви дарует памяти соединённой – из капелек приверженность творить и неизменность чувства.

Жить и любить! И вновь, и вновь нести, передавая, на крыльях памяти... Любовь...

Неувядаемы цветы сознания. Им не помеха мили, расстоянья. *Преодолеть барьеры жизни-смерти прикосновеньем памяти души. Невидимы тончайшие ключи взаимосвязи. Слова и чувства горячи. И в настоящем прошлое неравнодушьем бьётся в сердце. И Карлов мост – соединенья дверца.*

Перетекание – как поцелуй веков.

Ночь. Прага...

И страсти дух, и шёпот неумирающих цветавских стихов.

Жива ли вечная Любовь?..

Посвящается Марине Цветаевой и Тарусе.

Мы ехали в Тарусу на старом, раздолбанном автобусе, в котором не закрывалась дверь... Экспромт сближения: водитель всё пытался её вовнутрь притянуть. Напрасно...

Был ясный день, пригретый солнцем осени – начало ноября... И было так прекрасно! И всё – не зря... И первый иней уже лежал на зелени дорожек. *Играло небо в крестики и нолики. И солнце жёлтой, яркою кругляшкой собой являло нолик. Неровной линией из белых и пушистых облаков, смеясь чертил под солнцем воздушный крестик Ангел. И радость разливалась в Небесах.* И было утро на часах. Предчувствием во встречу. В мир детства, юности Марины, её семьи... Тропой поэзии по нитям вдохновения волнением мы шли...

Сидели голуби клубками, комочками и кочками, неровностями тёмно-серых точек на покатых крышах – грелись в предзимних солнечных лучах. Напомнили пингвинов почему-то... Возможно потому, что было их так много! Темнели бугорками и шариками рельефных выпуклостей: не растопырив крылья, прижав их плотно, причём, так равномерно и ритмично, запараллелились с далёкой Антарктидой, но лирично... Не правда ли, сравнение здесь странно? Желания и впечатления нежданно...

Таруса – тихий и прекрасный уголок глубинки русской. Словам здесь узко... Рядами лип и тополей, берёз, рябины и калины красной... И белоснежностью церквей...

Пейзаж отменный: спокойствием, прозрачностью легка природа и неслегка в звенящей тишине печальна отчего-то... Неспешность, чистота, неторопливость – как девичья стыдливость... Покой, безмолвие неисчерпаемую грустью разлились...

Изгибы бесподобнейшей Оки... Смотреть из парка с липовой аллеи – такой простор и чувству, и уму, как будто бы летишь... И понимаешь, зачем так бьётся сердце, и отчего, и почему...

Как будто бы душа Марины из детства краской из розовых воздушных облаков на небе в таком чистейше голубом – слоями не чёрно-белых начертаний или завитков, а линиями неровных рисований и красочностью юности из розового и голубого цвета – миг разлилась в пространстве акварельном...

Бессмертие раскрылось и зашептало с нами и отражением в Оке – один в один, как в зеркале речном, вернувшись из былого волшебным повтореньем. И вечность прикоснулась неожиданно к душе, без слов слилась и, разрастаясь вместе с нами, наполнилась безбрежностью вечернего дыхания из воздуха, воды и запаха – напитком строк напоминаям...

И памятник Марине великим изваянием и тёмным монолитом, могучей глыбой в безбрежности воздушной не зависал – летел... И объяснений здесь не надо! И тесно было словам и чувствам...

Своею молчаливой лептой послушно явила значимость связующей цепочкой из прошлого, на памяти весов качаясь. *Она как будто бы из липы вышла, срослась с ней, но в каменистом одеянии излилась, вдруг отделилась, и густотою вытекла, сойдя на холм.* С великим напряжением пытался ветер обтекать её одежды... Так тяжело ей возвращаться! Пытаться – не казаться... Она в закате дня – такая же, как прежде – с нами... Хотя и в камне, на фоне голубого неба и пены роз из розовых прекрасных облаков. Теперь ответьте: жива ли Вечная Любовь?

Зову... ответом вновь и вновь... в себе я слышу голос и музыку ее стихов:

*«Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! –
Сказать ещё? – Златого утра краше!
Сказать ещё? – Один во всей вселенной!
Самой Любви молодой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.*

*Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. – В камине воет ветер.
Облокотясь – уставясь в жар каминный –
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.*

*Друг! Все пройдёт! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмёт! – Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но – вдохновенный –
Всем пророкочет голос мой крылатый
О том, что жили на земле когда-то
Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!*

*Ваш нежный рот – сплошное целованье...
– И это всё, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!
Завоеватель? – Нет, завоеванье!*

*Любовь ли это – или любованье,
Пера причуда – иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину,
Иль чуточку притворства – по призванью...*

*– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! – не всё равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье!*

А так Таруса отразилась во мне...

Таруса

*Таруса рябин, шиповника, калины,
Ты – ожерелье цвета, воздуха и вкуса...
Таруса – из лип, берёз и тополей –
Ты разлилась просторами полей,
Цепочками аллея, и дымкою туманов,
Где красота – безбрежность без изъяна.
Ты незабвенна изгибами реки Оки,
Твои напоминания так зыбки и легки...
Таруса, твои заборы, улочки – елей
И белоснежность храмовых церквей,
Как вереницы прошлого, как бусы,
На колыбельном теле Родины твоей
Такой порывистой, туманной, русой.
Таруса – наличниками окон и резьбы
Одноэтажных, покосившихся домишек
Вошла ты в сердце памятью судьбы.
Ты дышишь, думаешь и пишешь...
Словами слов, строками строк.
Ты – русской безграничности урок,
И забывания листаешь срок.
И елью до небес у дома «Тъо»
По сердцу звон колоколов так бьёт,
Цветавского и Марининога дома,
Значеньем истины – любви истомой...
Таруса, ты знакома – незнакома...
Бесценна незатейливостью, слышишь...
Беззвучно шепчет якорь под водой,
И бузина обилием глотает слёзы,
А лодки на Оке – штрихами по воде
Рисуют и расписывают грёзы...
Таруса, ты нигде и ты везде:
В душе, в натуре, памяти народа.
Идут к тебе, в тебя... нет брода –
Так утонуть в бескрайности и доле
Своей неустойчивостью и волей,
Так обрести навек и вечность, и свободу...
Таруса, ты – тихая мятежность рода,
Ты – глубина и широта природы...
Таруса, ты – акварельная слеза Руси.
Молчанием... прости, спаси и воскреси!*

ПОЭЗИЯ

Наталья ПОНОМАРЧУК

Наталья Анатольевна Пономарчук – живёт в
Подмосковье.

Мы любим ветер, солнце, воду, скалы...

Ритуал благословения

Возмущается ветер волнами,
Взбаламутив пространство озера.
Закрываясь стеною горною,
Освещаясь молнией грозною,
Пеленаясь в туманы белые,
Облака по склонам ползущие,
Духи острова – птицы смелые,
Охраняя былое и сущее,
Усмиряют природу гневную
И, смеясь над людскими изъянами,
Оживляя искусство древнее,
Разговоры ведут с шаманами.

Исцеляющее озеро

Распласталось селенье
приземисто-серое
Меж холмистых, скалистых,
пустых берегов.
У старинных бурханов
на камень присела я,
Сопки скрыты туманом –
ни друзей, ни врагов.

Тишина и покой,
туч косматые всполохи.
Погружается в вечность седой исполин,
Декорация сна:
без движенья, без шороха,
Пробирается в душу усыпляющий сплин.

Одинокое дерево,
птица парящая,
Лик на каждой скале,
как легенда и быль,
Нет пространства, нет времени,
есть настоящее,
Придорожные камни превратившее в пыль.

Чудодейственны травы,
дух лечебный впитавшие,
Исцеляют болезни, хранят от беды,
Я сливаюсь с волною, как чайка уставшая,
Чтоб испробовать силу байкальской воды.

Съёмки фильма на о. Ольхон

Мы ели рыбу, пробовали позы,
Играли роли, путали слова,
Синоптики нам предрекали грозы –
Всё было нипочём, всё трын-трава.

Холодный ветер, разгоняя тучи,
Пронзал едва прикрытые тела.
Мы фильм снимали на прибрежной круче,
Босые ноги грея у костра.

За десять дней любое время года
Сыграем, для артистов нет преград,
Ведь после съёмок полная свобода
И фирменный из омуля салат.

Палящим солнцем обжигало лица,
В одежде зимней будто бы в пургу
Мы продолжаем петь и веселиться,
В песке танцую, а не на снегу.

Носы краснеют, словно от мороза,
На самом деле август на дворе.
Дождь обещают метеопрогнозы,
А оператор съёмку на заре.

Мы любим ветер, солнце, воду, скалы,
Не страшен нам природный катаклизм,
Снимать кино в окрестностях Байкала,
Нам не мешает местный реализм.

Радуга спустилась с небес,
Семицветьем радуга взор,
Для кого-то пояс чудес
Составляет жизни узор.

Для кого-то солнечный свет
Разукрасил капли дождя.
Вытащу счастливый билет,
Под изгибом радуг проидя.

Выберу заветную нить:
В синий цвет уменя вплету,
Знания, чтоб потом ворожить,
В красный цвет любовь, красоту,

В золотой богатство и ум,
Жёлтый застрахует от бед –
В нём достаток денег и дум,
В голубом – смиренья секрет.

Молодость в зелёный узор
Заплетаю с женской судьбой,
Мудрость защищает от ссор
Фиолетовую каймой.

Радужною тропкой пройду
В нереальном поле чудес,
Я звено цепочки в роду,
Созданной по воле небес.

Японский сонет

Вечности холод,
Саван тумана белёс –
Путь в бесконечность.

Время застыло,
Озеро тайну хранит
Душ одиноких.

Птица кружит высоко –
В ней Дух Шамана.
Дерево на берегу,
Ветви танцуют.

Ветер порывист,
Кто-то прогневал богов,
Всё в ожиданье.

Бубен шамана
Странную песню завёл –
Будут вопросы.

В жертву баран принесён,
Сущности с неба
К нам на поляну пришли
В помощь шаманам.

Жаркое солнце,
Для ритуала накрыт
Стол с угощением.

Кто вопрошает,
Тот получает ответ
И исцеленье.

Люди бросают богам
Пищу земную.
Каждый уносит с собой
Благословенье.

ПУБЛИЦИСТИКА

Александра КОРОЛЁВА

Охраняя святыню, сохраняем себя

Суть дни, когда музеи особенно гостеприимно, т. е. бесплатно распахивают свои двери перед посетителями. При сегодняшней дороговизне билетов нетрудно посчитать, во что обходится каждому музею такая благотворительность. А ведь некоторые музеи ещё и приглашают гостей провести «Ночь в музее»... Хочешь жить – умей вертеться. Бурная выставочная деятельность современных музеев, поиск ими новых форм общения с посетителями – это вынужденная мера по привлечению к себе внимания, а чего она стоит, знают только сотрудники музеев и особенно те, кто заглядывают в «Книгу отзывов» посетителей...

«Вперед к назад» – вот как можно охарактеризовать основную тенденцию наших дней. Вопиющее невежество – о чём порой свидетельствуют автографы представителей подрастающего поколения в «Книге отзывов», указывает на плоды цивилизации. Плоды же культуры – города-музеи, которые растворяет в себе цивилизация. Растворяет – это мягко сказано, у нас, в России, наступающая на пятки культуры цивилизация старается просто не оставить от неё следа! А ведь ещё в V веке до н. э. в Древнем Риме существовал закон, согласно которому разрушителям памятников старины отрубали руки. Об этом факте истории Валентин Лаврентьевич Янин – историк, археолог, академик РАН – напомнил собравшимся на церемонии вручения (и ему в числе других деятелей культуры) премии «Хранители наследия», учреждённой Всероссийским Обществом охраны памятников истории и культуры. Думается, не зря напомнил. Может, всё дело как раз в жёсткой политике римских императоров, память о которой навсегда отучила римлян покушаться на материальные свидетельства культуры прошлых веков...

Отношение к Святыне – это отношение к Отечеству

Существуют ежегодные доклады президенту РФ о состоянии природного наследия. Но нет докладов о состоянии историко-культурного наследия. Сколько бы общественность не тревожила высоких начальников в министерстве культуры – воз и ныне там. Пример, колющий глаза – историческая Москва, продолжающая исчезать на наших глазах.

Александра Николаевна Королёва – заместитель главного редактора еженедельной газеты «Наша Губерния». Выпускница Московского государственного Университета им. М.В. Ломоносова, факультета журналистики. Работала в отделе литературы и искусств газеты «Комсомольская правда», в журнале «Крестьянка», в журнале «Советская женщина» («Мир женщины»). Член президиума Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (Московского областного отделения), а также член Центрального Совета ВОО ВООПИиК. Живёт в Москве.

Но что такое этот доклад? Это должно быть совершенно новое структурное отношение к историко-культурному наследию. Культура у нас, как известно, находится в хвосте бюджета, наследие – в хвосте культуры. В этой незамысловатой схеме как в зеркале отражено отношение ветвей власти к историко-культурному наследию страны. В результате мы видим целенаправленное уничтожение культурного наследия за счёт невнимательного отношения к проблеме.

Как изменить эту ситуацию? Очень просто. Обратиться к президенту страны и сказать, что историко-культурное наследие включает в свою сердцевину такое понятие как Святыня. Отношение к Святыне – это отношение к Отечеству не только земному, но и Небесному. Кто плохо к нему относится, тот враг стране и народу. Нам давно пора выстроить в обществе структуру отношений к ценностям.

Эпоха Средневековья сформулировала своё отношение к памятникам: культурное наследие, в виде святынь – источник богатства. А мы, так называемые цивилизованные люди, всё время смотрим на нашу проблему, как на ту, которая требует денег. А давайте посмотрим иначе: что страна может иметь от этого богатства? Исторические города, заповедные территории, природные заповедники, все памятники и музеи страны, что это такое как не источник богатства? Таким образом, вопрос о том, какой процент бюджета, какой процент профицита или Стабфонда нужно выделять культуре – пустой совершенно! Потому что никаких этих денег не хватит. Пусть лучше президент страны обяжет всех министров, всех основных функционеров и всех губернаторов составлять отчёты о сохранности памятников отечества. А если к этому отчету присовокупить результаты независимой общественной экспертизы, то получится настоящий общественный контроль! Сам собой появится реестр памятников, которого, увы, до сих пор нет в министерстве культуры РФ! Да-да! Нет списка памятников и исторических городов! Зато есть люди, которые заинтересованы, чтобы этой информации не было. Потому что у них нет понимания проблемы того, как и что надо делать.

А казалось бы, как всё просто! Вот пришёл на предприятие новый директор, как оценить его работу по прошествии определённого времени? Прежде всего, по состоянию фондов. Если эти фонды выросли за время его пребывания в должности, значит, его деятельность была хорошей. А если они упали или растрочены... Вспомним римских императоров, знавших, как решать подобные вопросы. Вот и сегодня деятельность министров и губернаторов следует оценивать исключительно по отношению к главному источнику богатства страны. А этого можно добиться только на основании доклада Президенту и Премьеру.

Культура – фундамент всего остального

«Культура – это та сфера, которая не может себя потерять на всю жизнь, – считает Сигурд Оттович Шмидт, доктор исторических наук, академик Российской академии образования, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. – Она фундамент всего остального, что обеспечивает величие государства. Я сорок лет состою во Всероссийском Обществе охраны памятников истории и культуры, в последние годы Общество старается, прямо скажем, выживать. Я думаю, что нужно принять какие-то меры и не только всяческой поддержки, но и по поводу ожидаемого всеми нами закона о меценатах. Очень хорошо, что есть в Государственной думе люди, которые стараются его провести. Мне не понятно как гражданину, почему это задерживается? Потому что, конечно, и среди и тех, кого мы называем олигархами, и тех, кто считает себя культурными людьми слишком много не понимающих значение культурных традиций... И в то же время есть люди, которые готовы отдать деньги, но человеческая природа есть человеческая природа и, если у людей имеется энергия, чтобы аккумулировать большое количество денег, то простим им такую слабость, как честолюбие. Они должны знать, что заслуги их важны для государства. Третьяковская галерея называется Третьяковской галерей, музей Бахрушина называется музеем Бахрушина, Боткинская больница называлась Солдатенковской больницей, больница Алексева – Алексеевской

больницей. Я называю имена богатейших москвичей, которые много денег отдавали культуре.

Я был поражён, когда попал в Нью-Йоркскую библиотеку, там, на самом высоком здании светятся имена попечителей: десяток Рокфеллеров, несколько по фамилии Морган... Слава Богу! – пусть люди знают! Конечно, таким людям надо давать льготы по уплате налогов.

Сейчас наблюдается настоящий бум краеведения – это следствие тех изменений, которые произошли в последнее время в нашей стране. Увеличилась возможность независимых действий культурных органов. Издаются даже дорогостоящие местные энциклопедии, проводятся конкурсы краеведческой литературы. И нам трудно справиться, у нас мало возможностей поощрения тех, кто того заслуживает. Проводятся конференции. Почти все конкурсы посвящены местной истории. Обществу надо искать контакты с краеведческими объединениями, которые были прерваны. Во всех музеях надо ввести один день в неделю бесплатного посещения. Надо, чтобы школьники получали в подарок дешёвые книги, детские книги дорого стоят. Люди должны знать, кто в таких трудных условиях защищает культурные традиции».

Тоска по настоящему

Центральный Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры часто в своих стенах, в Гагаринском переулке Москвы, проводит художественные выставки. Сравнительно недавно там выставлялись ярославские художники. На вернисаж вместе с художниками пожаловали и артисты. Приехали за свои кровные, не побоялись трескучего мороза, стоявшего в тот день, голоса их от холода слегка осипли, но зато энергии и задора им было не занимать – и никакой фонограммы! Радость общения длилась два часа. А перед тем как состояться в Москве, аналогичная выставка прошла в Санкт-Петербурге, в Смольном, она называлась «Великая Земля Ярославская». Люди смотрели и... некоторые плакали. Отчего?

Парадоксальные явления дней нашей жизни можно наблюдать повсюду. Вот открывается православная выставка-ярмарка, а на ней, среди церковных атрибутов, продаются... диски с записями советских песен. И приглашают на свои собрания церковники порой артистов, популярных ещё в советское время. С одной стороны – парадокс. Но с другой – очевидная пропаганда патриотического воспитания, которым пытается заниматься православная церковь, а вовсе не современная светская власть.

А теперь представим другую удивительную картинку...

Ярославские мужики узнали, что к ним граф из Франции едет. Всю ночь они расчищали дорогу от снега, мальчишки утром выстроились вдоль неё, чтобы попросить у графа автограф. Прокатили барина на тройке, кучера по такому случаю приодели, как следует, да и бабы нарядились, и спели графу радостную песню по случаю его возвращения! Накормили дорогого гостя Петра Петровича Шереметева гречневой кашей с копчёными колбасками – узнали же, что любит! Подарили ему икону, берёзовый веник и расписной самовар. А ещё и портрет его написали...

Когда такое могло случиться? Открою секрет, в 1993 году! И что такое могло приключиться с советскими людьми, вдруг вспомнившими своё холопское прошлое? В общем-то, ничего особенного – в народе проснулась генетическая память, но именно приветливое поведение людей по отношению к гостю-аристократу свидетельствовало об их внутренней свободе, которую они то ли обрели за годы жизни в СССР, то ли наоборот сохранили в себе, несмотря на недостатки советского идеологического воспитания – загадочна русская душа.

В те годы, конец 80-х – начало 90-х прошлого века, в умах соотечественников происходило брожение. Кто-то опрокинулся в религию, кто-то подался к земле родной, в деревню, пахать и сеять, на свой страх и риск, кто-то – на чужбину искать своё счастье, а в Ярославле, представьте себе, учредился Шереметев-центр, а возглавила его врач Скорой помощи Нина Павловна Кузнецова. Вдруг художники, поэты, искусствоведы словно заново увидели свой край, и давай поднимать генеалогию Шереметевых.

– Помню бабушка мне пела: «Вечер поздно из лесочку...», «Ты родилась крестьянкой, завтра будешь госпожа...», Шереметевские былины от фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева... Всё вспомнилось вдруг», – рассказывала Нина Павловна.

Вспору задуматься: да что же надо было этим людям? Чего хотели? Ответ прост как правда, – жить по-своему! Собрать по крупицам то важное – потому что родное! – что неизбежно теряется на крутых поворотах истории. Вот ярославцы, например, установили место, где родилась Прасковья Жемчугова-Шереметева и поставили там памятный знак. А чем дорога им эта особа, бывшая крепостная актриса графов Шереметевых? Оказывается, по завещанию её, был построен странноприимный дом в Ярославле.

Каждая картина на выставке заключала в себе особый символ и смысл, тут и Ярославна, и Ярослав Мудрый, и памятники архитектуры, которые, увы, существуют уже только на картинах – спасибо, хоть в красках запечатлеть успели. И портреты современников в национальных одеждах. И современницы в образах исторических персонажей. На вернисаже дружно тосковали по баньке – всё, что осталось от некогда богатого дома купца Трефилова, – и та сгорела. И по замку Фюрстенберга, свидетеля эпохи Ивана Грозного и Ливонской войны – фундамента даже не осталось. И по пропадающему дворцу Понизовского... Вспоминали бывшего крепостного, который занялся предпринимательством и стал впоследствии купцом Первой гильдии. Его внук построил дворец за два года, сейчас этот памятник гибнет, надо бы откачать воду из подвалов, и дворец сохранится, да ответственные люди говорят: дорого, денег нет. Сорок три церкви в Любинском районе, а службы идут только в четырёх, остальные в запустении, внутри растут деревья.

Все вещи изображённые ярославскими художниками на картинах – подлинные, принадлежавшие эпохе Шереметевых – шаль, блюдо для отбития творога, валёк... Вещи-то уцелели, а вот усадьбы все уничтожены на Ярославской земле в Гражданскую и позже. А в перестройку уже – ой, как похоже всё! – разорён был музей «Космос» – стёкла выбиты, помещения осквернены, крыша проломана. Участники Шереметев-центра спохватились, восстановили музей, всё-таки Валентина Терешкова их землячка. Стыдно не чтить тех, кто славу стяжал ярославцам, которая в веках остаётся, да к тому же земля ярославская скоро отметит своё 1000-летие, надо, чтобы было всё честь по чести. А Терешкова в долгу не осталась, помогла местному самодеятельному ансамблю «Русская песня» (которому уж двадцатый год) под профессиональным управлением Марии Яковлевны Яковлевой поехать на Мальту с гастрольями. Там в рамках 300-летия Российско-Мальтийских связей был устроен русский уголок Шереметевых. Дважды ансамбль побывал в Италии, потом в Германии, Польше, Финляндии, Индии. Частый гость он в индийском посольстве в Москве. Вера Гусева, солистка его, – дипломант конкурса «Играй гармонь!». А ещё были гастроли в Пензе, Рыбинске, Мышкине, Липецке и Санкт-Петербурге.

Смотришь на этих людей и... завидуешь. По хорошему, конечно. Задору, энергии, неподдельному интересу к жизни, нестяжательству, доброте, остроумию (послушали бы вы их частушки!), а ещё умению радоваться и стремлению радовать других.

– Поём песни, которых нет в антологиях, собираем их по всему нашему краю, – рассказывала Мария Яковлевна. – Вот одна из них «Рябина» – в ней все слова поэта нашего Ивана Захаровича Сурикова. Марина Дмитриевна Шереметева приехала из Парижа, услышала и добавила куплет, который мы не знали. А уж Шереметевские былины поём только мы!

И тем для былин ярославцам не занимать, ведь жили на их земле такие легендарные личности как Александр Невский, адмиралы Ушаков и Невельской, Брюс, Репнины, Голицыны, Правосковья Жемчугова – лучшая певица Останкино и Кусково, актриса Пелагея Стрепетова, Щербатовы, Урусовы, Шаховские, скульптор Опекушин. Из крепостных Елисеевых вышел владелец магазинов в Москве и Санкт-Петербурге, Ю.В. Жадовская и поэтесса Мария Петровых.

«Мы хотим, чтобы это продолжалось», «Хочется верить, соберём силы...» Вот такие пожелания самим себе звучали на вечере ярославцев в бывшем доме Нацкино, что в Гагаринском переулке Москвы, где расположился Центральный Совет

ВООПИиКа – того самого Общества, которое «в советское время было правой рукой государства», – как сказал ещё один лауреат премии «Хранители наследия» А.Н. Кирпичников, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель раскопок в Старой Ладого.

Парадоксы нашей жизни

Не один десяток лет ВООПИиК проводит Всероссийский фестиваль любительских видеофильмов и фильмов региональных телестудий, посвящённых историко-культурному наследию и традициям народов Российской Федерации. «И не прервётся связь времён...»

Ещё один парадокс нашей жизни: чем больше телеканалов входит в наши дома вместе с возможностями цифрового телевидения, тем меньше мы узнаём о реальной жизни в своей стране. Телевизионное начальство угощает нас рекламой, развлекает до одури и, между прочим, объясняет, какие мы моральные уроды – пьяницы, наркоманы, жестокие родители, убийцы, грабители и прочее. При этом же откровенно затыкает рты тем, кто стремится осмыслить текущий момент истории, осознать себя в нём. Разве не тревожит то обстоятельство, что у региональных телерадиокомпаний становится всё меньше времени в сетке программ? Всего две минуты! Мыслить в жанре информации, значит лишиться ума. И мы, кажется, уже включились в этот процесс потери рассудка.

В селе Мансурово Истринского района стоит Никольская церковь XIX века. На сегодняшний день более чем благополучная, стараниями её батюшки. И дай Бог ему удачи и процветания. Но всего-то в километре от неё, в Юркино – другая, 1504 года рождения – почти XV век! Пропадает. Много ли подобных древних памятников архитектуры уцелело в Московии?! 500 лет простоял этот шедевр, созданный, по всей видимости, итальянскими мастерами, о чем свидетельствует их «автограф» – особенный фриз на западной стороне церкви. Можно представить себе, сколько людей и событий повидал этот храм на своём веку. И вот стоит теперь у дороги, недалеко от Новорязанского шоссе, почти рядом с Ново-Иерусалимским монастырём, одинокий, окружённый неухоженным кладбищем, разрушается. Не знающие, куда себя приложить, подростки сожгли колокольню. Если не предпринять экстренную реставрацию, это изумительное по своей красоте и лаконичности форм здание, несущее в себе память о полутысячелетней истории земли нашей, упадёт. Но, по большому счёту, ни в Москве, ни в Подмосковье никому до этого памятника федерального значения нет дела.

А вот ещё живая картинка, как нельзя точно выражающая стиль нашей жизни сегодня: сквозняк в головах, грубость в сердцах, непонимание, куда и зачем идём.

Александр Васильевич Суворов, фельдмаршал, написавший «Науку побеждать» никогда не стремился казаться. Он всегда был. Он прожил яркую красивую жизнь, уйдя из неё, в отличие из временщиков, никогда и никем не побеждённым. Потрясающую историю рассказали на последнем фестивале создатели фильма «Суворов на Суздальской земле» (В. Осетрова). Там на Владимирщине, рядом со знаменитым историко-культурным и ландшафтным заповедником «Золотого кольца» стоит почти разрушенная никому не нужная церковь, плиты которой... хранят прикосновение ног Александра Васильевича. Тут было родовое имение его отца (камера, озирая местность, уже не находит фактов присутствия благородного семейства и пытается художественными методами реконструировать не столь уж далёкое в исторической перспективе время), здесь сформировался и закалился характер будущего прославленного полководца. Но турист, побывавший в Суздале, даже не догадается, мимо каких исторических сокровищ он прошёл.

Кто же виноват в нашем общем беспамятстве?

Гражданская война на нашей земле не утихла, а быть может, разгорается вновь. К этой чудовищной мысли подвёл фильм Рязанской ГТРК «Ока» «Как в Рязанском селе восстанавливалась память». Это простой рассказ о жительнице села Красильниково Т. Буровой, пенсионерке, которая решила восстановить на собственные средства

разрушающийся склеп дворян Головниных, некогда владевших тут землями. Зачем? Т. Бурова помнила, как хорошо отзывались люди о бывших барах, а её бабушка и вообще была кормилицей детей Головниных, выходит, – почти родственники. И вот женщина, пришло время, испытала чувство личной сопричастности историческому процессу, напомнив землякам, что роду Головниных 615 лет и является он 37-м коленом от Рюрика и негоже им забывать об этом. Больше того, она и районную власть заразила своим энтузиазмом! Правда, та, пребывая в состоянии нескончаемых перевыборов, на деле всё никак не могла помочь Т. Буровой материально. Пенсионерку это не смутило, кончилось дело тем, что в селе, к 225-летию Василия Головнина, знаменитого российского инженера и флотоводца, был установлен великолепный памятник. На открытии съехались потомки знатного рода из разных городов и весей. «Не поздновато ли?» – спрашивали журналисты. «Нет, – ответствовали потомки, – значит, теперь дозрели...». Практически на этой мажорной ноте фильм и заканчивается. А уже из беседы с создателем фильма мы узнали, что памятник был скоро разрушен подростками. Узнав об этом, тележурналисты немедленно помчались в Красильниково, но были остановлены властным окриком. Не нужны печальные вести, накануне выборов. Вот так грубо и жестоко гасится народная инициатива.

Справедливости ради надо сказать, что памятник восстановлен, но случившийся инцидент и отношение к нему разных людей ещё долго будет тлеть в душах, готовый при случае разгореться в новый костёр, мягко говоря, разных взглядов на отечественную историю.

В фестивале принимает участие практически вся Россия. Знакомство с чувствами и мыслями, переданными в документально-художественной форме, обогатило бы страну духовно, будь эти короткие по времени ленты показаны хотя бы по одному из главных каналов российского телевидения. Мы – зрители, энтузиасты могли бы, что называется, сверить часы, объединиться в духовном пространстве, почувствовать плечо друга, неравнодушного к сохранению нашего общего культурного наследия. Но нет, не находится нам места в нынешнем криминально-развлекательном телеэфире. Не узнает широкий зритель об удивительных людях, настоящих шукшинских героях-чудиках, таких как бывший узник Дахау, в своём доме устроивший музей памяти жертвам концентрационных лагерей («Сад памяти» видеостудия «эфТэЛь», Ф. Лундовская). И о почти парализованном человеке, который, чтобы не думать о болезни, начал вырезать по дереву и болезнь отступила настолько, что он смог работать сидя, и создаёт настоящие шедевры, «чтобы людям оставить красоту и добро» («Народный умелец Шматович В.И.», Областной Центр народного творчества). О Надежде Кузевановой можно было бы сочинить поэму. Ей 75 лет. Она одна ухаживает за могилой солдата, замученного фашистами. Сама – в войну похоронила, а теперь сама же цветы сажает у памятника. И горюет, что больше некому этим заниматься. «А подростки?...» – интересуется журналист. Оказывается, им – дела нет. «Я их не осуждаю, – говорит Надежда, – мы горя много пережили, а у них другая жизнь...» Фильм называется «Они со мною говорят» (ТРК «Истра», Т. Щербаненко) длится всего 6 минут, но отпечатывается в памяти бескомпромиссной честностью и пронзительностью.

К сожалению, минувшей осенью, 2009 года, ставший, как уже показалось, традиционным кинофестиваль не состоялся, не нашлось средств на его проведение.

Что объединяет нацию?

Говоря о состоянии памятников Отечества, сегодня уместно вспомнить, что купцы-меценаты наши были старообрядцами, людьми высоких нравственных качеств, крепкого купеческого слова. Делиться своими доходами было у них в традиции. Стояла ли за этим актом гражданского волеизъявления семейная тайна (грех, который хотелось замолить, или бездетность...) или искренняя любовь к Родине, только доля их благотворительного капитала составляла внушительную сумму – 15 процентов национального бюджета России. И феномена, подобного этому не было нигде в остальном мире.

На деньги купечества строились больницы, учебные заведения, общежития для рабочих (где каждый день менялось постельное бельё!), дома культуры, где после работы можно было послушать музыку, увидеть спектакль, испить чаю. А, уж, сколько храмов построено было благодарными купцами по всей России – не счесть! А особенно! Одна Самара – чего стоит! Что не улица – архитектурная эклектика: барокко, ампиры, классицизм, конструктивизм... Богатые, уютно спланированные города протянулись вдоль берегов Волги, они всё ещё напоены чистым, душистым, вкусным воздухом, какого уже нет даже в дальнем Подмосковье. И речь звучит на улицах волжских городов нормальная русская, без дикой смеси наречий, привнесённой в Москву авантюристами иногородцами без роду и племени. Одностораживает, сегодня крупный капитал, так изуродовавший первопрестольную, вытравив из неё и московский дух, и московский говор, теперь приходит в провинцию. И это новорусское меценатство, не склонно прислушиваться к мнению специалистов – архитекторов, археологов, историков, ваяет на свой вкус и лад. Малые бои за облик городов, за конкретные памятники уже разгораются в малых городах России. Например, в Ярославле на территории кремля, на месте православного храма и кладбища, американские мормоны практически на костях намереваются возвести отель «Мариотт». И администрация города, судя по всему, идёт им навстречу. Подобных примеров немало.

Сегодня объединить нас всех как нацию может только наша общая история. Большая беда на этом пути та, что чиновники, без которых, увы, мы – общественники – никто, и звать нас никак, слишком уж часто меняются на своих постах. Только с одним наладишь контакт, и он начнёт понимать степень своей ответственности перед потомками в культурном плане, как глядишь, его уже и след простыл и начинай все сначала с новым аборигеном коридоров власти. И даже странно и неловко оттого, что именно чиновников нам приходится знакомить с Конституцией РФ (статья 44, пункт 3), где сказано, что «каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». И только самым дипломатичным из нас удаётся убеждать их в том, что памятник архитектуры – это товар, цена которого только растёт год от года. Что охрана нашего наследия – главный вектор социально-экономической политики страны. Что быть членом ВООПИиК, поддерживать эту общественную организацию материально – не обременительно, но престижно и почётно.

...Нам так много надо сделать. Сохранить и восстановить памятники. Подготовить достойную молодую смену себе. Возродить угасшие за перестройку производства, например, льноводство или гармоники саратовской... Отстоять национальные парки, увеличить на наших картах число исторических памятников и достопримечательных мест, незаслуженно обойдённых этим отличием. Мы должны глубоко осознать, за что Бог наказал Россию в XX веке (ввергнув её в столько революций и войн), быть бдительными, охраняя великую драгоценность, доставшуюся нам от предков, при всех своих несравненных достоинствах не сумевших уберечься от ошибок перед Отечеством и его народом. Ведь что мы демонстрируем миру сегодня? Полноса богатства и бедности, жадности и расточительности, полётов ума и беспросветной глупости, упорствующей в своих заблуждениях. Какую-то неестественную приверженность к чужой культуре с одной стороны и граничащее с безумием отвержение всего чужого, как вредного – с другой... Контрасты нашего национального характера уже утомили и измотали нас самих. Страна, в которой ученики подают в суд на экзаменаторов (устроителей ЕГЭ), не может считаться благополучной в культурном плане. Нам надо сделать шаг назад, чтобы осознать себя теми, кем мы являемся генетически, а затем сделать два шага вперёд, в наше прекрасное будущее, неразрывно связанное с традициями прошлых веков.

ПОЭЗИЯ

Алим АЛАФАЕВ

Алим (Анатолий) Азретович Алафаев – родился 8 февраля 1948 г. в семье депортированных балкарцев (Киргизия). В мае 1957 г. вместе с родным народом репатрирован в Кабардино-Балкарию. Пишет стихи с 14 лет. Русскоязычный балкарский поэт, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, лауреат Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна» (Уфа, 2011). С 2009 г. преподаёт в КБГУ. Автор научных монографий по истории русского либерализма XIX века и четырёх поэтических сборников.

Живёт в Нальчике.

Посвящение на камне

Песня о Кабардино-Балкарии

А.Х. Борову,
собрату по перу и духу

Пою снега Эльбруса
И двух вершин союз,
Любя сыновним чувством
Республику свою.

Здесь дружат два народа
И третий – побратим.
И каждый благороден,
И каждый мной любим.

Одной семьёй в столице,
Создав земной уют,
Балкарцы, кабардинцы
И русские живут.

Двуглавый лик Эльбруса –
Орлиной власти знак.
Чем крепче братьев узы,
Тем их сильней кулак.

Они непобедимы,
Как синий небосвод.
И горы, и равнины –
Душой один народ.

Мы – Прометей дети
Земли меняем лик.
Одно нам солнце светит,
У нас один язык.

Судьбою выбран – русский –
Для всех кавказских гор.
Степь не бывает узкой,
В горах всегда простор.

А как светла столица
Улыбкой встречных лиц,
Кто видел эти лица –
Забудет сто столиц!

Здесь мудрые мужчины
И нежен женский взор,
Здесь горные долины
Сплелись с долиной гор.

Звенит подковой Нальчик,
Любя по-братски Русь.
И солнце светит ярче
Тебе, седой Эльбрус!

Посвящение на камне

Аскеру Додуеву

Люблю стихи я посвящать
Друзьям, приятелям, голубкам
И рифмой звонкою вещать
Об их делах, словах, поступках.

А рядом старый друг живёт,
Поможет тихо, незаметно,
Положит за меня живот
И на обиду не ответит.

Парит светило из светил,
Служа Эльбрусу без забвенья.
Стыжусь – ему не посвятил
Ни одного стихотворенья.

Мой друг – сын света и добра!
И сердце говорит, поверьте,
Что наточить перо пора
И подарить ему бессмертье!

Но, отложив перо, точу
Стальной резец, трудясь часами...
Прославить друга я хочу
Не на бумаге, а на камне!

Бессмертье поэта

М.Ю. Лермонтову

Выходил один ты на дорогу –
И шептались звёзды меж собой.
На Руси никто не видел Бога,
Лишь поэт с орлиною душой.

Плыл мятежный одинокий парус,
Изливая в песнях чудный свет.
Приходил, с судьбою споря, в ярость:
На земле любви и счастья нет!

Сын добра, борьбы и вдохновений,
Не землём, а небом был любим.
Отомстив стихом за павший гений,
Недоцветший, поспешил за ним.

Как и он, погибший на дуэли,
Был убит завистливой рукой.
На Кавказе, что вдвоём воспели,
Отыскал свободу и покой.

На Машук паломничаю часто,
Что дуэлью скорбной знаменит.
Я бы умер и воскрес от счастья,
В чёрный час кумира заменив!

Становясь пророком и мессией,
Предсказал свободу без царей.
Над немытой пролетел Россией,
Как гроза, от гор и до морей.

Ждёт, тоскуя, старая дорога,
Звёзды плачут, душу теребя...
В громовых раскатах слышу Бога,
В блеске молний узнаю тебя!

Россия и Кавказ

Расулу Гамзатову

Россия помнит прошлого уроки,
Что покорил Кавказ не царский штык,
А Пушкина пленительные строки
И Лермонтова мужественный стих!

Погибли ненасытные тевтонцы,
Мечтавшие сломить седой Кавказ,
Отнять у горцев небо, горы, солнце,
Преступный выполнявшие приказ.

Их прокляли и старики, и скалы,
И небо, чей пылал от гнева взор.
Они награды и чины искали,
Но обрели бесславье и позор.

Вдали трудилась мирная Россия,
Она Кавказу ближе и милей.
О, бурных рек танцующая сила
И песня васильковая полей!

Пою не генералов, а поэтов,
Великих полководцев светлых слов.
Парят орлы, как солнце над планетой,
Пленяя горцев клёкотом стихов.

Россия помнит прошлого уроки,
Что покорил Кавказ не царский штык,
А Пушкина божественные строки
И Лермонтова благородный стих!

Молитва

Судьба земных вершин во власти Бога,
За них душой орлиною молюсь.
На тучи чёрные поглядывая строго,
Крутые плечи выпрямил Эльбрус.

– Ужели тучи – войско Эвереста,
Или на Вы пошёл мой друг Эльбрус?
Столпы Востока, мы должны быть вместе! –
Так думал опечаленный Эльбрус.

В тигровой шкуре он узнал Казбека,
За ним, как лев, виднелся Арарат.
Они с Эльбрусом дружат век от века,
Для них Двуглавый – мудрый старший брат.

Вдали завыл, как волк, вулкан внезапно,
То был Везувий, шедший на Кавказ.
Вулкан Эльбрус, взглянув на дикий Запад,
Вдруг зарычал, как грозный снежный барс.

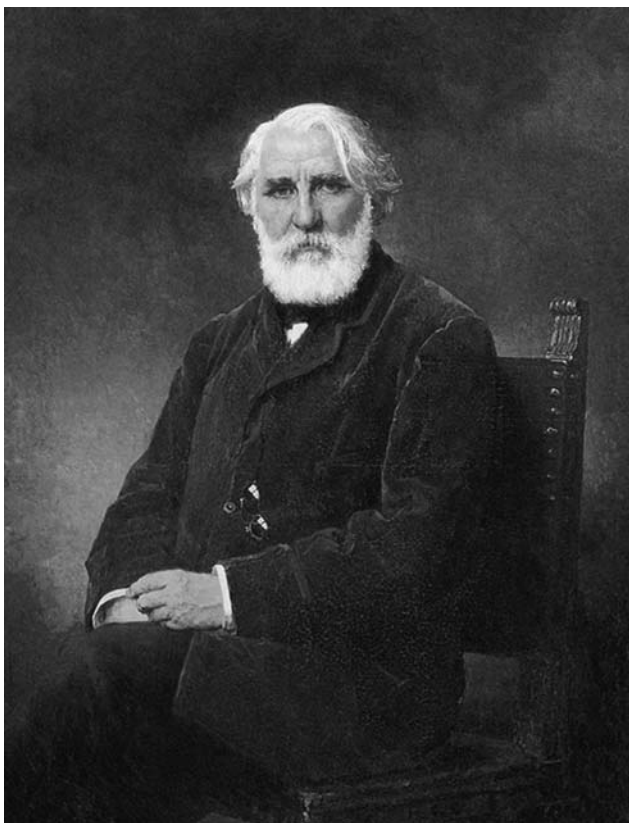
Вилял хвостом воинственный Везувий,
Молчал Монблан, остыв от лавы чувств.
Молил я горы от слепых безумий
И клекотал, взирая на Эльбрус!

О, Боже, дай пророческую силу,
Чтоб, победив молитвами в бою,
Я мог спасти любимую Россию,
А значит, и Балкарию мою!

К 160-летию первого издания

Христианский дух земли русской в «Записках охотника» И.С. Тургенева

«Записки охотника» И.С. Тургенева (1818–1883) – одна из тех книг отечественной классики, где наиболее сильно выражен «русский дух», где в прямом смысле «Русью пахнет»: «Вы раздвинете мокрый куст – вас так и обдаст накопившимся тёплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, мёдом гречихи и “кашки”; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце» («Лес и степь»). В рассказе «Певцы» Тургенев пишет о своём герое: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо

Портрет И.С. Тургенева.
Худ. А.А. Харламов

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета.

Живёт в Орле.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль». Писатель явил себя таким же певцом благословенной русской земли, с тем же одухотворённо-проникновенным голосом: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны». Этими тургеневскими словами можно было бы выразить пафос цикла рассказов в целом.

Неслучайно И.А. Гончаров, прочитав «Записки охотника» во время своего кругосветного путешествия, у берегов Китая – за тысячи вёрст от России – ощутил её дух, её живое присутствие: «заходили передо мной эти русские люди, запестрели берёзовые рощи, нивы, поля и <...> прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я – всё забыл. Орёл, Курск, Жиздра, Бежин луг – так и ходят около». Гончаров отметил, что Тургенев не только с детства «пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов», но и «сохранил в душе образ страданий населяющего их люда».

В год кончины Тургенева его друг и поэт Я.П. Полонский говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так всё это выразить мог только великий писатель».

Ф.И. Тютчев пронизательно уловил в «Записках охотника» тургеневское стремление к синтезу реального и сакрального: «поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного».

Известно, какое глубокое впечатление произвели «Записки охотника» на земляка Тургенева – Н.С. Лескова, заслуженно признанного «величайшим христианином среди русских писателей». Он испытал настоящее нравственно-психологическое потрясение, впервые прочитав тургеневский цикл: «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством».

М.Е. Салтыков-Щедрин справедливо считал, что «Записки охотника» значительно повысили «нравственный и умственный уровень русской интеллигенции».

Л.Н. Толстой писал, что рассказы тургеневского цикла ещё в юности открыли ему, что русского мужика «можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом».

В.Г. Короленко вспоминал, как, познакомившись в свои гимназические годы с «Записками охотника», впервые испытал чувство внутреннего обновления, ощутил духовное просветление: «Меня точно осияло. Вот они, те „простые“ слова, которые дают настоящую, неприкрашенную „правду“ и всё-таки сразу поднимают над серенькой жизнью, открывая её шири и дали, <...> озарённые особенным светом».

М. Горький называл «Записки охотника» в числе книг, которые «вымыли» ему душу, «очистив её от шелухи».

Сходное впечатление испытывает и нынешний вдумчивый читатель, хотя со дня публикации первого рассказа цикла «Хорь и Калиныч» (1847) минуло более 165 лет и более 160 лет – со времени первого отдельного издания «Записок охотника» (1852). «Склад жизни изменился, а звук души остаётся», – говорил Б.К. Зайцев о восприятии тургеневского творчества в статье «Непреходящее» (1961).

Быть неувядаемой, всегда новой и актуальной – таково свойство русской словесности, уходящей своими корнями в сакральные источники христианства. Так, Новый Завет, пребывая вечно новым, призывает человека любой исторической эпохи к обновлению, преображению: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь

обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что (есть) воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2). Каждый, кто прикасается к Евангелию, всякий раз открывает для себя заново слово Бога живого. Живые голоса русских писателей звучат для нас, когда мы перечитываем классику и неизменно черпаем из её глубин нечто такое, что до времени оставалось скрытым от восприятия. Так, прочтение на новом уровне рассказов Тургенева в христианском контексте понимания может стать настоящим открытием, открытием.

Доминантой приведённого отзыва Лескова о «Записках охотника» является слово «правда» во всей его полисемантической объёмности: правдивость реалистического изображения; реализм в «высшем смысле», одухотворённый романтической традицией; и главное – правда как вечное стремление к высшей Истине, к идеалу Христа, сказавшему: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14:6).

Бесплодным оказывается направление прежнего литературоведения, провозгласившее Тургенева атеистом. Побеждая свои религиозные сомнения, в практике художественного творчества писатель изображал жизнь в свете христианского миропонимания. В «Записках охотника» Тургенев показал, что именно духовное, идеальное содержание – основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия.

Герои «Записок» – русские православные люди. Как известно, понятие «русский» исторически уже подразумевало: «православный христианин». Свидетельство полноценного, духовно не повреждённого чувства национального достоинства – народное самоназвание: «крестьяне», в простонародной артикуляции – «хрестьяне», то есть «христиане» – верующие во Христа.

В бытии и быте народа ощутимо живое Божье присутствие. Христос – в жизни, в сердце, на устах русского человека. «Господи, владыко живота моего!»; «ах, Господи, Твоя воля!»; «прости, Господи, моё прегрешенье!», – то и дело приговаривают герои тургеневских рассказов: старик Туман («Малиновая вода»), Калиныч («Хорь и Калиныч»), мужик Анпадист («Бурмистр»), многие другие. Наслушавшись в ночном зловещих поверий о нечистой и неведомой силе, маленькие герои рассказа «Бежин луг» ограждают себя крестом, именем Божиим. Все герои «Записок охотника» молятся, осеняют себя крестным знаменем, божатся, призывают «Господа Бога в свидетели», просят «ради Самого Господа Бога нашего», уповают на «силу крестную»; на то, что «Бог милостив», и т.д.

Всё это не формализация застывших речевых оборотов, а духовная составляющая русского языка, словесное выражение православного духа русского народа, христианской языковой среды его обитания; показатель глубинной связи слова с самой его сущностью в таинстве языка: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1).

В каждом жилище русского человека: будь то помещичий дом или крестьянская изба – теплятся лампадки перед образами: «перед тяжёлым образом в серебряном окладе» в богатой избе Хоря («Хорь и Калиныч»); в «чистенькой» комнатке

провинциальной барышни («Уездный лекарь»). Чистое пламя лампадок, свечей символизирует горение духовное, благоговение, внутренний трепет перед Богом в надежде покаяния и обновления души. Православный человек, входя под любой кров, прежде всего крестится на образа, показывая тем самым, что истинный хозяин дома – Господь Бог. Так, в больнице у фельдшера «мужик вошёл в фельдшерovu комнату, поискал глазами образа и перекрестился» («Смерть»).

Тургенев упоминает также народный обычай с образами обходить пострадавшие от пожара лесные угодья – с тем чтобы с Божьей помощью возродить оскудевшую «производительную силу» земли на таких «заказанных» (с образами обойдённых) пустырях («Смерть»). «А с Богом-то завсегда лучше», – так выражает убеждение всякого православного человека Филофей – герой рассказа «Стучит!».

На Руси в каждом селе – в таком, например, как Шумихино, «с каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана» («Малиновая вода») – была церковь. Божьи церкви становились духовно-организующими центрами благословенных просторов родной земли. Они являлись и целью паломничества, и пространственными ориентирами, и условленным местом встречи для странников, путешествующих. Так, охотник сказал своим спутникам, что будет «ждать их у церкви» («Льгов»), и «добрался наконец до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами» («Контора»).

Все крестьяне в «Записках охотника» – люди Божьи. Каждый наделён своими талантами и дарованиями. Особо одарённые натуры: Яков Турок («Певцы»), Павлуша («Бежин луг»), Матрёна («Пётр Петрович Каратаев»), Акулина («Свидание»), Лукерья («Живые мощи»); главные герои одноимённых рассказов Хорь и Калиныч, Бирюк, Касьян с Красивой Мечи и другие – выписаны ярко, рельефно, выпукло.

Но есть и такие, которые кажутся совсем невзрачными, как бы невидимыми, живут что называется «святим Духом». Но и эти с виду неприметные люди пребывают в лоне православных традиций. Так, церковный сторож Герасим проживал в каморочке «Христа ради», как и другой герой рассказа «Малиновая вода» – Стёпушка, который «не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании», и всё же в «Светлое Воскресенье с ним христосовались».

Вглядываясь в русскую литературу, известный духовный писатель XX века митрополит Вениамин (Федченков) отмечал, как «мало в ней положительных типов! Всё больше грешные, страстные. Хорошие люди почти исключение». Среди этих «исключений» названы герои «Записок охотника», где «изображены преимущественно люди из “простого народа”, немало хороших людей. Из всех выделяется истиннопреподобная Лукерья («Живые мощи»).

Писатель показал русских людей как искателей и носителей истины, Божьей правды. «Мысль народная» во всех её ипостасях, в национально-русской, всемирно-исторической и метафизической перспективах – всепроникающая в цикле рассказов. Тургенев писал Полине Виардо: «Я продолжу моё изучение русского народа, самого странного и самого удивительного народа на свете».

Таков Касьян с Красивой Мечи из одноимённого рассказа – образ странный и удивительный. В нём ярко выражены христианские черты, и в то же время – много сложного, противоречивого. Недосказанность как художественный приём в создании образа особенно усиливает его загадочность, неоднозначность.

Охотник настолько потрясён встречей с Касьяном, что на мгновение теряет дар речи: «до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазами и курчавыми, густыми чёрными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Всё тело его было чрезвычайно щедро и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд. <...> Звук его голоса также изумил меня. В нём не только не слышалось ничего дряхлого, – он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен».

Карлик с диковинной внешностью выглядит как существо таинственное, полусказочное. Этот «странный старичок» чем-то напоминает гриб, высунувшийся из-под

земли. И в самом деле герой органично связан с землёй, с родной почвой, с русской природой. Касьян словно лесной гном – хранитель леса и его обитателей.

Гибель деревьев ради коммерческих интересов, срубленные места в лесу (на орловском диалекте – «ссёчки») вызывают в Касьяне душевную боль. Не имея возможности помешать хищнической вырубке, герой апеллирует к Божьему суду: «Тут у нас купцы рощу купили, – Бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, Бог им судья». Да и сам автор видит в рубке леса нечто трагическое, уподобляя срубленное дерево человеку, умирающему в последнем земном поклоне: «Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно кланаясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево...».

Касьян живёт в полном симбиозе с миром природы, буквально говорит с ней на её языке. Завидев маленьких птичек, «которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, переключался с ними; порошок* <*молодой перепел. – Примечание Тургенева. А.Н.-С.> полетел, чиликая, у него из-под ног – он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, – Касьян подхватил его песенку».

Природа в ответ открывает герою целительные тайны своей «Божьей аптеки»: «есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травы – Божьи». Вместе с животворными «чистыми», «Божьими» травами Касьяну ведомы и другие растения – загадочные, «греховные», применяемые только вкупе с молитвой: «Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Ещё с молитвой разве...».

Так, в своей практике врачевания Касьян также предстаёт как христианин, оградивший себя молитвой, заручившийся Божьей помощью. Сопровождая охотника, таинственный знахарь «беспрестанно нагибался, срывал какие-то травы, совал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и всё поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом».

В обывательской среде знахарей часто считали колдунами, подозревали в сношениях с нечистой неведомой силой. Однако настоящий народный целитель не только наделён открытым ему знанием сил

природы. Чтобы врачевать, лекарь должен быть нравственно чистым, духовно возвышенным. Касьян помогает людям бескорыстно, от души, не помышляя о вознаграждении за свои познания и труды. На вопрос, чем он промышляет, герой отвечает: «Живу, как Господь велит <...> – а чтобы, то есть, промышлять – нет, ничем не промышляю». В этом он сле-

дует евангельскому завету, данному Христом Апостолам, – о том, чтобы бескорыстно делиться с людьми тем талантом, который получен человеком от Бога в дар: «Больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8).

В народе целителя Касьяна справедливо именуют «лекарка», но он уверен, что и здоровье, и жизнь человека – всё в Божьей воле: «Лекаркой меня называют... Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это всё от Бога. <...> Ну, конечно, есть и слова такие... А кто верует – спасётся, – прибавил он, понизив голос». В этих последних словах героя – сокровенная убеждённость в действенной силе христианской веры. Согласно заповеди Христа, «если вы будете иметь веру с горчичное зерно», «ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20). В новозаветном эпизоде воскрешения дочери Иаира Христос говорит: «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8:50).

Касьян с его идеалами добра и милосердия наделён чертами праведника. С другой стороны – сумеречная таинственность судьбы героя вносит диссонанс в его образ, не позволяя ему быть до конца открытым, светлым. Так, у Касьяна есть дочь, но он говорит о ней – «сродственница», скрывая её происхождение, хотя их кровная связь для всех очевидна. Очередная загадка: о матери девушки никто не знает, герой об этом тоже умалчивает.

Кровь, её пролитие особенно страшат Касьяна. Недоверчиво и неодобрительно относится он к охотникам. Герой смотрит на охоту как на жестокое истребление, бессмысленное убийство «Божьих тварей», напрасное пролитие невинной крови, смертный грех нарушения библейской заповеди «не убий»: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам Божьих пташек убивать, кровь проливать невинную?».

Этот грех тем более непростительный, что совершается он для пустого развлечения, а не ради хлеба насущного, испрашиваемого в молитве Господней «Отче наш»: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф. 9:11). И Касьян не страшится открыто уличить барина в грехе убийства «братьев наших меньших»:

«Ну, для чего ты пташку убил? – начал он, глядя мне прямо в лицо.

– Как для чего?.. Коростель – это дичь: его есть можно.

– Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил».

С этим наставлением «рифмуется» оценка, данная Лукерьей – героиней рассказа «Живые мощи»: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занято! Одна влетит, к гнёздышку припадёт, деток накормит – и вон. Глядишь – уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесётся, а детки тотчас – ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорытился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!».

Касьян также не боится устыдить барина, внушает ему мысль отказаться от жестокой забавы: «много её, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой – и грех её убивать, и пускай она живёт на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питьё: хлеб – Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов».

В определении хлеба как Божьей благодати кроется священная сущность: «хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и даёт жизнь миру» (Ин. 6:33). Так хлеб – одно из евангельских самоименований Иисуса Христа: «Аз емь хлеб жизни» (Ин. 6:35), «ядущий его не умрет» (Ин. 6: 50). «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6: 27), – заповедал Господь.

Касьян в свои бесстрашные поучения барину вкладывает именно этот евангельский смысл. Крестьянин наделён поистине апостольским даром слова. Так, святые Апостолы просили у Бога духовного укрепления, мужества на стезе христианского благовествования: «И ныне, Господи, <...> дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твоё», «и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением» (Деян. 4:29, 31).

Одухотворённо-«дерзновенное» слово Божие на устах мужика не может в очередной раз не вызвать глубокого изумления автора-повествователя: «Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностью, изредка закрывая глаза. <...> Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика». Так удивлялись словам Апостолов «начальники народа и старейшины» в Новом Завете, «видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди некнижные и простые <...> между тем узнавали их, что они были с Иисусом» (Деян. 4:13).

Касьян говорит как древний пророк, как прорицатель: «Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолудины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слышал ничего подобного». Слова

простолюдина по своей сути и по стилю уподобляются священнической проповеди. В «обдуманно-торжественной» речи Касьяна с большим духовным подъёмом выражены представления о святости и грехе: «Кровь, – продолжал он, помолчав, – святое дело кровь! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... Ох, великий!».

Мужик старается довести до сознания охотника библейское понятие о крови как предмете таинственном и священном. В Ветхом Завете кровь ассоциируется с самой жизнью, с живой душой: «кровь есть душа» (Втор. 12:23); «душа тела в крови», «ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Лев. 17:11, 14). Бог заповедал Ною: «только плоти с душою её, с кровью её, не ешьте» (Быт. 9:5). В Новом Завете Апостолы проповедуют язычникам «воздерживаться от идоложертвенного и крови» (Деян. 15:29), отказаться от использования крови в каких бы то ни было целях. Жертвенной кровью распятого на Голгофе Христа побеждена смерть, омыты грехи спасённого человечества.

Чаяния русского крестьянства о спасении Божьей милостью, о том, что «придут времена отрады от лица Господа» (Деяния. 3: 20), мечты о народном счастье находили воплощение в страннических скитаниях. Странничество, правдоискательство было своеобразной формой оппозиции несправедному устройству социальной жизни, протестом против угнетения и закрепощённости свободной в Боге человеческой души. Не только лучшей доли в социально-бытовом смысле искали престолярные странники, но и – прежде всего – духовно-нравственного идеала, Божьей «правды-истины», как она определилась в русском фольклорном сознании.

Касьян – один из таких странников – получил в народе ещё одно прозвище: Блоха. Вероятно, из-за малого своего роста и прыти, способности к динамичным перемещениям. С другой стороны, зоологическое прозвище – отсылка к паразитарному насекомому – снижает образ: «Недаром его прозвали Блохой. Его чёрная, ничем не прикрытая головка <...> так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно всё подпрыгивал на ходу».

«Человек я бессемейный, непосед», – говорит о себе герой. Может быть, душу загадочного Касьяна, именующего себя «грешным», тяготит какой-то тайный грех, который требует искупления. Оттого он и мается, не находит душевного равновесия. Это гипотеза, но бесспорно другое: его неусидчивость, «непоседливость», «охота к переменам» вызваны томлением народного духа по высшей правде: «И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут...».

Универсальный в отечественной литературе мотив странничества в поэтике «Записок охотника» становится сквозным, находит своё разностороннее художественное выражение. Даже в рассказе об обездвиженной героине «Живые мощи» явно звучит мотив паломничества, богомолья. Парализованная Лукерья представляет себя странницей среди других русских паломников-богомольцев: «Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана – как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня всё странники».

Вековечное русское странничество: «Сколько странников ходило и скитальцев по Руси... <...> Мало что переменилось, хоть сменялись, шли века», – в наши дни нашло подкрепление в поэме Николая Мельникова «Русский крест». Здесь показана «дорога поисков силы и смысла жизни», «жажда чистоты душевной», как объясняет схиархимандрит Илий. В образе «странника с крестом» воплотились прошлое и настоящее России, её грядущие судьбы, восхождение души к Богу:

*«Я грешил на свете много,
А теперь вот сам молось...
Если все попросим Бога
За себя, за нашу Русь,
За грехи людские наши
И за весь позор и стыд –
Неужели ж Он откажет,
Неужели не простит? –
В пояс кланялся, прощался,
Крест на плечи поднимал
И в дорогу отправлялся.
А куда – никто не знал...»*

Тургеневский Касьян в своих странствиях не находит искомого совершенства: «Справедливости в человеке нет, – вот оно что...». Но сам процесс поисков идеала приносит ему душевное облегчение: «Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдёшь, как пойдёшь, – подхватил он, возвысив голос, – и полегчит, право».

В образе героя духовный подъём, духовное раскрепощение соединяются с патристическим чувством русского национального единства. Этот странник-правдоискатель – деятель и созерцатель одновременно. Ему открыта одухотворённая красота родной земли, любуясь которой Касьян испытывает глубокую любовь и нежность. Он одушевляет Русь, подбирает ласкательные имена её городам и рекам – всем местам, где ему довелось побывать: «Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромён ходил, и в Сибирск – славный град, и в самую Москву – золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку». Генетически герой связан с миром прекрасного: недаром он родом с Красивой Мечи. Места, где протекает эта река – Красивая Меча (или Мечь) – приток Дона, – считались одними из наиболее живописных в европейской части России.

Касьян не перестаёт удивляться чуду гармоничного Божьего мира. Для того чтобы видеть и всей душой воспринимать это чудо, нужно быть чудовидцем, духовно отзывчивым «очарованным странником». Именно таков Касьян. Религиозный характер носят его эстетические переживания красоты природы как Божьей благодати: «И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поётся-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растёт; ну, заметишь – сорвёшь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьёшься – заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этакое степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать! <...> Эко солнышко! – промолвил он вполголоса, – эка благодать, Господи! эка теплынь в лесу!».

Любование героев «Записок охотника» своей Родиной, русской землёй сливается с голосом автора, рисующего с проникновенной любовью в каждом рассказе художественные картины природы. Точные до мельчайших деталей, узнаваемых примет тургеневские пейзажи представлены в их пространственной глубине, игре света и тени, оттенков красок, в переливах звуков и ароматов. В то же время картины эти настолько одухотворённые, что в них отчётливо ощутимо Божье всеприсутствие, незримое вышнее заступничество. Русский пейзаж, воссозданный не в линейной перспективе и даже не в трёхмерном пространстве, а с выходом в некое четвёртое – духовное – измерение становится самостоятельным сквозным «героем» тургеневского цикла, формирует чувство национального единства, цельный и прекрасный образ Родины, богохранимой земли русской.

Вот, например, как выглядят под пером Тургенева родные места на рассвете: «А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул – и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенётся, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подалее другая с белой церковью, вон берёзовый лесок на горе» («Лес и степь»). Столь же христиански «осердечена» зарисовка летней ночи: «Картина была чудесная <...>

Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах – запах русской летней ночи», и «тихо мигая, как бережно несомая свечка», затеплилась на небе «вечерняя звезда» («Бежин луг»).

В народнопоэтическом сознании живёт неистребимая мечта о сказочном чуде, золотом «тридесятм царстве» – мире благоденствия, свободы и справедливости, где добро неизбежно одерживает верх над злом, правда пересиливает кривду. Сказочность и странничество как формы духовной жизни народа соотносятся в жизни русского скитальца: «И идут они, люди сказывают, до самых тёплых морей, где живёт птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живёт всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошёл...».

С этими народно-странническими мечтами Касьяна с Красивой Мечи перекликаются детские грёзы засыпающих в ночном маленьких героев «Бежина луга». Они убаюканы сладкими надеждами на дивное чудо в сказочной земле за «тёплыми морями», куда отправляются птицы небесные:

- «– Это кулички летят, посвистывают.
 - Куда ж они летят?
 - А туда, где, говорят, зимы не бывает.
 - А разве есть такая земля?
 - Есть.
 - Далеко?
 - Далеко, далеко, за тёплыми морями.
- Костя вздохнул и закрыл глаза».

В поэтизации странничества переплетаются мотивы фольклорные и христианские. Священная, светлая птица Гамаюн в мифологическом ракурсе олицетворяет чудодейственное заступничество. Эта птица – Божья вестница, подательница надежды на чудо Божьего Промысла. Окрашенное в золотой цвет «иное царство, небывалое государство» соотносится с солнечным светом, с небесной сферой. В христианском контексте «золотое царство» соотносимо с евангельским откровением об уготованном для праведных светоносном «золотом граде» Небесном Иерусалиме, в котором Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»; «ночи там не будет»; «спасённые народы будут ходить во свете Его» (Откр. 21:4, 24, 25).

«Юродивец» – третье прозвище Касьяна. Его поведение представляется окружающим странным, нелепым. И сам он выглядит человеком чудаковатым, почти безумным: «Неразумен я больно, с малства». Касьян, не занятый, как все, крестьянским трудом, признаётся: «Ничем я этак не занят... Работник я плохой». Охотник мысленно соглашается с прозвищем героя, дивясь его необычной манере держаться, вести таинственные, малопонятные речи: «последние слова Касьян произнёс скороговоркой, почти невнятно; потом он ещё что-то сказал, чего я даже расслышать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название “юродивца”».

На взгляд со стороны, «юродивец» подобен безумцу, хотя таким и не является. Касьян просветлён более многих крестьян, обладает широким кругозором, он грамотный человек: «Разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди». В первоначальном издании рассказа герой говорил также о своём участии в церковных богослужениях: «Случается, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею».

Касьян скорее принимает вид безумца, как многие юродивые. Его «неразумность» – особого рода. Он не способен «промышлять», наблюдать свой эгоистический интерес. Христианская вера очищает ум и душу от маниакального стремления к наживе, корысти: «не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак. 2:5)

В душе герой ведёт напряжённую внутреннюю работу, непрерывно размышляя об истинном предназначении человека в соответствии с Божьим замыслом: «Да это всё

под Богом, все мы под Богом ходим; а справедлив должен быть человек – вот что! Богу угоден, то есть». Недаром в нашем языке синонимы к слову «юродивый» – «блаженный», «Божий человек», «Христов человек». Духовное делание развивает в герое дар прозорливости, прорицания.

Таким же даром наделена Лукерья – героиня рассказа «Живые мощи».

Этот тургеневский шедевр с его глубинным религиозно-философским содержанием, весь проникнутый православным духом, вызывал заслуженное восхищение современников писателя и по сей день является предметом особого внимания читателей, литературоведов, философов, богословов, писателей.

Так, например, французский писатель и философ Ипполит Тэн признавался в письме Тургеневу: «Я прочёл „Лукерью“ три раза кряду». Именно рассказ «Живые мощи» позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник». Посвящая Тургеневу свой рассказ, навеянный «Касьяном с Красивой Мечи», Жорж Санд так отозвалась об авторе «Записок охотника»: «Вы – реалист, умеющий всё видеть, поэт, чтобы всё украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и всё понять». После прочтения «Живых мощей» французская романистка на склоне лет признала превосходство русского писателя: «Учитель, – все мы должны пройти Вашу школу».

Даже более чем Касьян, Лукерья вызывает у повествователя чувство безграничного изумления. Увидев её, охотник буквально «остолбенел от удивления». Благоговение испытывает Тургенев перед мощью христианского духа, который обитает в немощном теле героини – в полном соответствии с антиномиями Нового Завета: «Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. <...> Посему я благодушествовую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12:9–10).

С героиней рассказа – жизнерадостной крестьянской девушкой, красавицей Лукерьей, помолвленной невестой – незадолго до свадьбы приключилась неведомая болезнь, неподвластная лечению докторов. От начала болезни до кончины – без малого семь лет (семь – священное число духовного порядка) – обездвиженная Лукерья пролежала одна в плетёном сарайчике на пасеке. Внешне она так иссохла, что превратилась в почерневшую мумию, «живые мощи». Так медоносная пчела, когда завершает своё благодатное земное предназначение, сохнет, чернеет, умирает.

Охотник, знавший девушку прежде, ошеломлён контрастным зрелищем: «Возможно ли? Эта мумия – Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я – шестнадцатилетний мальчик!»

Искрящаяся радостью и весельем физическая жизнь отлетела, сковалась неподвижностью, тишиной. Сарайчик Лукерьи напоминает усыпальницу, гробницу: «темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмости, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура...»

Сакральный подтекст рассказа позволяет предположить, что Лукерья накануне замужества, то есть в один из переломных моментов жизни, когда человек становится наиболее уязвимым, подверглась бесовской атаке «врага рода человеческого». В это время она думала только о себе, о своей любви, о встречах со «статным, кудрявым» женихом: «Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил». Безоглядное чувство, всепоглощающая сосредоточенность на личном счастье обезоруживают человека перед происками нечистой силы, выискивающей беззащитную жертву;

могут привести к физической и духовной гибели.

Так, перед рассветом (согласно традиционным представлениям – время разгула нечисти, её особой активности) девушке, замороженной ночными соловьиными трелями, почудился зов жениха: «зовёт меня кто-то Васиным голосом, тихо так: «Луша!..» Я глядь в сторону, да, знать, спронеся оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз – да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому – скоро

поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри – в утробе – порвалось... <...> – С самого того случая, – продолжала Лукерья, – стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже – и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; всё бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: всё хуже да хуже».

М.М. Дунаев считал, что в этой истории болезни кроется не только «несчастливая случайность», но и «слабый намёк, хоть и не вполне проявленный, на бесовское вмешательство». Из приведённого рассказа Лукерья не «слабо», а вполне явственно проступает метафизический характер недуга, сразившего девушку. Лукавый голос, злокозненно маскируясь под призыв жениха, влечёт её в гибельную бездну («так прямо <...> и полетела вниз»).

Отголосок этой сцены – в рассказе «Бежин луг», когда Павлуша услышал ночью над рекой предвестие его скорой гибели – зовущий голосок утопленника Васи: «Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голосом и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда»». Характерна реакция героев «Бежина луга», стремящихся при помощи крестного знамения отразить вредоносные нападки нечистой силы: «Ах Ты, Господи! ах Ты, Господи! – проговорили мальчишки, крестясь».

В то же время в народном сознании живёт убеждение, что истинная христианская душа выстоит, одержит верх, несмотря на временную победу бесовщины. Эту мысль выразил один из мальчиков в рассказе «Бежин луг»: «Эка! – проговорил Федя после недолгого молчанья, – да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить».

Вера в Христа-Спасителя, религиозное мирозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для неё источником огромной духовной силы, несказанной душевной красоты. Портрет героини – также совершенно бестелесный – вызывает у автора представление о древних иконописных ликах, потемневших от времени: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма». По определению В.И. Даля, «мощи – нетленное тело угодника Божия». Тургеневская героиня, прозванная в народе «живые мощи», ещё при жизни становится «истинно-преподобной» угодницей Божией.

Охотника крайне изумляет, что страдальца-Лукерья не сетовала на судьбу, «рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не

напрашиваясь на участие». Односельчанам она также не докучает: «от неё никакого не видать беспокойства; ни ропота от неё не слышать, ни жалоб. Сама ничего не требует, а напротив – за всё благодарна; тихоня, как есть тихоня», – рассуждает хуторской десятский.

В христианской модели мира человек пребывает не во власти языческого «слепого случая» или античного «фатума», но во власти Божественного Провидения. Случившееся с ней героиня расценивает как данный Богом крест, принимает Божью волю со смирением, с благодарностью и молитвой: «А то я молитвы читаю, – продолжала, отдохнув немного, Лукерья. – Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чём я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест – значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать. Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим – да и опять полёживаю себе безо всякой думочки. И ничего!». Она почти не может спать, и тем исполняет заповедь: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41). «Бодрствующая» героиня приучила себя не размышлять, а молитвенно созерцать «мир Божий, который превьше всякого ума» (Флп. 4:7).

В народе поговаривают, что испытание тяжёлой болезнью послано Лукерье в искупление за какой-то тайный грех: «Богом убитая, <...> – стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать её – нет, мы её не осуждаем. Пуцай её!».

Готовя рассказ к печати, Тургенев в письме к Я.П. Полонскому вспоминал о страшном времени голода 1841 года, когда «чуть не вымерли поголовно» Тульская и смежные с ней губернии (Орловская – в том числе). Писатель воспроизводит народный отзыв, показывающий отношение простого человека к бедствию как ниспосланному свыше испытанию – во оставление грехов: «Ты и так Богом наказан, а тут ты ещё грешить станешь?».

Так в чуткое православное сознание вживляется евангельское изречение Апостола Петра: «страдающий плотию перестаёт грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет. 4:1, 2). В этом суть православно-аскетического взгляда на жизнь: винить в несчастьях не других, а самого себя; в бедствии видеть справедливое воздаяние, ведущее через глубокое покаяние к духовно-нравственному обновлению, возрождению и спасению.

Лукерья также считает, что болезнь послана во благо её душе, и в этом смысле она счастливее физически здоровых людей: «Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошёл. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: «Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?» Но я ему ответила: «А мысленный грех, батюшка?» – «Ну, – говорит, а сам смеётся, – это грех не великий». – Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна». Более того – она своим безропотным перенесением многолетних страданий «отмаливает» чужие грехи, грехи родителей: «было мне видение – я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители – батюшка да матушка – и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились – и не стало их видно: одни стены видны».

В общерусском православном смысле воспринял образ Лукерьи Б.К. Зайцев, назвав её заступницей «за Россию грешную, за всех нас, грешных».

Плоть девушки умерщвлена, но дух её возрастает. «Посему мы не унываем, – учит Апостол Павел, – но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа – просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», – справедливо отметил выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, невыразимые в земном слове. В своём уединении она вступает в область

сверхрационального религиозного познания: «Вы вот не поверите – а лежу я иногда так-то одна, и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я – живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмёт меня размышление – даже удивительно. <...> Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придёт, словно как тучка, прольётся, свежо так, хорошо станет, а что такое было – не поймёшь! Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья».

В снах-видениях открывается прямая связь чуткой христианской души с предельным миром на пороге вечности. Вместо венка из васильков (в символическом контексте рассказа полевые васильки – намёк на любовь к земному жениху Василию Полякову) девушка увенчана небесным сиянием – как нимбом святого: «Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, всё поле кругом осветила». Свет в Евангелии не метафора и не образ, но выражение самой сущности Христа: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин. 12:36). В земной жизни жених оставил свою невесту-калеку. Но в духовных сферах праведницу одобряет и принимает Сам Господь: «Глядь – по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорёхонько – только не Вася, а Сам Христос! И почему я узнала, что это Христос, сказать не могу, – таким Его не пишут, – а только Он!». Лукерья становится «Христовой невестой» (устойчивое выражение, обозначающее умершую девушку или девушку, которая предпочла браку монашество): «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за Мною; ты у меня в Царстве Небесном хоромы водить будешь и песни играть райские. <...> Тут мы взвились! Он впереди... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, – и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка – болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет».

На крыльях христианской веры героиня духовно воспарила, «достигла того состояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рациональным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке», – комментирует архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).

В своём отношении к жизни и к миру Лукерья проявляет себя столь одухотворённо-сострадательно, что вновь подкрепляет ассоциацию с бесплотными женскими ликами русских икон, особенно с чудотворным образом «Умиление». Выступая как заступница обездоленных, она совсем забывает о своём личном страдании: «Ничего

мне не нужно; всем довольна, слава Богу, – с величайшим усилием, но *умилённо* <курсив мой. – А.Н.-С.> произнесла она. – Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить – крестьяне здешние бедные – хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно – всем довольна». Здесь состояние умиления в его духовном смысле обозначает соприкосновение души с Божьей благодатью.

Истинная праведница боится прогневить Бога: не ропщет на свою участь, не мучается гневом, завистью, не проклинает, а благословляет мир Божий. Обездоленная и обездвиженная, но сильная духом, она не позволяет злу проникнуть в свою душу. Наоборот, её душа вся светится добром,

участливым отношением к людям. В её положении, хуже которого отыскать вряд ли что возможно, она беспокоится о тех, кому ещё труднее: «А что будешь делать? Лгать не хочу – сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась – ничего; иным еще хуже бывает. <...> У иного и пристанища нет! А иной – слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землёю роется – я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветёт или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? – многим хуже моего бывает».

Земная жизнь Лукерьи завершается под слышимый только ею «сверху» колокольный звон, призывающий её в вечность, в Царство Небесное, в соответствии с евангельским обетованием: «Претерпевший же до конца спасётся» (Мф. 24:13).

«Откровение души», «торжество бессмертного в тленном», – так определил суть тургеневского рассказа архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). По его справедливому суждению, Тургенев «не только выразил жизнь в её последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую в своей глубине ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий».

Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе «Смерть». То, как умеет умирать православный человек, – также является предметом уважительного удивления писателя и в очередной раз подтверждает его мысль о русском народе «как самом удивительном народе на свете»: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает». Так, придавленный деревом во время рубки леса подрядчик Максим в свои последние минуты думает о Боге, о покаянии: «за попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, всё перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил». Для православных день земной кончины – день рождения в жизнь вечную.

Антикрепостническое содержание тургеневского цикла глубоко и всесторонне изучено. В то же время необходимо заострить внимание на этой теме, рассматривая её не только как историко-литературный факт, но как проблему, не теряющую своей актуальности в наши дни.

Жестокосердные поработители народа – изощрённый изувер помещик Пеночкин и его подручный – бурмистр Софрон («Бурмистр»), Хвалынский и Стегунов («Два помещика»), господин Зверков с его говорящей фамилией и такой же зоологической внешностью («Ермолай и мельничиха»); многие другие помещики, в том числе матушка охотника, в которой различимы черты Варвары Петровны – матери Тургенева («Живые мощи»). Все они стремятся свести подневольных людей к рабскому животному состоянию. Угнетатели не только распоряжаются судьбами крепостных, физически губят их непосильным рабским трудом, голодом, нуждой, телесными наказаниями, но и методически убивают живую душу. Иных доводят до самоубийства, иных – до сумасшествия.

Вот один из крохотных эпизодов, повсюду рассыпанных в цикле рассказов, за которым стоит подлинная драма исковерканной человеческой судьбы: вскользь упоминается «подверженный сумасшествию резчик Павел», который «к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей» («Смерть»). Столь же искалечены судьбы многих крепостных, лишённых по вине господ права на любовь, личное счастье: это горничная Арина и лакей Петрушка («Ермолай и мельничиха»), Татьяна и Павел («Контора»), Матрёна («Пётр Петрович Каратаев») и другие.

В предисловии к переводам тургеневских рассказов в журнале Чарльза Дикенса – английского писателя-христианина, наиболее близкого по духу русской литературе, – высказывалось негодование по поводу зверств «сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской».

Не случайно официальные власти затеяли секретное следствие о «Записках охотника», усматривая в них политическую оппозиционность и опасность для правящего режима. Сотрудник Главного управления цензуры доносил министру просвещения:

«мне кажется, что книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра <...>. Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу <...>, что однодворцы и крестьяне наши, которых автор до того опоэтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашёл таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше». Как известно, далее последовали надзор тайной полиции, арест и ссылка «политически неблагонадёжного» Тургенева.

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что крепостное право – рабство внешнее – не убило в русском народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика тургеневского цикла рассказов неуклонно ведёт к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей. Люди не рабы, а дети Божьи: «Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал. 4:7). Тургенев утвердил богоподобное достоинство человеческой личности, её духовную независимость. Человек рождён свыше, его Господь-Отец сотворил. И этот дар творения подкреплён даром истинной свободы – в Боге и от Бога. Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы – носители зла.

Вот почему Апостол Павел призывает: «братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облечитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:10-12). В Новом Завете выражена вера в то, что во втором пришествии Христа «Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть, и силу» (1-е Кор. 15:24).

Своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстаёт в динамике взаимодействующих планов бытия: национально-русского и вселенского; конкретно-исторического и философско-универсального; социально-политического и религиозно-нравственного; земного и надмирного; сиюминутного и вневременного, вечного – всего того, что составляет живую русскую душу «Записок охотника».

В оформлении статьи использованы иллюстрации Бём (Эндауровой) Елизаветы Меркурьевны (1843–1914) из серии «Типы из “Записок охотника” Тургенева», 1883 г.

ПОЭЗИЯ

Магомед АХМЕДОВ

Магомед Ахмедов — известный российский дагестанский поэт, Председатель Правления Союза писателей Дагестана. Его поэзия следует в русле национальных традиций, которые развили и укрепили его великие земляки — поэты Гамзат Цадаса и Расул Гамзатов. Он один из ведущих поэтов современного Дагестана, пишущих на родном аварском языке. Основные мотивы его стихов — это любовь к родной земле, размышления над загадкой жизни, философское осмысление исторических судеб Дагестана и России...

Живёт в Махачкале.

Простые слова

Поэма из краткостишй

Зов

Зовёт меня простор небес глухих,
Чтоб разгадало сердце тайну слова,
Чтоб свет угасший вновь вернулся в стих,
Чтоб ожила в душе надежда снова.

Странная свобода

Коленопреклоненная свобода
Непостижима гордому уму.
Застенок ждал её в былые годы,
Век новый превратил её в тюрьму.

Чернила

Жизнь на закате, на исходе силы.
Где Истина, достойная стихов?
И лишь Любовь сгущает кровь в чернила
Для записи стиха достойных слов.

Часы

Часы воспоминаний безотчётно,
Как колокол, в груди моей звучат.
Судьба моя разорвана, как чётки.
Печальна радость, радостна печаль.

Беда

На площадях бродяги проклинаят
Тех, кто воздвиг дворцы из их труда.
Они в последний раз предупреждают,
Что в их жилищах вьёт гнездо беда.

Тени

Свой Ахульго душа больная ищет,
Стремится сердце гордое в Гуниб...
Не люди – только тени в мире рыщут,
Живых людей пытаюсь заменить.

Этот город

Есть города прекраснее, чем этот,
Но здесь лишь был впервые я влюблён.
И я навек люблю его за это,
Душою болен, сердцем утомлён.

Тропа

В ущельях Дагестана есть цветы,
Их невозможно собирать руками.
Тропою песни можно к ним дойти,
Увидеть сердцем, записать стихами.

Часы

Часы души – в них песня и мольба –
Звучат в груди моей, не умолкая.
О Дагестан, ты счастье и судьба!
Лишь по тебе часы души сверяю!

Сон

Во сне домой приеду, и у мамы
«Где наш отец?», – с надеждою спрошу.
Когда проснусь – что нет отца, узнаю,
Но знать во сне об этом не хочу.

Победа

Идёт война меж бедным и богатым.
Вновь побеждает золотом властитель.
Но перед саваном бессильно злато,
Аллах един – и гибнет победитель.

Вершина и долина

Гора и дол в краю моём родном
Беседуют на языке одном.
Но в мире, прозябающем в долине,
Вещает низость языком вершины.

Кулак

Зло сжал в кулак, добро раскрыл ладонью,
И по-иному жить я не могу.
Но глядя, как страну на рынок гонят,
Велю сжиматься крепче кулаку.

Геройство

Геройство прежде совершали на войне.
Сегодня жизнь взыскует мужества вдвойне.
Сегодня просто человеком быть – геройство,
Сберечь в себе все человеческие свойства.

Годы

Вот жизнь, в которой прошлое одно.
А та – в начале жизненной дороги.
Гордиться ей не стоит. Всё равно,
Грядущее есть прошлое в итоге.

Две песни

Для дурней песню умную я спел –
Они со страхом на меня смотрели.
Для мудрецов её я спеть хотел –
Став дурнями, услышать не хотели.

Вечерний свет

Зовёт меня к себе вечерний свет.
Век двадцать первый – век великой битвы,
Слова мне даришь для моей молитвы,
Но где спасенье от грядущих бед?

Прошлое

Спасая прошлое, грядущее спасаем,
Ведь лишь в минувшем – будущего корни.
Беспамятством лишь душу разрушаем,
И будущего флюгер врёт упорно.

Дети

Не знавшие Отчизны от рожденья,
На языке чужом к тебе зывают,
И сладость слова горского не знают,
Безнравственной эпохи порожденья.

Древние горцы

Седые горцы смотрят неприступно.
Горды как горы, честь их неподкупна.
Всю жизнь в походах ратных проводили,
Теперь как будто в вечности застыли.

Время

Я понял Времени неспешный ход.
– Что время?
– Всё проходит. Всё пройдёт.

Кино про войну

«Сегодня про войну!» И вечерами
Клуб набивался полностью людьми.
А ныне жизнь наполнена боями,
И каждый день на поле боя мы.

Величие слов

Боятся слова, что людьми не услышаны будут,
И, в строки стихов превращаясь, из сердца летят.
А люди обиды и беды швыряют друг другу,
И только простые слова их к добру возвратят.

Облака

Как дети в расцвете своей безмятежной поры,
Играют вдали облака, в стороне от земного.
Аул вспоминаю... По склонам знакомой горы
Лежат облака, как страницы стихов моих новых.

Вечерние чётки

Я чётки в ладонях внимательно перебираю,
К молитве вечерней я душу приурочиваю.

Старая дорога

В аул поднимаюсь всегда я по старой дороге,
А к новой дороге покуда я не привыкаю.
По старой дороге спешат постаревшие ноги,
И детство напевом знакомым меня окликает.

Человек

Меняется всё, неизменен один человек.
Всё те же любовь и измена, сомненье и вера.
Есть только одна перемена в его существе:
Увидевший золото, он превращается в зверя.

Глупец

Воюя с глупым ближним без конца,
Смотри, и сам не превратись в глупца.

Человек

Все равенства на свете достигают,
Когда наш прах в могилу опускают.

Пальцы

Хоть на руке растут одной,
Но пальцы разной все длины.
Бывают разными порой
Единой Родины сыны.

Простые слова

На белом свете есть слова простые,
Они во все понятны времена.
Врачуют раны, коль идёт война.
Вдыхают жизнь в того, в ком кровь остынет.

Дар

Терпение – рассудку дар бесценный,
Оно врачует раны после битвы.
Жизнь дарит счастье, коль стремишься к цели.
Терпение спасает, как молитва.

Ноша судьбы

Поэт, народ ведущий, неси судьбины бремя!
 Народ, что без поэта, напрасно тратит время!
 Язык – душа народа, поэт – его вершина.
 Неси своё величье с вершины на равнину.

Родина

С годами сердцу Родина милее.
 Чем дальше ты, тем отчий край роднее.

Строка

«Я вижу голос, слышу свет» –
 Моя строка к душе взывает.
 И я горю строке в ответ,
 Ей бесконечно доверяя.

Стихи

Мои стихи всегда меня хранят,
 Когда враги порой одолевают.
 Мои стихи ответят за меня,
 Не предадут они, я это знаю.

Птицы

Птицы знают тайны небосвода.
 Знает тайны птичьи небосвод.
 – Ныне реют птицы без полёта,
 В пустоте затерян их полёт.

Книга

Что случилось? Где моё былое?
 Зазвучало пламенным стихом.
 В мире счастья, веры и покоя
 Сердце пишет книгу о былом.

Книга-цветок

Книга Родины в моей груди
 Как цветок раскрылась, погляди!

Шахтаманов

Костёр на снегу – твоё гордое имя,
 Твой стих в Переделкино мне всё слышней.
 Но он, вдохновлённый горами родными,
 Рыдает сейчас над могилой твоей.

Уход

И прошлое, и настоящее – в сердце одном.
 С одной стороны – это жизнь, а с другой – это смерть.
 Стою в ожиданье, живу лишь сегодняшним днём,
 И мне остаётся, дожив до конца, умереть.

Берёза

К болящему сердцу склоняется низко
 Берёза гунибских вершин.
 Излечит она беспокойные мысли,
 И в сердце тоску заглушит.

Посох

В руке моей посох, обвал на пути,
 Успели друзья разбежаться.
 Мой посох поёт мне, что нужно идти,
 Что нужно людьми оставаться.

Величие

Правители волю Аллаха забыли,
 Отчизну на гибель толкая.
 Но только величье её не убили –
 Всевышний её охраняет.

Язык

Не всё в любое время ты скажи,
 Порой язык на узел завяжи.

Довольный

Довольный всем, похож он на сову:
 Он днём и ночью грезит наяву.

Любовь

Как молния, любовь во тьме сверкает.
Её земная злоба убивает.

Слёзы

Потоки слёз уже сгустились в град.
Тот град больное сердце угнетает.
Вот плачет мать, вот Родина рыдает,
И сыплет град. Жизнь превратилась в ад.

Вершина

Вот молния вершину поражает,
Разбить её на части угрожает.
Судьба всегда к вершине, ввысь стремится,
Талант разящих молний не страшится.

Лестница звёзд

Небо над нами раскинул Аллах.
Звёзды сияют в бессмертных стихах.
Звёздная лестница ввысь нас уводит.
Только поэт до вершины доходит.

Дни

Ненастны дни, и рушатся основы.
Уходит слава – остаётся слово.

Простота

Дышу я свежим воздухом простым.
Простое солнце озаряет небо.
Не могут люди жить без простоты.
Без простоты – как без воды и хлеба.

Лунный свет

Свет лунный льётся, падая на грудь,
И отблеск счастья на сердца роняет.
Луна свершает свой извечный путь,
Влюблённых тихий шёпот охраняя.

Молитва слов

Молитва останавливает битву.
Слова молитвы слёзы осушают.
Молитва – мысль, потом опять молитва...
Меж ними слово связь осуществляет.

Игры

Играют люди в «битву за свободу».
Горят в той битве, как дрова, народы.
Мы заигрались! Что случилось с нами?!
Вокруг горит губительное пламя!

Прицел

Прицелившись ошибочно, навек
Пред Богом пасть рискует человек.

Поворот

Дороги нет без поворота
На нашей маленькой планете.
Останься на своей дороге,
Достоинно проживи на свете.

Соловей

Собрать мой соловей – поэт,
И голос у него чудесен.
Гремят сраженья, меркнет свет –
Но нет конца у нежных песен.

Гром

Гром, разрывающий сердца,
Гремит сегодня в Дагестане.
Война и взрывы без конца.
Когда ж, Всевышний, мир настанет?!

Спящие

Есть спящие сердца, что не разбудишь,
Не ставшие людьми – вот тяжкий грех!
Сегодня спящий милует и судит,
И спящие обманывают всех.

Цветок на камне

Цветок на камне – это мужество цветёт.
Из корня стойкости здесь красота растёт.
Когда ругают люди жизнь свою, тогда
Цветок на камне расцветает, как звезда.

Каспий

На волны глядя на каспийском берегу,
Слов отыскать я подходящих не могу.
Смотрю на Каспий и благодарю Аллаха
За то, что миру подарил такое благо.

Лампада

Отчизны негасимая лампада,
Она и на чужбине мне отрада.
Окно в дому и тихий свет в окне
Всю жизнь мне светят в непроглядной тьме.

Книга звёзд

Смотрю на звёзды – песням их внимаю.
Прислушиваюсь к небу – слышу тайну.
Язык светил далёких понимаю,
Небес страницы вечные листаю...

Узор

Искусными руками воплощённый,
Узор хранит красу и смысл глубокий.
Узором современным восхищённый,
Ты не забудь: в веках его истоки.

Крылья

Незримо крылья за спиной растут,
Лишь песню запою о Дагестане.
Они вперёд и вверх меня несут,
И песнь звучать во мне не перестанет.

Книги

Бывают книги – те, что вздрогнуть заставляют:
Свою судьбу ты в них читаешь без прикрас.
Но написал другой, что ты в душе скрываешь.
– Не мы читаем их, они читают нас!

Путник

– Куда идёшь?! Счастливым путь тебе!
– За временем ушедшим я иду!
– Куда идёшь?! Счастливым путь тебе!
– За временем оставшимся бреду!

Проклятье и привет

Проклятье слышу – речи дар теряю.
Привет услышу – сердце замирает.
Жизнь, полная проклятий, так жалка,
А жизнь с людьми в согласье так легка!

Любовь

Среди людей промчалась жизнь моя.
Среди людей в любви был счастлив я.
И тех людей, что жизнь мне подарила,
Моя любовь собой преобразила.

Перевёл с аварского Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, публицист, переводчик. Окончил Литературный институт им. Горького, работает в Московской городской организации Союза писателей России. Член Союза писателей России, Секретарь Правления Союза писателей России, Член Союза журналистов России, член Международной Федерации журналистов, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской республики.

Живёт в Москве.

Гомункул

Эту сказку рассказывают аспирантам по специальности «Элитарная и массовая культура»

Учитель стоял перед стеклянным колоколом, с видимым интересом наблюдая за гомункулом: «Подойди, подойди поближе, – подозвал он Бонифацио, не отводя от зародыша взгляда. – Тебе не кажется, что он за ночь подрос?»

Судя по мешкам под глазами, было очевидно, что Учитель провёл бессонную ночь, но глаза его ярко светились, как у оживившегося перед свиданием старого любовника: «Смотри, уже шевелится».

На первый взгляд казалось, что находящийся под колоколом-колпаком маленький человек, или то, что должно было стать подобием человека, всё ещё лежит неподвижно. Но уже было понятно, где у него рот, руки, половой орган и ступни, непропорционально большие по отношению к остальной, почти аморфной массе. «Развивается очень быстро, – шептал Алкивиад, возбуждённый как ребёнок. – Как ты думаешь, он нас возбуждает? – спросил он, на самом деле не ожидая ответа от Бонифацио. Да если бы тот что-нибудь и сказал, одобрителное или нет, Учитель всё равно его уже не слушал. После того, как в пятницу утром, ещё до рассвета, Алкивиад вырыл под виселицей большой корень мандрагоры и спрятал его под колоколом, он делал всё, что нужно для развития организма гомункула. Процесс этот с самого начала совсем не прост: корень мандрагоры нужно выкапывать из почвы очень осторожно; для этой цели используют особо толстые, двухслойные перчатки из свиной кожи, потому что мандрагора, когда её выкапывают, может дать весьма опасную реакцию – выделить густую ядовитую жидкость. Иногда для добычи мандрагоры используют собак, которые зубами извлекают корни из земли, при этом нередко случается, что собаки подымают в страшных муках. Учитель, давно уже овладевший мастерством в извлечении мандрагоры и первоначальном уходе за ней, был, как всегда, очень осторожен и точен. Он подкармливал корень мандрагоры, поливая его мёдом, молоком и кровью молодого, только что зарезанного петуха. Алкивиад положил этот корень на питательный слой, который он сделал из комочков земли из-под виселицы, впитавших последние капли спермы повешенного, и конского навоза со рокаднейной выдержки. Это было обычной процедурой, при помощи которой Алкивиад уже создал нескольких

Александр Прокопиев (Македония) – родился в 1953 г. Автор рассказов и эссеист. Окончил филологический факультет Белградского Университета. Является научным советником в Институте македонской литературы в Скопье. Автор сборников рассказов: «Молодой мастер Игры» (1983), «Или... или...» (1986), «Плавание на юг» (1987), «Слово о змее» (1992), «Ars amatoria» (1997), «Человек с четырьмя часами» (2003).

Живёт в г. Скопье.

немых человечков, которых использовал в качестве миниатюрных слуг или акробатов для развлечения. То, что их век был недолог – они, как правило, жили около четырех месяцев – не уменьшало впечатления, которое человечки производили на тех нескольких верных друзей Учителя, которым было позволено на них посмотреть. В отличие от механических фигурок в виде небесных птиц, пчёл или людей, играющих на лютне, которые пытались что-то прочирывать, прожужжать или проиграть, потерзав двойные струны (но далеко не так умело, как Франческо да Милано), чтобы потом, после нескольких минут активности, обмякнуть, как брошенные марионетки, гомункулы, хотя у них было неуклюжее и совсем некрасивое тело и их конечности не были полностью сформированы, так что часто одна рука или нога была короче другой, «жили» с начала и до конца своего существования. Нельзя сказать, что их рождение и смерть были похожи на рождение и смерть человека или какого-то другого существа живого мира. Порождения мандрагоры, оплодотворённой спермой насильственной смерти (в этом случае Танатос полностью взял на себя роль Эроса), они были настоящими детьми смерти. Их уход из этого мира точно так же был непохожим на человеческий. Почувствовав, что их судный час близок, эти существа, обычно весьма послушные, становились всё более и более нервными – места себе не находя, все время бродили по дому с явным выражением недовольства на недоделанных лицах. Говорить они не могли, только издавали какие-то печальные и в то же время яростные звуки, нечто среднее между поскуливанием и рычанием. А с наступлением темноты начинали царапаться и стучаться в окна, как кошка или собака, которым надо на улицу. Для Бонифацио самым удивительным и страшным было то, что человечки уходили из дома, чтобы исчезнуть, только по ночам. Днём, даже если было очевидно, что силы покидают их, они оставались внутри. Забирались в какой-нибудь темный угол дома и там тихо постанывали до самой ночи. Алкивиад догадался, что они ждут заката – именно тогда, ковыляя и прихрамывая, не обернувшись на прощанье, человечки навсегда уходили в ночь. – Куда они деваются? Как исчезают? Есть много непонятного в этой стороне их жизни, и думаю, добрый мой Бонифацио, что для них загадка времени должна решаться иначе, чем для нас, людей. Но и эти существа не могли бы родиться без человеческого семени, пусть и извергнутого в агонии. Семени умирающего, оплодотворяющего утробу земли. Значит, самым актом своего зарождения, этот omino разрушает представление о жизни как об отрезке, который с самого начала неумолимо идёт к своему концу. С другой стороны, рождаясь буквально из этого конца, гомункул издевается над навязанной нам мрачной шуткой, что время постоянно движется в одном направлении, что старение необратимо. Этот omino докажет обратное!

Бонифацио поражала эта одержимость Алкивиада, непосредственным свидетелем которой он был. Учитель буквально не отходил от плода под колпаком, подкармливал его ягодами черноплодной рябины, икрой сома и маслом из зверобоя.

Бонифацио уже седьмой год был учеником Алкивиада. Он до сих пор помнил, как тот взял его в ученики – это было совсем не просто, хотя его дядя, один из самых богатых людей в городе, лично поручился за него. Учитель пригласил его к себе домой, где также находилась его лаборатория. Бонифацио тогда исполнилось восемнадцать лет, и он только что прочитал De hominis dignitate, но это нисколько не помогло ему в том, чтобы чувствовать себя достойно и уверенно на экзамене, который, кстати, длился три дня. На вопросы, которые ему задавал Алкивиад вначале – например, о хрономатии, об основах работы с магическим квадратом, о том, как сделать красный атрамент и как потом растворить его в воде, о дуалистической природе нишадора, о толковании календаря по дням и декадам в зависимости от движения Луны – Бонифацио отвечал быстро и чётко, без запинок. Когда учитель попросил его применить астроматематику к конкретным медицинским вопросам, таким как зависимость функций тимуса и сердца от влияния Солнца, лёгких от Меркурия, глаз и желчного пузыря от Марса, Бонифацио призадумался, а затем постарался дать как можно более ёмкие ответы, внимательно выслушивая пояснения Алкивиада. Но в последний день экзамена, когда речь зашла о тайных, скрытых сферах, например, об Астральных духах, обитающих в небесных телах и управляющих ими, а через них и человеческими душами, о

духах-строителях, создающих энергетические цепи, о духах-секретарях, составляющих свидетельства о том, как используется та энергия для пророчеств, рекомендаций и исцелений, Бонифацио, щёки которого горели, будто он только начал учить азбуку, возбуждённый и испуганный, молчал, ожидая, что скажет учитель. Учитель был явно доволен его поведением. После экзамена он сказал: «Знание неоднозначно. Иногда, я уверен, что и тебе это известно, его можно выразить неизмеримо большим количеством слов. А иногда, опасаясь, что чего-то не знает, человек становится излишне осторожным в выражениях или вообще молчит. Тут, как в музыке: в первом случае мелодия получается перегруженной, во втором – некоторые звуки, исключительно благодаря паузам, приобретают особую глубину. С завтрашнего дня двери моего дома для тебя открыты. Будем трудиться вместе. Первоначально работы будет очень много, а удовлетворения, возможно, очень мало, но со временем, когда ты заложишь в облаках фундамент своего замка, ты не сможешь жить вне его».

Алкивиад, в сущности, говорил о композиции своей собственной жизни (употребим здесь музыкальное сравнение, которым и он часто пользовался), но в основном он оказался прав: несмотря на разницу в характерах, Бонифацио в течение этих семи лет преданно и с неослабевающим интересом «наполнял свой храм скульптурами и гармонией», как говорил Учитель, «чтобы после этого самому предаться мистерии Мудрости».

Несмотря на богатый опыт, который Бонифацио приобрёл, всё это время работая рядом с Учителем, он не потерял ни крупицы своего детского умения удивляться. Участвуя в экспериментах Учителя, он непосредственным образом реагировал на их результаты – радостно улыбался или хмурился, в зависимости от того, подтверждались его предположения или заставляли сомневаться в успехе дела.

– Как ты думаешь, видит он нас? Что он о нас думает? Спрашивает ли он себя: Они реальны? Они существуют? Существуют ли я?

Стоя, будто окаменев, рядом со склонённым над стеклянным колпаком взволнованным Учителем, Бонифацио не мог подавить чувство, что на этот раз они идут в неправильном направлении и приближаются к опасности столкнуться с чем-то страшным и непонятным. Он вспомнил, что одним поздним вечером сказал ему Учитель, когда под его руководством он разливал в пузырьки бальзам из аниса, чеснока, оливкового масла и базилика против воспаления и боли в ушах: «Ну, вот, теперь ты научился делать и это лекарство. Я надеюсь, что, как ученик, путешествующий по морю знаний, ты сможешь при небольшой помощи с моей стороны добраться до противоположного берега моря. Но никто другой, кроме тебя, мой добрый Бонифацио, благодаря собственным силам, самоотверженности и мужеству, не сможет достичь противоположного берега моря, которое называется Время».

Теперь, наблюдая, как Алкивиад почти в экстазе следит за развитием гомункула, Бонифацио подумал, что никогда, в отличие от Учителя, он не сможет добраться до берега под названием Время.

– Для меня, мой добрый Бонифацио, существует одна-единственная причина, почему мне так важно сделать этого гомункула гораздо более совершенным, чем предыдущие. Для познания истины. Чтобы создать не только тело, перчатку, но и разум, руку, полностью соответствующую этой перчатке. Тебе известно, что теряя тело, мы, если бы достаточно продвинулись по земному пути, смогли бы увидеть астральные составляющие всех явлений, смогли бы, например, через сон, даже воздействовать на мысли других, но общаться в физическом плане, телу с телом, было бы сложно. Но вот с помощью гомункула...

– Вы имеете в виду с помощью его второго «я»?

– Да, именно так. Потому что тот, невинно повешенный, вновь сможет ощущать вибрации и воздействия физической материи.

– Но разве это не будет двунаправленным процессом? Гомункул, то есть повешенный, станет проецировать вибрации, влиять на этот мир и на нас.

– Именно этого я и добиваюсь! – вскричал Алкивиад, выпрямляясь, его глаза горели каким-то глубинным светом. – Тогда и откроется истина!

– Значит, поэтому вы с такой страстью добиваетесь, чтобы гомункул заговорил...

– И он заговорит. Его голосом. Голосом графа Маурицио Бенедетти. Чтобы стало ясно, что же произошло на самом деле.

– Как известно, он был повешен за убийство, – неубедительно пробормотал Бонифацио.

– А по чьему приказу, я тебя спрашиваю, повешен? Кто тот, кто убил графа Бенедетти? Я – учёный, мой добрый Бонифацио, я не политик. Меня интересует власть над химическими процессами, а не власть над людьми. Но будь я политиком, я не действовал бы с такой жестокостью и суровостью по отношению к своим противникам, как действуют те, кто находится при дворе.

– Наши правители? – вырвалось из уст Бонифацио, сразу понявшего, насколько лицемерно смирение Учителя.

– Именно, наши правители. Горе тому, кто посмеет сказать что-нибудь против них. Наградят по-царски. Проглотит его ночь, без следа, тихо и мирно, – не скрывал насмешки Алкивиад. – А народ молчит. Одни напуганы до смерти, другие легковёрны и глупы...

– Но они построили... основали университет. И во дворец приглашают ученых... из Флоренции... Полициано, Фичино, Мирандола...

– Знаю, я был там и слушал их с восхищением. Но в то же время достаточно критически. Ох, мой добрый Бонифацио, все эти научные собрания, торжества и приёмы, которые устраивают наши так называемые власти, не имеют никакого отношения к заботе о бедных жителях города, раблепных и недалёких. Граф Бенедетти был одним из немногих, кто осмелился во всеуслышание указать власти на её склонность к показухе и абсолютное пренебрежение нуждами простых смертных. Разумеется, судебными процессами не изменить жизнь к лучшему, но их можно успешно использовать для того, чтобы сбить людей с толку. Суд над графом по делу об убийстве его брата и Алессандры ди Прана был именно таким, инсценированным, и никто не сможет разубедить меня в том, что таким хитроумным способом власть избавилась от своего противника.

Алкивиад белым пёрышком написал на теле гомункула какие-то буквы, тёмно-красные как кровь, среди них Бонифацио узнал латинские, еврейские и греческие, другие же были ему неизвестны.

Не дожидаясь вопросов, Учитель сказал: «Есть, како, люди. Это буквы угловатой глаголицы, младшей сестры глаголицы округлой, которую много веков назад вместе с мощами святого Климента Римского привёз в Рим Константин Философ, а первыми начали распространять Анастасий Библиотекарь и Гаудерих Веллетрийский. Буквы по-прежнему живут на острове Велья на Адриатике, который славяне называют Крк, а еще в городе Зара, на севере побережья Адриатического моря...»

Бонифацио кивнул, хотя не совсем понял сказанное Учителем. Но он уже привык внимательно слушать и запоминать, а затем искать объяснение в глоссариумах библиотеки.

– Я пишу знаки глаголицы рядом с латинскими, греческими и еврейскими буквами, чтобы внедрить в него логос, который соединяет чистые идеи и реальность. Я рисую ствол слова. Питаю его буквами. Ветви вырастают и переплетаются с другими словами-деревьями благодаря буквам и дополняют друг друга... поэтому я пишу разные письмена... чтобы он изучил их и определил форму, порядок и правила использования букв... чтобы он мог заговорить... Поэтому и перо, которым я пишу буквы, из крыла лебедя. Лебедь... существуют заклинания, которые могут превратить его в человека и обратно... поэтому Зевс соблазнял Леду именно в образе лебедя... Красные чернила – это свекольный сок. Густой, прокипячённый в девяти водах, чтобы действовал долго и наверняка...

Аккуратно нанесённые красные буквы медленно всасывались в кожу гомункула. И через десять дней их очертания всё ещё были видны. Гомункул пока не произнёс ни звука.

– Учитель, он до сих пор молчит.

– Будь терпелив, Бонифацио. Когда рожки месяца в зеркале повернутся так, как это было, когда я писал буквы, тогда настанет время услышать его голос.

– Прошу вас, поймите правильно моё беспокойство. То, что мы делаем... мне кажется каким-то...

– Тише! – прервал его Алкивиад. – Смотри, как он дышит!

Подсвечник стоял на самом краю стола (так, что Бонифацио пришлось немного передвинуть его к середине), освещая гомункула, который находился, казалось, в центре сцены, огромного тёмного прямоугольника, по размеру больше стола. Уродливое, бесформенное дитя быстро росло. Свет свечей желтил и без того бледное лицо гомункула, которое не только из-за своего воскового цвета, но и из-за неправильности черт выглядело так, будто было не от мира сего – левый глаз у него был выше правого, торчащие во все стороны рыжие пряди были как будто только что приклеены, слишком большие мягкие губы придавали лицу *otino* неестественную одутловатость. После того, как Бонифацио посмотрел на это лицо, ему начало казаться, что сам воздух вокруг сгустился, стал удушливым, будто комнату давно не проветривали.

Он перевёл взгляд на голую грудную клетку существа, быстро поднимающуюся и опускающуюся, как будто гомункул бежал или таскал тяжести – мелкие неровные вдохи и выдохи, торопясь, следовали один за другим.

– Надо снять колпак... скорее... ему трудно дышать... – проговорил Учитель, хотя на стеклянном колоколе было несколько небольших отверстий, позволявших воздуху проникать внутрь. Алкивиад торопливо приподнял, а потом и почти убрал стеклянный колпак. Давно уже, – подумал Бонифацио, – я не видел Учителя таким взволнованным: «...да ...вот ... смотри, он...»

Дыхание человечка теперь стало слышнее, кроме этого, стал слышен ещё какой-то полувзвук ...агрр ...агрр ...агрр, вырывающийся из его распухших губ ...агрр ...агрр ...агрр; в его хрипе можно было даже распознать мутные зародыши гласных аоо...

– Я узнаю его, Бонифацио. Я вижу, что у гомункула в голове уже возникают обрывки мыслей, которые принадлежали графу Маурицио, я узнаю его характер... Не стесняйся, спроси меня о том, что тебя мучает: действительно ли он заговорит? Ну, уважаемый Бонифацио (была ли доля насмешки в этом обращении?), разум дан нам Богом, и поэтому мы должны верить в него. Известно, для какой цели создано всё, что существует в этом мире. Компас, чтобы знать, где мы находимся и куда движемся. Порох, чтобы убивать на расстоянии. Пёсьеголовые люди, амазонки не для того, чтобы знать, кто они, а чтобы знать, кто мы.

Сбитый с толку Бонифацио слушал патетические восклицания Учителя: «Поэтому и Он с сегодняшней ночи получает имя. Маурицио. (Бонифацио повторил имя за Учителем.) Будем к нему обращаться так, как будто он снова родился. Я возвращаю ему жизнь, Бонифацио, оживляю графа Маурицио».

Предыдущих человечков Учитель просто нумеровал: Примо, Секондо, Терцио... (что, по мнению Бонифацио, звучало слишком весело, принимая во внимание их печальную судьбу). Этот гомункулус был девятым по счету и должен был получить имя Ноно (!), что явно противоречило цели Учителя и тому значению, которое он придавал появлению этого гомункула.

Случай с графом Маурицио Бенедетти большинством жителей Республики был оценён как преднамеренное политическое убийство, но требовалось большое мужество, чтобы сказать такое даже шёпотом, потому что шпионы подслушивали за каждым углом, и казни совершались быстро и бесшумно. Известное семейство Бенедетти было из тех, которым на протяжении десятилетий не было равных по знатности и богатству. Бернардо, отец Маурицио и младший сын Джакопо, долгие годы, вплоть до своей смерти, успешно служил городу в качестве члена Совета Шести, высшего органа управления в Республике. Все ожидали, что его сын, Маурицио, займёт его место. Но этого не произошло. По крайней мере, сразу. Чиновники официально обратились к народу с заявлением, в котором они лицемерно – лукаво, как сказали бы одни, или подло, как сказали бы другие – сообщили, что властям необходимо время, чтобы оценить поведение графа Маурицио в обществе, так как ряд инцидентов с его участием указывает на склонность графа к насилию, то есть на его неготовность к такой высокой и ответственной должности. У Маурицио действительно не было врождённого

благородства его отца, он часто ввязывался в ссоры и драки, но разве нельзя сказать того же о многих молодых людях, живущих в том городе? Ими властвовала огненная стихия, холерический, жаркий и сухой темперамент, плод нетерпеливой молодости. Но тем, что у графа Маурицио этот темперамент был выражен ярче, чем у других, и воспользовались, по мнению Учителя, его противники, чтобы его уничтожить.

Граф Маурицио Бенедетти был уже три года женат на самой красивой женщине в городе. Бонифацио однажды видел её, когда Алессандра ди Прана, впоследствии графиня Бенедетти, проходила мимо него по улице, и он, как, впрочем, и каждый, кому посчастливилось видеть её, был совершенно потрясён необыкновенной красотой этой женщины. Она была на пять или шесть лет старше его, что Бонифацио по малолетству казалось огромной разницей в возрасте, но её красота оставалась не тронутую временем, как красота Елены Троянской или Симонетты Веспуччи. Она полностью заслуживала прозвище, под которым её знал весь город. La Bella. Красавица. Необыкновенно белокожая, что подчеркивалось её густыми рыжими волосами, на которых красовалась жемчужная диадема. Девушки и женщины в городе не жалели денег, чтобы достичь хотя бы приблизительно такой белизны кожи (для Бонифацио не было секретом, что немалая часть доходов Учителя шла от заказов дам на средства для отбеливания). У Алессандры ди Прана нежная бледность лица и тёмнопламенные кудри волос были даром природы или Бога. Для каждого, кто был поражён её красотой (и, к своему стыду, обычно не мог скрыть восхищения и восторга) третьим чудом являлись её огромные миндалевидные светло-карие глаза, которые можно было бы даже назвать меланхолическими, если бы не смелый, открытый, даже пронзительный взгляд, который приводил человека в замешательство.

Ещё в детстве Бонифацио слышал рассказы о La Bella, ходившие по городу – о её красоте, прекрасном голосе и умении музицировать на виоле-да-гамба и флейте. Говорили и о том, что она пишет замечательные стихи о любви с нежной орнаментальной элегантностью, но хранит их для себя и своих близких. И объявление о её браке с графом Маурицио Бенедетти, бретёром и забиякой, вызвало у всех большое удивление. Похоже, она была вынуждена выйти замуж за графа из-за его богатства, злорадствуя, судачили дамы в годах. Алессандра ди Прана принадлежала к одной из старейших, но обедневших семей, и брак дал ей возможностью примкнуть к богатому дому. Но почему же её отец, рассуждали злопыхатели, не выбрал младшего графа Бенедетти, Джакопо, который в отличие от своего старшего брата, был покладистым, любил искусство и уж, во всяком случае, гораздо больше подходил для того, чтобы стать мужем прекрасной Алессандры. Да потому, был ответ, что именно граф Маурицио как первенец унаследует всё богатство Бенедетти, и потому, что он уже давно искал красавицу благородного происхождения, достойную стать матерью его детей. В городе, гордящемся своим свободомыслием, остроумными и фривольными *canzonetti* и *frottoli*, женщинам после шести лет брака было запрещено носить разноцветные платья и приказано ходить только в чёрном. Им разрешалось ещё какое-то время носить высокие воротники и широкие рукава, но после двенадцати лет замужней жизни и они должны были исчезнуть из их жизни.

– Мы не идём против устоев церкви, если это тебя пугает, Бонифацио. Мы в данном случае оживляем человека, чтобы исправить несправедливость. Бог выше ценит того, кто трудится, стремится выполнить свою миссию в жизни, или, если хочешь, назови её долгом, чем того, кто не работает и пассивен, считая, что регулярное посещение церкви – это его единственная задача. Граф Маурицио, если мы сумеем вернуть его, может быть, и не будет иметь тот же физический облик, что и раньше, но зато сумеет сказать правду, которую не дали ему высказать его лже-судьи. Как писал блестящий Пико: Бог дал человеку возможность самому решить, в какой форме ему существовать на Земле. Если он выберет растительное существование, то будет растением, если захочет жить как собака, будет собакой. Но если он захочет стать человеком, то тем самым он выбирает и образ, в котором будет существовать. Хотя тело – и человеческое, и гомункулуса – смертно и гленно, и век его короток, оно даст нам возможность вернуть душу графа Маурицио, чтобы она сказала то, в чем я твёрдо убеждён, что он не виновен!

Произошедшее убийство было воспринято в Республике с ужасом, хотя многие уже привыкли к тёмным, таинственным происшествиям. Зверски убиты красавица и всеобщая любимица Алессандра ди Прана и великолепный граф Джакопо!

На место убийства немедленно вызвали Алкивиада, которого высоко ценили как знатока медицины, последователя Гиппократ, Галена, Аристотеля и учителей медицинских школ Салерно и Монпелье, методы лечения которых он с успехом применял. «Женщина была уже мертва, но граф Джакопо ещё дышал, хотя жизненная сила в нём значительно ослабла, почти не было слышно сокращений сердца, и пульс был, как мышинный хвост... (Тут Бонифацио быстро повторил про себя симптомы мышинного хвоста: «Когда положишь четыре пальца на жилу, под первым пальцем биенье едва чувствуется, под вторым оно яснее, еще яснее под третьим, а под четвёртым его практически нет. Такой пульс указывает на близость летального исхода») ...ужасное зрелище... глубокий разрез в верхней части шеи чуть ниже подбородка, жилы и сухожилия перерезаны с точностью профессионального убийцы. Из раны хлестала кровь. Человек лежал с широко открытыми глазами и пытался что-то сказать, что-то непонятное, потому что кровь заливала ему рот. Я наклонился над ним и с трудом мне удалось понять: «С'е una speranza di salvezza». Надеюсь на спасение. Да, мой добрый Бонифацио, он сказал именно это. Надеюсь на спасение. Это были его последние слова перед смертью».

Графа Маурицио немедленно арестовали по обвинению в двойном убийстве из ревности. Последовал скорый суд и приговор – смерть через повешение. Не помогли усилия друзей, которые требовали дать суду время для сбора доказательств в пользу графа.

– Основания для сомнения, конечно, были, мой добрый Бонифацио. Почему граф Джакопо был ликвидирован именно таким образом, а не в поединке ударом кинжала в грудь, что больше соответствовало бы темпераменту его брата. Зачем убили Алессандру ди Прана? Маурицио Бенедетти мог поскандальить, мог оскорбить, но никогда не пошёл бы на хладнокровное убийство женщины.

Через несколько дней после убийства Алессандра и Джакопо, граф Маурицио Бенедетти шёл к виселице с ненавистью в глазах и проклятиями на устах. «Я вернусь, мерзавцы, я отомщу!» – грозил он перед повешением.

– Он ушёл в ярости, с криками и в гневе.

Гомункулу стало больше не нужен защитный колокол. Он начал двигаться, переваливаясь с ноги на ногу, как и предыдущие гомункулы, но так как он был крупнее их, то и ходить ему было труднее, и походка у него была медленнее. Он потихоньку бродил под неусыпным наблюдением Алкивиада по всему дому, хромая, подволакивая ноги, одна из которых была короче другой, что-то бормоча и останавливаясь с интересом то перед железной кроватью, то перед шкафом со старинными рукописями, то перед полками со стеклянными сосудами. Он даже попытался взять одну из колб (к счастью, пустую, подумал Бонифацио), она выскользнула у него из рук и, упав на пол, разбилась вдребезги. Учитель сразу же прибежал и стал собирать осколки. «Как ты, Маурицио? Не поранился?» – спросил он с тревогой. «Ака». «Что?» «Аква». «Асqua!» – закричал Учитель. – Бонифацио, он сказал асqua! Он хочет воды. Он понимает!» – и начал прыгать, как ребёнок.

– Отныне, Бонифацио, он будет сидеть с нами за столом, – немного успокоившись, сказал Алкивиад торжественно, – и мы будем обедать вместе». Идея «обеда» показалась Бонифацио немного смешной, потому что Учитель, увлечённый работой, часто забывал о еде, а когда вспоминал, ел хлеб с чесноком, запивая лёгким вином. Но на этот раз он, светясь от гордости, накрыл обеденный стол вышитой скатертью из Фландрии и принёс парадное столовое серебро. Обед начался с супа из сушёных овощей, который гомункул жадно выхлебал. «Ещё», – пробормотал он, дожёвывая последний кусок. Учитель был счастлив: каждое новое полуслово, сказанное гомункулом, с жадностью пожиравшим кролика в гаруме, ферментированном рыбном соусе, и приправленную чесноком капусту, он встречал с бурным энтузиазмом. Хотя гомункул выговаривал некоторые звуки нечетко, Бонифацио был поражён точностью, с которой гомункул употреблял слова, как будто знал их раньше.

В конце трапезы Алкивиад налил медовухи, наполнив до краёв серебряные бокалы для себя и Бонифация и налив до половины стакан для гомункула Маурицио, к которому он обращался по имени или «граф». Но тот, выпив медовуху одним глотком, немедленно потребовал, на удивление хорошо выговаривая слова, «красного бордо». Ужин прошёл под постоянное бормотание человечка, что опять вызвало громкое восхищение Учителя, и продолжался до позднего вечера. Оба, учитель Алкивиад и гомункул Маурицио, проводили Бонифацио до порога и вместе пожелали ему «buona notte».

Спеша по узким улочкам города к родительскому дому, Бонифацио не мог избавиться от беспокоящей его мысли о том, что, в отличие от прошлых ночей, когда, после долгих часов работы, он возвращался домой уставшим, но спокойным, сегодня он не хотел оставлять Учителя одного. Наедине с опасным существом, которое с каждой минутой всё больше казалось ему похожим на реального графа Маурицио Бенедетти, грубого и подверженного приступам неконтролируемой ярости. Весь ритуал с гомункулом и посмертной мистерией взволнованному Бонифацио представился тёмной тучей, нависавшей над Учителем. «Чего же ты ждёшь? Возвращайся немедленно!» – сказал он себе и побежал назад. Запыхавшийся и испуганный, он вскоре оказался перед домом Учителя.

Входная дверь была приоткрыта, из трапезной слышались стоны. Среди разбросанных тарелок, бокалов и объедков, скорчившись на полу, с ножом в груди, каким за ужином резали жареного кролика, лежал учитель Алкивиад.

– Он, Маурицио... ошибка ... неестественно... операция... неверная идея...

Бонифацио представил себе графа Х. – прихрамывая на одну ногу, бредёт он по тёмным улицам города, неизвестно куда, злобное существо, способное на любое преступление.

– Он огромный... Я мечтал об этом... вернуть его... испытать Время... я отпустил его... в ночь...

– Всё будет хорошо, Учитель. Главное, лежите спокойно. Не волнуйтесь. Всё будет в порядке.

– ...Чтоб вернулся к Богу... в прежнем виде... для человека недостижимо... Время...

Осторожно подкладываявший шёлковые подушки под голову раненого, Бонифацио не знал и не мог предположить, что спустя столетия алхимик стиха с андрогинным именем Райнер Мария под невидимыми для невежественного взгляда цепями синхронизации выскажет в тех же словах мысли Учителя, которые Бонифацио посчитал предсмертными хрипами раненого:

*Чего он добивался – сгоряча
он ночью отпустил его, и к богу
оно вернулось, прежний вид приняв.
А он, как пьяный, что-то лепеча,
внезапно растянулся у порога*.*

Палчо

Мама, а ты всё ещё с этим, моим ровесником? Эх, не будь я твоим сыном... Почему я такой ужасный... А он добрый, 714 евро отдал за моё лечение. Кстати, передай ему мою благодарность за то, что он подумал обо мне. И за то, что заплатил за санаторий. Хотя этот санаторий больше похож на воспитательное учреждение специального типа, чем на лечебное заведение. Ну, ты знаешь, что я имею в виду. Сразу же, в первую неделю моего пребывания там, меня наказали за то, что я слушал музыку на плеере с 15 до 17.30, когда там был так называемый «тихий час». Откуда

* Перевод К.П. Богатырёва

мне было знать, что музыка с плеера может кому-нибудь помешать? Но меня застали, и здешняя начальница, Кираца, приказала запереть меня на целых два дня и две ночи в пустом подвале, где был только один стул, прибитый к полу, меня к нему привязали и направили в лицо невыносимо сильный рефлектор. Можешь ли ты представить себе, мама, каково мне было тогда, с этой острой иглой света, бьющей прямо в зрачки, с впивающейся до крови толстой веревкой на руках, безумно испуганному и беспомощному в той Проклятой Камере, так дети в санатории называли это ужасное место, окон там нет, есть только глазок в железной двери. Сидя там, всего через несколько часов ты уже не понимаешь, светит ли на улице солнце или люди мирно спят среди ночной тишины. Время тянется невыносимо долго. Иногда кто-то открывает эту дырку в двери и смотрит на тебя, ты чувствуешь на себе его холодный издевательский взгляд, но не видишь, кто там, потому что перед глазами плавают какие-то круги из-за постоянной агрессии рефлектора. Там, где-то далеко, за этой дыркой, за саркастическим мучителем, существует мир, в котором разговаривают, двигаются, а иногда, может быть, даже и смеются, и уродливый суровый мир санатория начинает, по сравнению с этой Проклятой Камерой, казаться прекрасным и свободным. Да, и свободным! Потом дверь опять запирают, а свет режет, как нож палача, и это не прекращается долго, очень долго... Пока не начнешь кричать, орать как безумный, а ты уже таким и становишься, заходясь от крика, визжишь сорванным голосом, как я орал до этого всего один раз в жизни. Тогда дверь отпирают. Ты слышишь шаги начальницы Кирацы, узнаешь её резкую походку, но саму её ты не видишь из-за убийственного света, она подходит к тебе и с презрением смотрит на тебя. Ты предполагаешь, что она, как обычно, в чёрных шерстяных брюках и черном пиджаке, всегда аккуратно застёгнутом, из-под которого, обвивая шею, выглядывает сверкающий белый воротник свежесглаженной рубашки. Потом ты слышишь её голос.

Мама, если кто-то заботился обо мне с рождения, это была ты! Несмотря на то, что я стал для тебя таким неприятным сюрпризом. Ты не смогла даже сказать, что я твой ребёнок. Да и как бы ты смогла! Какой-то червяк, весь покрытый черными волосами из-за раздражения твоего нежного желудка. Могу себе представить, как неприятно тебе было меня вынашивать, а тем более, когда ты увидела меня в первый раз – похожего на мокрую крысу, только что вылезшую из канализации. Даже уважаемый гинеколог, который помогал тебе разродиться, благоговей перед неповторимой красотой твоей и твоего влагалища, увидев меня, выпучил глаза! И ещё сильнее, когда он услышал мой первый крик! Я знаю, что все в роддоме были потрясены этим ужасным голосом, нисколько не похожим на голос ребёнка, а напоминавшим скорее нескончаемый вой больного животного. Естественно, я ещё был не в состоянии оценить эффект, вызванный своим появлением на свет и плачем, хотя, лет через десяток, когда началось половое созревание, я понял, что запомнил его, сохранил в своём подсознании.

Каждый раз, когда я заходил в ванную, я разглядывал своё лицо в зеркале, и как всегда делал это с чувством вины за свою внешность, за нос с кровотокащими прыщами, за толстые губы с белыми корочками в углах, за огромную голову, насаженную на рахитичное тело паяца. Два глаза, ярких, как жёлтые кошачьи глаза, смотрели на меня, неприятно нечеловеческие и холодные даже тогда, когда нестихающий гнев по отношению к самому себе переполнял меня. Может быть, они были такими, потому что с младенчества, после всех мучений, которые я пережил, мои глаза всегда оставались сухими, без единой капельки слёз. Со слезами я плакал только два раза в жизни.

Первый раз – тогда, перед зеркалом, после того, как я, кто знает, в какой раз поразился своему уродству, какое-то сожаление, будто неведомый порыв, вырвалось наружу из рахитичной груди и превратилось в крик, громкий, животный, потом в другой, третий, и я начал выть, стоя на коленях на полу в ванной, потому что я не мог на себя смотреть... Хорошо, что тебя не было дома, ты пошла пить кофе со своим любовником в «Журнал» и не могла слышать мои варварские крики о помощи!

Прости меня, прости меня, мамочка, за моё уродство! Прости за ничтожность, за дерзость, с которой такой человеческий выродок осмелился называться твоим сыном!

Как тогда в ванной, так и теперь, в Проклятой Камере, я захлёбывался в слезах, сопровождавших мои ужасные рыдания. Кираца с презрением глядела на меня, пока

я вопил как безумный, размазывая по лицу слёзы и слюни, потом спросила ужасающе спокойным голосом: Ты чего так разорался? – Изви...ните...госпо...жа, – начал я, не видя, из-за садистского лезвия света, ничего другого, кроме её тёмного силуэта. – Я тебе не госпожа, – прервала она меня резко: – Кто я... Кто? – Вы начальница, – прохлюпал я. Ты можешь представить себе, мамочка, каким бедным, каким несчастным я чувствовал себя. Я пытался остановить слёзы, но не мог. Я рыдал снаружи и внутри... Когда, наконец, мне удалось увидеть её глаза, я оторопел – они смотрели на меня изучающе и холодно, без всякого выражения, не выказывая никакого чувства, кроме чувства хозяина. – Ты заслужил наказание, теперь ты должен его отбыть. И нечего мне здесь извиваться в слизи, как червяк! – Кираца будто читала мои сопливые мысли, тем самым заставляя меня ещё сильнее почувствовать свою ничтожность и понести кару и от нее, сейчас, когда я был так слаб, чтобы защищаться.

Да, я был раздавлен, но и в таком унижительном состоянии я не переставал ненавидеть проклятую Кирацу. И когда она вышла из камеры, все такая же равнодушная и жёсткая, я поклялся себе, в сотый раз, что я отомщу! Это цена, которую измученные души платят своим мучителям. Что может карлик, Квазимодо вроде меня, пребывая в таком отвратительном и бесконечном унижении, на какое обрекла меня Кираца, бросив в Проклятую Камеру? Когда я смотрел вверх, чтобы помолиться небесам, меня как кнутом хлестал искусственный свет от рефлектора, когда я пытался вздохнуть, чтобы вздох принёс облегчение, в грудь мне впивалась верёвка. Я знаю, мама, что даже в такие страшные часы ты бы отбросила от себя злые мысли и с внутренним спокойствием перенесла бы все неприятности. Но мне далеко до твоей доблести!

Я отбыл наказание до конца, просидев в подвале и второй день, и вторую ночь, хотя, как я уже говорил, я не осознавал, сколько времени я провёл там... И когда пришли люди, чтобы сказать мне, что всё кончилось, сняли проклятую верёвку, я всё сидел, скрюченный, замерев на стуле, и не мог сдвинуться с места, хотя уже не был привязан; открыли дверь, я так и не мог пошевелиться, был как слепой, как глухой, как мёртвый в те минуты...

Потом я пришёл в себя, встал со стула, вышел из камеры, даже с улыбкой, и с тех пор вёл себя как самый примерный, самый послушный воспитанник в Санатории, но мой мозг постоянно работал, замышляя месть.

Мне врезалось в память, как в раннем детстве, а в моём случае это было даже и дольше, потому что я не рос и был худым и сгорбленным, в пять раз мельче моих сверстников, ты заботилась обо мне. Как ты мучилась, разрываясь между обязательствами передо мной и человеком, которого ты любила, но тебе всегда удавалось балансировать и не сдаваться, несмотря на все трудности.

О, дорогая мама, я счастлив, что ты нашла человека, во всём тебе подходящего. Молодого, способного, могущего! Хотя, когда я представляю его себе, мамочка, должен признать, мне хочется укусить его прекрасное лицо. Он был невыносимо красив, с тёмными живыми глазами фата, с зубами, сверкавшими, когда он открывал рот в улыбке, с очаровательной ямочкой на подбородке. Я хотел своими редкими кривыми зубами разорвать соблазнительную симметрию его лица, искушать до крови, расплосовать его ужасное превосходство молодого самца-победителя. А что сказать о его росте! Он убивал меня, мама, убивал! У меня было непреодолимое желание укоротить эти длинные, элегантные ноги. И я не только замыслил зло, но тут же начал планировать, как это сделать!

В таком уродце телом, как я, и дух вырождается и легко строит адские планы. Наша квартира находится на пятом этаже в доме без лифта. Я знал, что он, и когда приходит, и когда уходит, то как будто летит, скачет самодовольным козлом, и не смотрит, куда ступает. В то время как он, как обычно, часами наслаждался твоими сочными округлостями, предварительно сорвав с тебя, как делают в дешёвых фильмах, кружевные чёрные трусики, я готовил западню. Я натянул серый шпагат на лестнице между пятым и четвёртым этажом, прочно привязав к перилам с одной стороны и к гвоздю, забитому в стену с другой стороны. Верёвку я натянул достаточно низко (мне это было не трудно!), чтобы он её не заметил.

Я знаю, как неприятно чувство, когда теряешь равновесие, и тело, как мешок с костями, взлетает в воздух, и сердце безумно бьётся от страха, предчувствуя, что будет, когда упадёшь. Это длилось всего лишь несколько секунд, но в течение этого короткого времени я имел счастье наблюдать, как изменилось от страха его красивое лицо, ставшее искажённым, потерянным, уродливым. Падая, он замахал руками, выбранился и загрохотал вниз по лестнице. Послышался довольно громкий треск, как будто кто-то ломал напополам толстые ветки. В следующий момент наступила глубокая тишина, он лежал на лестнице, раскинув ноги, потом заохал, лицо исказилось, как в немом кино, когда он попытался сесть, но не смог подтянуть к себе правую ногу в разорванной штанине, через которую виднелась расцарапанная розовая голень, миг ошеломлённого молчания, пока мою грудь наполняло приятное тепло, потом он закричал, и ты сбегала к нему вниз по лестнице, быстро, будто летела, принялась вытирать белым платком его отвратительно мокрое лицо (он заплакал!), встала на колени рядом с ним, как милосердная фея, утешала его нежными и заботливыми словами, неустанно целуя, как если бы он был раненой птичкой, а не взрослым мужчиной!

Я был снова отделён от тебя. Замурован в стенах своей чудовищности. Я спрятался в ванной, но ты не заметила, что меня нет. Ты была полностью занята травмой своего возлюбленного, хлопотала, не переставая, позвонила в скорую помощь, друзьям, уложила его в постель, преданно гладила и ласкала, а во мне, несмотря на все усилия утихомирить его, бушевал ураган ревности! А тот упивался своей ролью раненого, тем, что ты круглые сутки обслуживала его, и одинаково наслаждался твоей нежной кожей и твоими кулинарными изысками. Я страдал, какой-то червь съедал меня изнутри, сердце разрывалось, но тщетно – ты постоянно была с ним, и всё из-за моей глупости!

Я знаю, мама, я был для тебя в тягость ещё тогда, когда рос у тебя в животе. Этот чиновник, мой предполагаемый отец, долгими ночами наслаждавшийся твоим прекрасным телом, бесстыдно бросил тебя, когда ты сказала, что беременна. Выкинул, не говоря ни слова, как будто это не он тыкался тебе между ног, шепча целые тирады о том, что не может без тебя, этот диванный дрович, этот корыстолюбивый жулик, сразу затрясшийся от одной мысли, что это навредит его долбаной карьере, любовник вонючий, выставивший тебя на улицу, как бездомную собаку.

Как твоя добрая, тонкая душа страдала от несправедливости! Ты таскала сумки с энциклопедиями. В одной руке от А до Майк, в другой от Майм до Я, по четыре тяжёлых, толстых энциклопедии в каждой руке. Целыми днями носила их по узким улочкам города и возвращалась домой, еле живая, уставшая до смерти, а потом с энциклопедиями бегала по лестнице в нашем доме, пять этажей вверх, пять этажей вниз, вверх и вниз... Но несмотря на все твои сверхчеловеческие усилия освободиться от меня, я так и не позволил тебе добиться этого. Почему? Если бы у тебя получилось, мы были бы счастливее, и ты и я. Ты бы наслаждалась жизнью со своим любовником или со своими любовниками, потому что ты, мама, самая привлекательная, самая сексуальная женщина, которую я когда-либо встречал. Разве я не замечал, с самого раннего детства, как мужчины впивались в тебя взглядами? Возбуждаясь всеми своими мужскими ганглиями, они забрасывали тебя залпами многозначительных улыбок, а те, кто посмелее, подмигивая, отпускали двусмысленные полусловечки. Но когда их взгляды опускались на меня, выражения их лиц враз менялись – вместо похоти, ментально утекавшей как отлив, на их лицах читался неприкрытый ужас. Как же мне было стыдно, мама, как мне было стыдно за твой стыд, за то, что я унижаю тебя своим присутствием.

Мне не понятно, почему сейчас, по прошествии стольких лет после инцидента в ванной, у меня опять появляется глупая потребность плакать. Извини, мама, я знаю, это не похоже на обычный человеческий плач, но я, я никогда не был нормальным. Не то чтобы я не пробовал жить, найти смысл даже там, где властвует бессмыслица. Я пытался, но всё напрасно! Вон, даже Кирацу не смог убить. Хотя всё спланировал, впрочем, как и с твоим любовником: выбрал время – полночь, когда все воспитанники и медсестры в санатории спят, а Кираца после ночного обхода возвращается в свою комнату, место – я поджидал её, спрятавшись за дверью туалета в тёмном коридоре,

раздобыл инструмент – длинную отвертку, её я украл в гараже, где в качестве физиотерапии мы мыли «гольф» Кирацы.

Я не учёл только одно – что я низкого роста! Что мне не хватает десяти сантиметров, чтобы воткнуть отвертку туда, куда я хотел, ей в сердце. Я забыл, что это не кто-нибудь, а начальница Кираца. Моя атака немного сбила её с толку, но совершенно не испугала. Ловким и уверенным, как будто давно выученным движением, она схватила меня за руку, повернула и толкнула на пол. Мне удалось только оцарапать ей бедро, она же взяла метлу, стоявшую у стенки, и со всей силы ударила меня палкой по лицу. В глазах у меня помутилось, единственное, что я почувствовал, был горячий поток крови, заплеснувший мне лицо и потёкший в рот. Всё, что произошло потом, я вспоминаю, как сквозь туман, как меня били и тащили какие-то охранники, как врач зашивал мне раны на лице без анестезии и изуродовал меня ещё сильнее, если, конечно, можно стать более уродливым, чем я был, а судья мне бросил лениво: «Тебе конец, карлик, теперь сам жри своё дерьмо». Если бы меня спросили, был ли я действительно в санатории и вправду ли там лечили, я бы не нашёлся, что ответить. Точно так же я смутно вспоминаю, что какой-то вроде адвокат защищал меня, упирая на то, что я стал жертвой жизненных обстоятельств, которые сделали из меня немого субъекта иррационального насилия, но мне было всё равно, единственное, мама, я должен тебе признаться, что мне было немного неприятно, что ты не присутствовала на суде. Но потом, когда мне сказали, что ты была на зимнем отдыхе в Боровце со своим любовником, мне стало радостно, что, по крайней мере, на некоторое время ты могла отдохнуть от того свинства, которое я тебе устроил. Кстати, поблагодари своего любовника за то, что он послал мне подарок. За 8 евро, так написано на коробке. Хотя я сложил эту головоломку за несколько минут. Пазл из двадцати одной части – это для малышей...

Но не волнуйся, здесь мне не так уж плохо. Это заведение называется Исправительный дом для несовершеннолетних, хотя по мне это настоящая тюрьма. Но здесь не плохо. Я увидел, что есть судьбы, похожие на мою, здесь есть мальчики гораздо красивее и стройнее меня, но такие же несчастные... В камерах здесь, в отличие от Проклятой камеры, есть окна. С решётками, но окна. Я вижу, как идёт время, когда солнечно, когда облачно, когда идёт дождь, когда снег, каждую ночь я смотрю на звёзды, коротаю время, пересчитывая их и пережевывая варёную картошку, которую нам дают на ужин. Если вытянуться, я могу из камеры даже заглянуть за стены дома, увидеть людей и машины на улице. Мне даже видны верхушки деревьев, вчера они были с листьями, сегодня с голыми ветвями... Говорят, что единственная задача здесь – убить время, но у меня нет этой проблемы. Я мог бы жить здесь, в тюрьме, многие годы, не скучая. Дни по отдельности кажутся длинными, но когда они наслаиваются друг на друга, то становятся короче. Я доволен. Еда скромная, но её дают своевременно, три раза в день, плюс полдник. Каждое утро обязательные физические упражнения во дворе. Знаешь, как говорится, в здоровом теле – здоровый дух. Может быть, мне и вправду удастся оздоровить тело, а укрепив мышцы, я, может быть, поправлюсь и изнутри...

Как долго я пробуду здесь? До девятнадцатилетия. Потом мне придётся покинуть это место, но я что-нибудь придумаю. Я слышал, что если напасть на охранника, то тебе добавят ещё несколько лет, в настоящей тюрьме. Не беспокойся за меня. Теперь, когда ты избавлена от моего ужасного присутствия, ты, наконец, сможешь насладиться любовью и всеми теми мелочами, которые делают жизнь полной...

Представь себе, на суде начальница Кираца давала показания и сказала, как бы в мою защиту, сказала без стыда, что я хотел ударить её отверткой, потому что моя мать недостаточно меня любила. Даже упомянула об том моём лже-отце без яиц, чиновнике. Якобы, ты стала такой из-за него. Я был ещё не в себе от побоев охранников и от невежественного вмешательства докторишки, который зашил меня на живую нитку и только потом побрызгал каким-то обезболивающим спреем, от которого у меня губы одеревенели, так что я смог только прошептать: «Вы не правы, начальница». Она обернулась, высокая, стройная, чуть бледная, без макияжа: «Извини, я не поняла, что ты сказал. Бедняга, мне жаль его, господин судья». Я хотел ей ответить, выплеснуть всю правду в её двуличное лицо, но меня сильно избили, в ушах гудело, и колени всё

ещё тряслись, я тонул в бездне боли, так что я сумел только плюнуть. Но и на плевки мне не хватило силы, мама, слюна только размазалась по скривившимся синим губам. Я думаю, что выглядел ужасно, потому что в суде воцарилась неприятнейшая тишина, а стражник, стоявший рядом, больно и с гадливостью схватил меня за руку, как собаколов хватает шелудивого пса...

Я устал, мама. Много чего случилось в последнее время. А здесь, с какой стороны ни посмотреть, мне лучше. Я спокоен, меня почти не посещают галлюцинации, греховные мысли, я просыпаюсь отдохнувшим, занимаюсь физкультурой, хорошо ем. Ты обещаешь, что навестишь меня. Но, не пойми меня неправильно, тебе не обязательно приезжать очень часто. Твоя любовь греет меня и издалека. Мне достаточно вспомнить о тебе, и я уже слышу запах твоих духов с восторгом, с каким уродливый жук упивается ароматом королевы розы. Я ношу в себе твоё прекрасное голографическое изображение, и где бы я ни был, и где бы ты ни была, я ношу тебя в себе.

Перевела с македонского Ольга ПАНЬКИНА

